

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том XIV

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи российских исследователей, опубликованные в конце XX – начале XXI века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Белкин А.И.	Зловещая тайна Фрейда	4
Крук В.М., Харитонов А.Н.	Основные источники фрейдовского классического психоаналитического метода	21
Ольшанский Д.А.	С. Франк и З. Фрейд: Методологические основания религиозной философии	39
Медведев В.А.	Прикладной психоанализ – глобальная миссия и российская судьба	60
Жалюнене Е.В.	Вклад Фейрбейрна в теорию объектных отношений	69
Алейникова Т.В.	Психоанализ и некоторые проблемы детского возраста	74
Обухов Я.Л.	Детская агрессивность и проблема анального характера в концепции Анны Фрейд	78
Ткаченко А.А., Якубова А.В.	Садо-мазохистское влечение и механизмы психологической защиты	88
Попов А.Г.	Проблема завершеного анализа на материале клинического случая	105
Копылов А.Н.	Бессознательное использование мужчиной тела женщины	114
Санадзе С.С.	Свобода, страх, зависимость: психоаналитическое исследование взаимообусловленности свободы и страха с позиций индивидуального развития личности	117
Безруких А.В., Пилявина О.М.	Отражение и отыгрывание негативных чувств на символическом уровне в раннем детстве	125
Сахновская О. С.	Контрпереносное отыгрывание или принцип бумеранга	132
Алейникова Т.В.	Перенос: эволюция представлений и возможные нейрофизиологические механизмы	140
Степанов С.С.	Рождение светила	144
Степанов С.С.	Закат патриарха (Фрагмент)	149
Алексеенко Н.Н.	Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве	152

Зловещая тайна Фрейда

А.И.Белкин

Как толкует проблему денег психоанализ? Какой принимает она вид, если попытаться взглянуть на нее не с обычных, родных для нее экономических позиций, а с точки зрения процессов, происходящих в глубине человеческой души? Понятно, что нужно сделать, если уж возник такой вопрос: обратиться к литературе, и самое надежное — как выражались мы в прежние времена — к первоисточникам. Зигмунд Фрейд, великий учитель, создатель психоанализа — естественно, он первый должен удовлетворить наше любопытство. С его трудов и следует начать, заранее настроившись на то, что работа предстоит огромная. Деньги составляют стержень самых разнообразных человеческих переживаний. Отношение к деньгам, манера обращения с ними дают один из самых надежных ключей к пониманию человеческого характера. Деньги — мы только что это видели — провоцируют если не в точном смысле слова заболевание, то очень к нему близкое тяжелое состояние психики.

Отсюда и наше предчувствие, что поскольку в своей врачебной практике Фрейду постоянно приходилось сталкиваться с темой денег, то и в теоретических работах она должна была сильно его занимать.

Но вот первое, что мы обнаруживаем, настроившись на вдумчивую работу: о деньгах Фрейд говорит очень мало, и как самостоятельный объект анализа они его практически не интересуют. В центре внимания — определенный тип характера, достаточно часто встречающийся; и тема денег всплывает лишь потому, что в жизни людей такого склада они играют специфическую роль. В терминах Фрейда этот характер носит несколько шокирующее название анального, от латинского слова анус — задний проход. Эта связь не сразу становится понятной, и отец психоанализа не жалеет усилий, чтобы убедить читателя в правомерности своих построений.

Итак, первая глава большой работы "Психоанализ и учение о характере" — "Характер и анальная эротика". Фрейд с самого начала подчеркивает, что в создании этой концепции шел целиком "от жизни", с выводами не спешил, и никакие теоретические соображения не влияли на чистоту и непосредственность наблюдений. Человеческий тип, который привлек его внимание, характеризуется наличием суммы не связанных между собой, на первый взгляд, качеств, среди которых доминирующую роль играют три: повышенная аккуратность, бережливость, доходящая до скупости, и упрямство. Это то, что замечают и фиксируют все, кто общается с такими людьми в зрелом возрасте. А врач-психоаналитик, пытающийся в процессе работы реконструировать события раннего детства, угадать зародыш будущего характера в самых начальных его проявлениях, отмечает еще одну родственную черту: проблемы с опорожнением кишечника, доставляющие родителям этих детей множество хлопот. Дистанция,

отделяющая одно явление от другого — психологический облик зрелой личности от физиологических отправления младенца — долгое время приводила в недоумение самого Фрейда, и потребовались годы наблюдений, прежде чем уверенность в существовании подобной связи окрепла настолько, что исследователь решился сказать о ней вслух.

"Обычно можно без труда установить, что инфантильная задержка кала в младенческие годы существовала у них сравнительно гораздо дольше, чем это бывает обыкновенно, — суммирует Фрейд свои данные о носителях анального характера, — и что неприятности в области этой функции случались с ними иногда и в более поздние годы детства. По-видимому, они принадлежали к той категории грузных младенцев, которые имеют обыкновение не опорожнять кишечник, если их сажают на горшок, так как акт дефекации доставляет им удовольствие... Им доставляло удовольствие задерживать стул даже в возмужалом возрасте, а, кроме того, в их воспоминаниях попадаются указания на всякого рода неподобающую возню с только что выделенным калом; такие вещи, правда, чаще фигурируют в воспоминаниях о братьях и сестрах, чем о самом себе. На основании этих указаний мы заключаем, что к числу особенностей врожденной сексуальной конституции этих лиц относится более резко выраженная, гиперакцентированная эрогенность заднепроходной зоны. Но так как все это бывает только в детстве и в дальнейшем ничего от этих слабостей и особенностей не остается, то мы должны допустить, что эрогенное значение анальной зоны утрачивается, теряется в процессе развития. И вот мы делаем предположение, что указанная нами выше триада свойств и ее постоянство характера данных субъектов могут быть поставлены в связь с этим поглощением и исчезновением анальной эротики".

Фрейд признает, что "удовлетворительное объяснение" этой связи дать не может, однако предположение свое подкрепляет закономерностями, им же самим открытыми и разработанными в теории сексуальности, на основе которых в наши дни строится вся работа сексологов, сексопатологов. Он говорит об эрогенных зонах, участвующих в возбуждении и удовлетворении сексуального инстинкта, — к их числу относится и область заднепроходного отверстия, — подчеркивая, что роль их в разные периоды жизни различна. "Только часть их утилизируется в сексуальной жизни, остальная часть подвергается отклонению от половых целей и направляется в сторону задач другого рода: сублимирование — вот подходящее название для этого процесса". С 5 до примерно 11 лет, до появления первых признаков полового созревания длится, как называет его Фрейд, период латентной (скрытой, ничем вовне не проявляющейся) сексуальности. Не контролируемые ребенком раздражения, исходящие от эрогенных зон, ведут к созданию в нашей душе особых реактивных образований, особых контрастных сил, они как бы охраняют изнутри ребенка от преждевременных экспериментов, на которые может натолкнуть его дремлющий инстинкт. Это стыд, отвращение, мораль. "Ход эволюции и наше связанное со всей культурой современное воспитание ведут к тому, что анальная эротика оказывается в числе тех

компонентов полового инстинкта, которые становятся неприемлемыми для половых целей в тесном смысле..." Живи Фрейд сейчас, он не мог бы заявлять это с такой категоричностью, легализация половых меньшинств, да и само развитие техники любви сделали приемлемым то, что в начале века сурово табуировалось. (Однако и теперь я встречаю множество людей, для которых взгляд Фрейда ничуть не устарел. — А.Б.) Поэтому представляется вероятным, что свойства характера: аккуратность, бережливость и упрямство, столь часто наблюдающиеся у лиц с анальной эротикой в детстве, представляют собой непосредственные и самые постоянные продукты сублимирования анальной эротики.

Механизм выработки этих "продуктов" видится следующим образом: чистоплотность, любовь к порядку, не только в физическом смысле, но и в делах, добросовестность возникают как образования реактивные: "Это реакция на склонность к нечистому, постороннему, мешающему, не принадлежащему к собственному телу". Более затруднительно для Фрейда истолковать связь интереса к дефекации и упрямства, однако он приводит примеры, знакомые множеству людей либо помнящих себя в самом нежном возрасте, либо близко соприкасающихся с маленькими детьми, своими или чужими.

Грудные младенцы, о которых ненаблюдательные родители думают: "Да что там они могут понимать!", бывают поразительно своевольны в связи с процессом испражнения. "Общепринятая воспитательная мера, пускающая в ход болевые раздражения кожи ягодиц, связанной с эrogenной зоной заднего прохода, — так изысканно и несколько даже витиевато Фрейд обозначает обыкновенную порку, — имеет в виду как раз упрямство ребенка, задается целью сломить упрямство и добиться послушания". В авторских примечаниях к этой работе Фрейд рассказывает об одном занятном случае, имеющем отношение к его исследованию о теории сексуальности. Один его знакомый, прочитавший эту книгу с большим интересом и в основном с ней согласившийся, остро прореагировал на одно высказывание — оно показалось ему таким комичным и странным, что вызвало настоящий пароксизм смеха. Вот это место: "Если грудной ребенок упорно отказывается опорожнять свой кишечник, когда его сажают на горшок, и предпочитает отправлять эту функцию, когда вздумается ему самому, а не ухаживающим за ним лицом, то это один из лучших предвестников нервности или аномальности в будущем этого ребенка. При этом, конечно, у ребенка вовсе нет желания запачкать свою постель, он старается только, чтобы у него не прошло то особое наслаждение, которое он попутно извлекает из акта дефекации". Неудержимый смех вызвала, как рассказал этот человек, живо представившаяся ему картинка: младенец восседает на горшке, предаваясь размышлениям — должен ли он покориться настояниям взрослых или вправе противопоставить им свою свободную волю. А минут через двадцать после того, как он отсмеялся, человек этот сделал неожиданное признание — без всякого внешнего повода и без "мостика", связывающего эту мысль с образом младенца на горшке: "Слушай, вот передо мною стоит какао, и мне

пришла в голову идея, постоянно занимавшая меня, когда я был ребенком. Я то и дело воображал, что я фабрикант какао, что я обладаю замечательным секретом изготовления этого какао и что все окружающие хотят вырвать у меня эту тайну, способную осчастливить целый мир, я же берег ее самым тщательным образом". Разговор, естественно, шел по-немецки, так что нам с вами трудно будет выстроить цепочку чисто словесных, точнее даже, звуковых ассоциаций, непереваемой игры слов, которая позволила Фрейду отгадать маленькую тайну своего собеседника: в его детских фантазиях прием пищи маскировал прямо противоположное — ее выделение, о чем, как понимал этот человек еще ребенком, даже просто думать было нехорошо, а тем более думать с удовольствием.

Подлежащее маскированию воспоминание превратилось таким образом в свою противоположность — в способный осчастливить весь мир производственный секрет. Таким образом, раскрывается и загадка бурного, никак не соответствовавшего скромному поведению хохота — смех был самозащитой человека, уловившего, возможно, бессознательно, личный намек в спокойном, бесстрастном обрывке из работы о сексе. "Мой знакомый, — резюмирует Фрейд, — начал с самозащиты (которая проявилась, правда, лишь в виде довольно умеренного, формального несогласия), но уже через какие-нибудь тридцать минут его бессознательное против его воли снабдило его убедительнейшими доказательствами. Это было для меня чрезвычайно интересно".

Однако при чем тут деньги? Фрейд сам чувствует режущее глаз несоответствие затронутой и так подробно, в таких рискованных с точки зрения общепринятого вкуса деталях разработанной им темы с солидной, уважаемой денежной проблематикой. "Что общего, — задает он риторический вопрос, — между комплексом дефекации и денежным комплексом?" Однако, знаете, между ними очень много точек соприкосновения! И это может подтвердить любой практикующий врач, применяющий в лечении больных психоанализ. Больной избавляется от денежных комплексов, а вместе с ними его перестают мучить даже самые упорные, застарелые, привычные, как их называют медики, запоры. Единственное, что для этого требуется, чтобы пациент отдал себе полный отчет в том, что, как и почему вызывает у него трудности в обращении с деньгами.

Чрезвычайно интересен в этой связи предпринимаемый Фрейдом культурологический анализ:

"Архаический способ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводит в самую тесную связь деньги и нечистоты: так обстоит дело в древних культурах, в мифах и сказках, в суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах (и не только в сновидениях как таковых, сразу приходит тут на ум, но и в широко бытующем толковании сновидений; если вы отважитесь признаться в кругу знакомых или сослуживцев, что видели во сне экскременты, наверняка кто-нибудь заметит: примета верная — это снится к деньгам. — А.Б.). Дьявол

дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала: образ дьявола, конечно, не что иное, как олицетворение бессознательной душевной жизни с ее подвергнувшимися вытеснению инстинктивными влечениями. Существует суеверие, приводящее в связь процессы дефекации с находками кладов, а фигура "Duka-tenscheissers" (непереводимое выражение — обозначающее человека, испражнения коего состоят из дукаатов) известно всем и каждому..."

"Это условное отождествление золота и кала, — развивает свою мысль Фрейд, — может быть, находится в связи с приживанием резкого контраста между самым ценным, что известно человеку, и вовсе лишенным ценности, рассматриваемым как "отбросы"... Прimitивный эротический интерес к дефекации обречен, как мы знаем, на исчезновение в более зрелом возрасте, а в этом возрасте складывается интерес к деньгам, в детстве еще не существовавший, примитивному влечению, утрачивающему свой объект, таким образом, облегчается нахождение себе новой цели, именно в этом вновь возникающем интересе к деньгам..."

Сразу вспоминается галерея великих скупцов, рабов неутолимой страсти к деньгам, к золоту, затмевающей все человеческие чувства. Шейлок, Скупой рыцарь, Гарпагон... Анализ Фрейда помогает нам уловить важнейшую разницу в проявлении этой мании, сыгравшей такую существенную роль в ходе всей мировой истории. Она бывает демонстративной — когда пораженному ею человеку необходимо, чтобы ему завидовали, преклонялись перед его силой, трепетали перед его всемогуществом.

Но есть и обратная форма — когда наслаждение доставляет скрытое, никому не ведомое богатство. Все думают, что я беден, меня гонят, презирают — и только я сам знаю, сколько у меня в надежно припрятанной кубышке! С детства мы знаем, как смешон и жалок гоголевский Плюшкин, ослепший в жажде приобретательства настолько, что перестал ощущать различия между ценными вещами и мусором, нужным и никчемным. Фрейд дал мне новый ключ к расшифровке этого гениального гротеска. По логике психоанализа, сокровища, которые Плюшкин тащил в свою нору, просто ближе стоят к нечистотам, чем скапливаемые другими скупцами деньги или вещи, они прошли более короткий и примитивный путь превращения, но в основе маниакального накопительства всегда лежит одно и то же...

Однако при всей удивительной емкости фрейдовского письма, внимание сразу же переключается на то, что отсутствует в этом этюде. Разумеется, в том сюжетном пространстве, какое было намечено автором, все обстоит благополучно. Но само это пространство очень невелико. Взят один лишь из множества встречающихся в жизни тип характера, и деньги в связи с этим показаны лишь в одном из множества своих значений — заместителя объекта тех ранних эротических влечений, которые, как стало нам ясно, и формируют этот тип. Ну, а другие характерологические варианты? Другие психологические проблемы, являющиеся нам в денежном обличье? Невозможно представить себе, что Фрейд с ними не сталкивался, что

желание помочь страдающим людям, запутавшимся в лабиринтах внутренних противоречий, не заставляло его анализировать, сравнивать, обобщать. Очевидно, ответ мы найдем где-то в других работах?

И точно. Искомое слово "деньги" вновь попадает на глаза, когда мы перелистываем том лекций. Но уже то кажется удивительным, что присутствуют они лишь в одном крошечном по объему фрагменте лекции 32-й, тема которой "страх и жизнь влечений". А самое главное разочарование — ничего сверх того, о чем мы уже читали, мы фактически не узнаем. Тот же самый угол зрения, те же самые проблемы, связанные с истоками анального характера, только, пожалуй, в более общем виде: в ходе подготовки этой лекции Фрейда занимали не столько задержка в анальной фазе развития, свойственная лишь некоторым людям, сколько сам по себе этот этап, через который проходят все, но это и логично, если темой выступления названы влечения.

Создатель психоанализа пользуется случаем, чтобы отметить движение своей теории, в частности, во взглядах на фазы сексуального развития. "Если раньше мы прежде всего подчеркивали, как одна из них исчезает при наступлении следующей, то теперь наше внимание привлекают факты, показывающие, сколько от каждой более ранней фазы сохранилось наряду с более поздними образованиями, скрыто за ними и насколько длительное представление получают они в бюджете либидо и в характере индивидуума. Еще более значительными стали данные, показавшие нам, как часто в патологических условиях происходят регрессии к более ранним фазам...".

Из этой лекции мы можем почерпнуть интереснейшую информацию, не валяющуюся, что показывается, на дороге: например, что эмбриологически анус соответствует первоначальному рту, который сместился на конец прямой кишки, или что "с обесцениванием собственного кала, экскрементов, этот инстинктивный интерес приходит от анального источника на объекты, которые могут даваться в качестве подарка. И это справедливо, потому что кал был первым подарком, который мог сделать грудной младенец, отрывая его от себя из любви к ухаживающей за ним женщине", — а в дальнейшем этот интерес превращается в привлекательность золота и денег. Но это-то как раз чистый повтор того, о чем мы уже читали.

И это все. Признаться, впервые я сталкиваюсь с тем, что явление, воспринимаемое людьми как главный нерв их существования, оказывающее (правомерно или нет — вопрос особый) огромное, порой решающее влияние на настроение, на самочувствие, на отношение к самому себе, вызывает такой холодный, безучастный прием у Фрейда. Он словно бы не замечает эту часть жизни, не знает о самоубийствах, совершаемых из-за внезапных банкротств, не придает никакого значения стрессам и разочарованиям, которые, когда имеют под собой денежное основание, в чем-то протекают как обычно, но все же выделяются на общем фоне, отличаясь своей неуловимой спецификой. Отождествив деньги с нечистотами, создатель

психоанализа низвел их на уровень нижайший, как бы недостойный человека, где собирается одна лишь грязь. И тем самым лишил самостоятельного значения все многоплановые психологические проблемы, связанные с деньгами.

Это привело к очень серьезным последствиям. Удивительно, но их почувствовали на себе и советские врачи, несмотря на то, что Фрейд они не читали и говорить о нем не решались иначе, чем в самом негативном, уничижительном тоне. Сужу, разумеется, в первую очередь по себе, но проверял это и в многочисленных беседах с коллегами: нам трудно говорить с больными о деньгах! Трудно вызывать их на откровенность, трудно высказывать свои собственные суждения. Насколько естественным для опытного врача кажется его профессиональное право проникать в самые потаенные уголки интимной жизни пациента, настолько же он бывает скован, робок, нерешителен, если состояние пришедшего на прием человека так или иначе связано с деньгами. Другое дело, если сам пациент формулирует свою проблему как денежную, это развязывает мне руки. Но по собственной инициативе — много раз ловил себя на этом — я таких приключений невольно избегаю. У врачей старой генерации добавляется к этому еще и неловкость, связанная с тем, что больным теперь зачастую приходится лично оплачивать нашу работу. В прежние времена, получая от государства свои копеечные зарплаты, мы любили порассуждать о том, как хорошо живется людям нашей профессии "за бугром". Но привыкнуть к этому оказалось очень непросто — во всяком случае, тех лет, что мы прожили в условиях рынка, мне и моим друзьям не хватило. Правда, должен оговориться: самое младшее поколение медиков такими сомнениями себя, похоже, совсем не обременяет.

Я был поражен, обнаружив в статье американского психоаналитика, доктора медицины Шейлы Клебанов переключку со своими мыслями. Я отношу их во многом на счет резко изменившихся условий жизни, заставивших нас, говоря словами поэта, сжечь то, чему мы поклонялись, и начать поклоняться тому, что прежде сжигали. Но вот суждение человека, который никогда не подвергался идеологическому прессингу, а законы рынка воспринял еще в розовом детстве, как естественную и необходимую часть окружающего мира. Поскольку деньги являются жизненно важной составляющей человеческих взаимоотношений, то удивительным кажется то поверхностное внимание, которое уделяется этому вопросу в психоаналитической литературе, — пишет моя деловая единомышленница. — Причины этого разнообразны. В настоящее время немногие придерживаются классической точки зрения психоанализа, что деньги тождественны фекалиям и, следовательно, грязны. Но эта старая теория имеет много последствий. Легче говорить о сексе, чем о деньгах. Деньги — понятие слишком личное, интимное, чтобы говорить о них откровенно.

Как терапевты, многие из нас могут испытывать дискомфорт, говоря с пациентами о деньгах, не только как плате за лечение, но и об их роли в других жизненных ситуациях. Возможно, мы очарованы их силой, или же —

по принципу реактивного образования — стремимся игнорировать их важность. А может быть, все дело в нашей "невозможной профессии". Наша цель — преодоление человеческих страданий, какие бы преграды не воздвигались на этом пути. Я думаю, здесь заключено базовое противоречие. Как профессионалы мы нацелены на получение средств, достаточных для достойного существования. Однако предполагается, что человек, занимающийся врачеванием, должен быть альтруистом, смиряющим свои меркантильные интересы. Не закрепляется ли это противоречие особо за годы напряженной учебы? Зарплаты и стипендии в этот период относительно низки. Во время резидентуры (аналог нашей аспирантуры. — А.Б.) и психоаналитической подготовки будущий терапевт работает в основном в клиниках, где платят немного. Реальность денег, как в лечении, так и вне его, недостаточно осознается. Часто начинающему терапевту, приступающему к частной практике, приходится учиться понимать то, от чего он был далек в ходе обучения — какое значение имеют деньги и для пациента, и для него самого".

Этот на редкость искренний текст подарил мне важную подсказку. Вопрос, почему автор уделяет внимание одним темам и пренебрегает другими, целиком относится к сфере научного творчества. Именно в этой области я и старался почерпнуть факты, способные прояснить явное равнодушие Фрейда к психологии денег. Доктор Шейла Клебанов рассуждает по-другому и, наверное, гораздо более точно. Для нее нет барьеров между профессиональной и личной сущностью психоаналитика. Личные мотивы, личные импульсы вплетаются в сотканную рассудком вязь профессиональных побуждений, образуя сложный, неразъединимый узор. И, как это свойственно любому смертному, могучий интеллектуальный аппарат Фрейда-ученого не был защищен от влияния химер, рожденных в бессознательном мире Фрейда-человека.

Каким же было отношение этого человека к деньгам? Что говорят на сей счет многочисленные биографы Фрейда? Какие свидетельства оставил он сам?

Я и ожидать не мог, что поиск ответов на эти вопросы позволит сделать столько поразительных открытий...

* * *

Стереотипный образ великого ученого (как, впрочем, и писателя, живописца, музыканта) непременно включает в себя акцентированное презрение к деньгам. Он выше мелкого корыстолюбия, иначе откуда взял бы духовные силы, необходимые для творчества? Он готов терпеть нужду, отказывать себе в самом необходимом, лишь бы не угасало в душе священное пламя, несущее в самом себе награду за все лишения. Примеров — не счесть, как, впрочем, и прямо противоположных: случалось, что великие творцы были от рождения — или становились, благодаря своему гениальному дару и отменному трудолюбию — вполне состоятельными или

даже безмерно богатыми людьми. Но это им как бы прощается, в молчаливой уверенности, что не они сами хлопотали об увеличении своих денежных доходов, а просто о них позаботилась судьба.

Если придерживаться подобного взгляда, то каким же шокирующим должно показаться признание, сделанное сорокалетним Фрейдом в одном из писем друзьям!

"Мое настроение также очень сильно зависит от моих заработков. Деньги для меня — это веселящий газ. Я с юных лет знаю, что стоит накинуть лассо на диких лошадей из пампасов, и они сохраняют некоторое беспокойство до конца жизни. Так я познал беспомощность нищеты и постоянно боюсь ее. Вы увидите, что улучшится мой стиль и будут более верными мои идеи, если этот город обеспечит меня щедрыми заработками".

Что ни фраза — то удар наотмашь по самым нашим сокровенным иллюзиям. Как совместить эти два образа — титана, сумевшего найти ключи к величайшим загадкам природы, осыпавшего человечество бесценными благодеяниями, и маленького, робкого обывателя? Правда, даже в саморазоблачении масштаб личности все же угадывается — полное отсутствие позы и фальши, поразительная внутренняя честность, бесстрашие в фиксации собственной слабости. Уподобление денег веселящему газу — еще куда ни шло, но вот так открыто признаться, что качество твоей работы зависит не от вдохновения, ниспосланного свыше, не от сознания важности своей миссии, а всего-навсего от размеров вознаграждения? Будет оплата щедрой — и идеи будут верными. Ну а если тот, кто платит, поскупится? Что же, значит, это немедленно отразится на верности идеи? Похоже, что да — Фрейд хорошо знал себя, он, видимо, имел много случаев убедиться, что финансовые проблемы так выводят его из себя, так обезоруживают, что падает интеллектуальная продуктивность. Я даже оставляю в стороне вопрос — кто был заочным собеседником Фрейда, кому он мог настолько довериться. Вполне достаточно и того, что Фрейд говорил это самому себе!

О многом говорит ассоциация с дикими лошадьми, словно бы сама собой выплеснувшаяся на бумагу. Простую мысль о том, что эта наверняка не радовавшая Фрейда психологическая зависимость от денег возникла не случайно, а была сформирована реально пережитой в юности беспомощностью нищеты, можно было придать с помощью множества разных образов, да и просто высказать словами. Почему же внутренний голос продиктовал Фрейду именно эту аналогию? Я представил себе эту картину — гордого скакуна, остановленного и поверженного душасей, хитро сплетенной петлей, и, как мне кажется, нашел отгадку. Лошадь, когда ее ловит лихой ковбой, не погибает. Ее не мучают, не морят голодом, пампасы — символ простора, ничем не стесненного, вольного движения, лассо — насилия, подчинения, необходимости служить. Догадываюсь, что именно в этом состоял для Фрейда глубинный смысл противопоставления богатства и бедности. Деньги, которых он стремился иметь много, были ему необходимы не для создания имиджа, не для того, чтобы во что-то их вкладывать или что-то на них покупать. При его образе жизни, при его фантастических нагрузках

(гигантская, не прерываемая ни на день врачебная практика, затем вторая, такая же насыщенная рабочая смена за столом, наедине со своими записями, с рукописями новых книг, и сверх всего этого — занятия с учениками, колоссальная публичная деятельность, связанная с завоеванием позиций для психоанализа, встречаемого косным миром в штыки), при всем этом, когда ему было забавляться новыми приобретениями, соревноваться с признанными богачами в роскоши, какой он может себя окружить? Нет, деньги нужны были ему просто, чтобы их иметь, знать, что их становится все больше и больше, и именно этим сознанием поднимать свой дух, потому что большие постоянно прибывающие деньги — и, видимо, только они — были для него гарантией свободы.

Упоминание в этом письме о пережитой в ранние годы нищете, которой Фрейд то ли оправдывается, то ли просто объясняет преследующий его страх перед будущим, согласуется со множеством других свидетельств, и автобиографических, и принадлежащих перу многочисленных исследователей его жизненного пути. "Мы жили очень стесненно", — вспоминал на склоне лет Фрейд. Его сын приводит сделанное мельком замечание о портрете, написанном в 1868 году, когда Зигмунду было лет 11-12: "Художник любезно не заметил дырок в подошвах моих ботинок". Такими беглыми, но выразительными штрихами пестрят едва ли не все жизнеописания. Отец, несмотря на то, что мог дать сыну совсем немного, сделал широкий жест — предоставил ему выбрать профессию в соответствии с его собственными наклонностями. Но Фрейд сам не мог позволить себе такую роскошь. Никакого особого пристрастия к медицине, по его словам, он в себе не ощущал, тем не менее, в пользу медицинского образования говорили соображения материальные — и выбор был сделан. И то же давление денежных обстоятельств ощутил Фрейд несколько лет спустя, когда решил отказаться от карьеры ученого и стать практикующим врачом: его ждала невеста, а без достаточно надежных заработков их помолвка грозила растянуться Бог весть на сколько времени.

"Фрейд не был родом из богатой семьи, — пишет один из позднейших его биографов, Эллиот Оринг. — Его отец был торговцем и, судя по большинству оценок, не очень преуспевающим. Похоже, в старости отец Фрейда вообще не обеспечивал свою семью. Будучи студентом и во время работы в штате Генеральной Больницы в Вене, Фрейд всегда был стеснен в средствах". Другой известный знаток жизни Фрейда, Питер Гей, полагает, что ученый в своих рассказах несколько приукрашивал положение родительской семьи, которое в действительности было даже еще более бедственным. После катастрофы, постигшей всю отрасль промышленности (Якоб Фрейд специализировался на торговле шерстью), отец разорился. Ко всему, н плохо умел сберечь то, что имел, был не по своим возможностям щедрым, расточительным. Где-то, правда, Фрейд упоминает, что по крайней мере изначально семья была обеспеченной, но Питер Гей склонен считать это всего лишь примером "того, что Фрейд позже назовет "семейным романом", широко распространенной склонностью считать своих родителей более

процветающими или более известными, чем они есть на самом деле, или даже изобретать себе выдающуюся родословную".

Но есть и другое мнение, причем, высказывает его человек, заслуживающий особого доверия, — американский экономист Питер Дракер, родившийся в Вене в начале века. Его родители тесно общались с Фрейдом. Мать, получившая медицинское образование, слушала его лекции, ей принадлежал один из нескольких сотен экземпляров первого издания "Толкования сновидений". Отец питал к Фрейду величайшее уважение, считал его первым лицом в Австрии, а возможно, и в Европе. То, что для других исследователей было фактами, почерпнутыми в архивах, в чужих рассказах и пересказах, для Дракера составляло частичку его собственной жизни. Когда его познакомили с Фрейдом, он был восьмилетним мальчиком. Разница в возрасте, в положении, конечно, создавала огромную дистанцию, и все же Дракера с достаточно большим основанием можно считать свидетелем, очевидцем — информация, недоступная ему самому, поступала к нему в домашних разговорах, в оценках и суждениях родителей.

По мнению Дракера, семья Фрейдов вовсе не бедствовала. Они были вполне обеспеченными представителями среднего класса — не "богатыми, как Ротшильды", как было принято в Вене говорить о богатеях, но и не опускавшимся ниже черты надежного благосостояния. По меркам австрийской столицы, быстро разраставшейся как раз во второй половине прошлого века, это означало "наличие квартиры с высокими потолками в одном из новых четырех-пятиэтажных жилых домов недалеко от "центра города"... Наличие двух или трех человек прислуги, приходящую раз в неделю уборщицу, один раз в месяц — швею, а также отпуск на курорте недалеко от Вены или в горах, воскресные прогулки в венских лесах всей семьей, высшее образование для детей, книги, музыку и еженедельные посещения оперы и театров. Точно так и жила семья Фрейдов. Брат Фрейда Александр... всегда возмущался тем, что якобы вырос в крайней бедности, что оскверняло память их покойного отца, "который был таким хорошим кормильцем". "Беспощадность нищеты", пережитой в юности, Дракер считает одним из мифов, которые Фрейд создал и усердно распространял. Удивительно, что и второй из этих мифов, хоть основной его сюжет состоял совсем в другом, тоже имел денежную подоплеку. Дракер имеет в виду многочисленные жалобы Фрейда на то, что он страдал от антисемитизма, что дискриминация мешала и его научной работе. Ничего подобного, по мнению этого биографа, не было. "Он получил официальное признание и академические почести раньше, чем кто-либо другой в истории медицины в Австрии — причем, почести и признание, на которые, в соответствии с довольно строгими австрийскими канонами, он вообще не имел права". Врачебная среда относилась к его открытиям скептически, но национальное предубеждение тут было не при чем, тем более; что большинство венских врачей сами были евреями. Они не приняли психоанализ по глубокому профессиональному убеждению, искренне считая его "блестящей полуправдой", лирикой, а не медицинской терапевтической теорией. Но еще

более серьезными были этические претензии к создателю психоанализа. Представители медицинского сообщества считали обязательным принимать бесплатных, "благотворительных" больных — они видели в этом свой моральный долг по отношению к бедным людям, не имеющим средств на оплату лечения. Фрейд же возвел оплату психоаналитической помощи в принцип, утверждая, что только отдав свои деньги, пациент входит в необходимый для полноценного контакта с психоаналитиком настрой. По своему врачебному опыту могу сказать, что Фрейд в этом не был так уж сильно неправ. И все же если вспомнить его собственные слова о "веселящем газе", о зависимости творческого тонуса от заработков, возникает невольное подозрение, что отец психоанализа ко всему еще и прибегал к спасительному лукавству.

Зачем же понадобился Фрейду миф о прозябании в жестокой бедности? Зачем вообще потребовалось ему заниматься мифотворчеством? Хотел произвести на кого-то впечатление? Вызвать к себе сочувствие? Дракер считает, что это исключено, Фрейд был стойком, который никогда не жаловался, не переносил, когда его жалели, и ненавидел нытиков. Сильную физическую боль он переносил без единого звука, не сгибался и под тяжестью душевных мук. Во всем, что не касалось этих его странных фантазий, он был безжалостно прямым по отношению к самому себе, беспощадным в самоанализе. Он искоренил в себе то, что многие другие ("простые смертные", называет их Дракер) легко простили бы себе как безобидный каприз.

Особое отношение Фрейда к деньгам порой принимало и еще более странные формы. После смерти отца и в самом начале своих психоаналитических опытов он вдруг начал коллекционировать еврейские анекдоты, причем, интересовал его только один цикл — о нищем, живущем за счет того, что берет деньги в долг и не отдает их либо находит богатого покровителя и растрчивает его состояние. Были у него, как он их называл, "фантазии нищего" — в них он представлял себе чудесным образом свалившееся на него богатство.

Например, он ловит убежавшую у богатого человека лошадь и получает огромное вознаграждение. Или бездетная супружеская чета, с которой он недавно познакомился, вдруг умирает и почему-то он оказывается наследником. Мне кажется примечательным, что среди этих фантазий не было ни одной, близкой к реальности, например, стать знаменитым врачом, создателем целого направления в медицинской науке, автором множества книг (а когда Фрейд гонялся в мечтах за сбежавшей лошадью, он хоть и был от всего этого достаточно далек, но все же уже двигался в этом направлении). Видимо, фантазии, чтобы утолить духовную жажду, обязательно должны были нести в себе элемент чуда.

Чем это можно объяснить? Дракер, а вместе с ним и Сайлас Уориер, еще один авторитетный исследователь, считают, что Фрейд страдал "неврозом богадельни", которым была поражена значительная часть далеко не бедных жителей Вены во времена его молодости. Картина, которую они

рисуют, описывая экономические предпосылки этого тяжкого психического состояния, сильно напоминает нынешнюю обстановку у нас на родине. За сравнительно короткий срок резко изменилась ситуация. Появились новые стандарты, новые символы благосостояния — они были доступны лишь небольшой кучке вырвавшихся вперед "победителей", но дразнили и возбуждали все общество. Желание прорваться туда, на вершину создавало настоящую одержимость деньгами, принимавшую особо изощренные формы из-за того, что ее нельзя было обнаруживать. Но еще сильнее был страх не усидеть в седле, скатиться в бедность, попасть, фигурально выражаясь, в богадельню. Невроз, резюмирует Дракер, основываясь не в последнюю очередь на собственных впечатлениях, проявлялся "в постоянном нытье и волнении по поводу недостаточных заработков, неспособности оправдать собственные надежды и надежды семьи — а превыше всего оскандалиться в глазах соседей, — в постоянных навязчивых разговорах о деньгах при постоянных заявлениях, что деньги их якобы не интересуют. Фрейд явно страдал "неврозом богадельни", это запечатлелось даже в письмах, которые он писал своей невесте из Парижа, еще будучи молодым человеком. При всей его безжалостной правдивости с самим собой, он не смог устоять перед этим недугом. В том, что он неверно истолковывал свою профессиональную деятельность как низкооплачиваемую, в постоянных финансовых проблемах проявлялся невроз тревоги, которому он не мог противостоять и который с помощью им же открытого механизма вытеснял.."

Как похожи эти описания на то, что переживаем мы сейчас! "Невроз богадельни" — очевидно, это одна из разновидностей болезни под названием Деньги. Та же симптоматика, тот же эпидемический напор, та же беспомощность психики, обрекающая даже самые могучие, высоко стоящие над толпой натуры на потерю контроля за своими переживаниями. Если и есть отличие, то только в одном. Бум, связанный с интенсивным развитием капиталистических отношений, не создал у венцев ощущения слома эпох. Не произошло смены богов. Сохраняли свою власть над умами идеологические, этические, религиозные императивы, требовавшие, чтобы хотя бы на словах человек постоянно отмежевывался от денег, скрывал свою болезненную тягу к ним — и уже эта безостановочная манифестация своего бессребренничества была очень показательна. Как сформулировал суть данного феномена один толстовский персонаж, если барышня постоянно кричит: "я девушка, я девушка", то это верный признак того, что она давно уже в дамки вышла. Мы же переживаем грандиозную смену всех ориентиров и ценностей, у нас все строится по принципу контраста: то, что раньше считалось плохим, недостойным, теперь общественное мнение санкционирует и одобряет. Мы не стесняемся своей захваченности деньгами, не стараемся скрывать свою от них нарастающую зависимость. За деньги — можно все. Бесплатно — ничего от нас не получите, и побоку все потребности таланта, все гражданские устремления. Вся жизнь, все отношения пересчитываются по сегодняшнему валютному курсу...

Венцы в прошлом веке загоняли болезнь вглубь, подавляли свои побуждения. Тема считалась запретной. Даже в семье языки не развязывались — супруги ломали друг перед другом комедию лицемерия и притворства, с детьми никаких разговоров о деньгах не велось, родители считали себя не в праве посвящать их в финансовые обстоятельства семьи, не обсуждали с ними доходы и расходы. Но это не помогало — как не помогает крепко запертая дверь родительской спальни скрыть от детей сексуальный аспект взаимоотношений отца и матери. Наоборот, умолчания и запреты ("ты мал еще, чтобы интересоваться этим!") только усиливают в таких случаях всепожирающее детское любопытство, обостряют наблюдательность и интуицию. То, что от них скрывают, начинает казаться мальчикам и девочкам самым важным, самым заманчивым и привлекательным! Вместо развенчания денег возникает обратный эффект: они окружаются ореолом исключительности, сверхценности — и эпидемия получает еще один бесперебойно действующий канал распространения заразы. Но и циническая откровенность, взятая за образец нами, к добру не ведет — мы ежеминутно инфицируем друг друга, мы позволяем маленьким детям повторять наши суждения, жаловаться на отсутствие денег, сызмальства утверждаясь в убеждении, что за деньги можно все, а без денег только воробьи чирикают. Право же, трудно сказать, какая политика лучше...

В ситуации эпидемии трудно уберечься от заражения, это мы знаем и по опыту ежегодной дани, которую с нас собирает грипп. Биографы, однако, отмечают особые обстоятельства в судьбе Фрейда, которые, как они полагают, могли сделать его "случай" особенно тяжелым и трудноизлечимым.

Когда Зигмунду было 9 лет, семья Фрейдов пережила тяжелейший удар. Иосиф Фрейд, брат отца, попал в тюрьму за махинации с фальшивыми деньгами. Родители были убиты, отец за несколько дней поседел от горя. Доброе имя семьи, деловая репутация — вмиг все оказалось на грани утраты. При этом отец не осуждал своего брата, он, как запомнилось Фрейду, оплакивал его как простака, позволившего втянуть себя в запрещенную сделку, он, собственно, и не сделал ничего по-настоящему плохого, просто так суров и жесток закон! 9 лет — обоюдоопасный возраст. Ребенок уже достаточно подрос, чтобы его можно было запереть в детской и оградить от общих терзаний, но еще слишком маленький для того, чтобы воспринять случившееся адекватно. Ситуация, и сама по себе тяжелая, травмирующая, разрастается в его воображении до масштабов вселенского бедствия, она аккумулирует все остальные неприятности, все гнездящиеся в неокрепшей душе страхи! Мало того, что дядя оказался преступником и одноклассники травили и дразнили Зигмунда, немедленно оказавшегося на месте паршивой овцы, которая непременно должна существовать в детском сообществе; травма, по-видимому, усугублялась еще и тем, что, как подозревают знатоки фрейдовской биографии, сама семья Фрейда тоже была как-то замешана в этом грязном деле, следовательно, опасность судебного преследования угрожала и отцу, и его сыновьям от первого брака, Эммануилу и Филиппу,

жившим в Лондоне, а ведь именно оттуда, из Англии, получил дядя Иосиф фальшивые деньги! О том, как сильно было пережитое Фрейдом потрясение, мы можем судить по тому, что и 30 лет спустя этот страшный эпизод продолжал мучить его в сновидениях. А исследователь Фрейда Джон Гидо из Чикаго вообще полагает, что "невроз богадельни" у Фрейда имел еще и дополнительный оттенок — иррациональной боязни оказаться в тюрьме, как это случилось некогда с его дядей.

В январе 1884 года Фрейд пишет жене: "Я намерен компенсировать это, занявшись благотворительностью, когда я смогу себе это позволить. Не впервые старик помогает мне таким образом; в годы моей учебы в университете он часто, по собственной инициативе, помогал мне в трудной ситуации. Сначала мне было очень стыдно, но позже, когда я увидел, что у него с Брейтером было одинаковое мнение по этому вопросу, я смирился с мыслью быть в долгу у хороших людей, одной с нами веры, не чувствуя личных обязательств. Таким образом, я вдруг заполучил 50 флоринов и не скрывал от Хаммерсшлага моих намерений потратить их на мою семью. Он был очень против этого, сказав, что я очень много работаю и не могу позволить себе в данный момент помогать другим людям, но я дал ему понять, что я должен потратить таким образом хотя бы половину денег".

Это письмо приоткрывает занавес над еще одной мучительной драмой, отравившей психику Фрейда. Хаммерсшлаг, упоминаемый в письме, — Фрейд учился у него ивриту — был одним из добровольных покровителей Фрейда, щедро ссужавший его деньгами, письмо как раз и было написано по поводу получения от него очередных 50 флоринов. Обычно отношения между кредитором и должником представляются нам так: нуждающийся в деньгах человек ищет источник помощи, пытается убедить обладателя денег в том, что поддержка ему необходима, и на определенных условиях получает энную сумму в долг.

Здесь, судя по всему, инициативы исходила не от Фрейда. Его состоятельные друзья навязывали ему помощь, уговаривали его не стесняться, убеждали в том, что ничего плохого он не сделает, если примет этот залог дружбы от хороших людей, к тому же единоверцев. И он принимал эти деньги. В силу суровой жизненной необходимости или просто повинувшись поработившему его "неврозу богадельни" — точно рассудить нельзя, мы видели, как расходятся мнения о том, какими были его реальные материальные возможности. Но в любом случае психологический итог выходил ужасный. Рука, принимающая деньги от благотворителей, действовала в полном разладе с разумом и сердцем, повелевавшими гордо отказаться от протянутых купюр. Фрейд сердился на себя — и не мог противостоять искушению, тратил бездну душевных сил, чтобы заглушить чувство униженности и бессилия. Очевидно, отсюда и родился миф о "беспомощной нищете" — он оправдывал линию поведения, которую в принципе этот человек считал неприемлемой. Казалось бы, единственной реальной защитой в такой ситуации было бы сказать себе: я беру деньги в долг, я верну их, как только встану на ноги, — и, разумеется, так в

действительности и поступить. Но если подобное намерение и возникало, исполнено оно не было. Ни вскоре, ни по прошествии лет долгов Фрейд не возвращал — выше его сил было расстаться с деньгами, которых никто с него и не требовал, и, видимо, он достаточно хорошо знал себя, чтобы предвидеть, что дело обернется именно так. И это тянулось годами, приступы подавляемого самобичевания чередовались с попытками примирить свою совесть с поступками, которые она решительно отвергала. ("Не правда ли, замечательно, что богатый человек смягчает несправедливость нашего бедного происхождения и несправедливость своего собственного привилегированного положения?" — старательно убеждал Фрейд жену.) Портились отношения с "покровителями". Иосиф Брейер, один из них, был исключительно близким человеком — врачом, наставником, соавтором в написании ранней книги об истерии. Но постепенно в их тесном альянсе стала намечаться трещина. Как часто случается с щедрыми людьми, у Брейера тоже выработалась своего рода амбивалентность, раздвоенность во взгляде на свои поступки. Он и радовался, что может поддержать друга, и раздражался. Видимо, чувствуя это, Фрейд пытался вернуть хотя бы часть долга — Брейер отказывался принять деньги, утверждая, что то был не долг, а подарок. В то же время он пытался контролировать расходование своего "подарка". Однажды он даже отказался профинансировать поездку Фрейда к будущей жене, попутно упрекнув друга в том, что тот транжирит деньги на "легкомысленные излишества". Фрейд обиделся и попросил не вмешиваться в его "авантюрный образ жизни". Поездка в тот раз состоялась, но нетрудно себе представить, что удовольствие от нее было омрачено. Симпатия, привязанность, взаимная заинтересованность постепенно испарились под гнетом неразрешимого внутреннего конфликта. Много лет спустя Фрейд признавался: "Наша близкая дружба позже сменилась полным отчуждением — среди причин моего отчуждения важную роль играли деньги".

Болезненность, иррациональность восприятия денег определили, мне кажется, и профессиональное отношение Фрейда к этой проблематике. Мы никогда не узнаем, как это было достигнуто, за счет каких средств сумел Фрейд уломать в своей душе не столько даже исследователя, жаждущего пробиться к истине, сколько прежде всего врача, считающего своим святым долгом помочь больному, а следовательно, обязанного рассмотреть и объективно оценить все проявления душевного нездоровья. Но он вынудил себя исключить из анализа все психические явления, связанные с деньгами, сделать вид, что их как бы не существует — что они побочны, вторичны по отношению к основным расстройствам. Он не делал соответствующих записей в истории болезни. Он не реагировал на жалобы пациентов, уходил от обсуждения тяжелых переживаний, если они были спровоцированы деньгами. И из-за этого не только отказывал в помощи конкретным людям, но и обезоружил на будущее своих учеников и последователей. Огромный, важный раздел в его учении оказался попросту опущен. Фрейд не выработал методiku анализа, не создал понятийного аппарата, не оставил традиции, позволяющей и донине психоаналитикам преодолевать стереотипы

мышления и обходить барьеры, воздвигаемые в душе пациента собственными страхами и предрассудками косной морали. И даже хуже: он не просто оставил не проработанным этот объемный массив — он создал убеждение, что в этом месте ничего нет, и нечего там искать, и незачем туда ходить.

Невольно напрашивается сравнение с сексуальной проблематикой. Самое тайное, самое стыдное, плотно опутанное многими слоями религиозных запретов, Фрейд не убоился извлечь на поверхность, сделать простым, естественным, обсуждаемым. Его не устрасила опасность общественных остракизмов, каким и был на самом деле подвергнут, не остановился он и перед тем, что мир из его работ слишком много узнает о нем самом — причем, такого, в чем человеку труднее всего признаваться! А у черты, обозначаемой словом "деньги", он отступил...

Объяснение этому может быть только одно. Душа пациента, страдающего "неврозом богадельни", представала перед ним как зеркало, в котором он видел собственное отражение. И вид этот был ему так страшен, такую вызывал непереносимо болезненную реакцию, что вынести это не было никаких сил...

Психоаналитический вестник, 1998, № 6

Основные источники фрейдовского классического психоаналитического метода

В.М. Крук, А.Н. Харитонов

Ясное понимание цели, сущности, основных технических приемов и правил, психологических элементов (механизмов) психоаналитического метода психотерапии затруднено без знания основных источников его происхождения.

На этот счет имеются достаточно различающиеся, хотя и не противоречащие в основном друг другу точки зрения. Сам З. Фрейд, например, отмечал: "Я чувствую себя вправе утверждать, что и в наши дни, когда я давно уже не единственный психоаналитик, никто не может знать лучше меня, что такое психоанализ, чем он отличается от других способов исследования психической жизни и что именно следует этим словом обозначать...

...Мне следовало бы, как уже доводилось прежде, воздать должное" катартическому методу" Брейера в качестве предваряющей психоанализ стадии, а начало собственно психоанализа связать с моим отказом от техники гипноза и обращением к свободной ассоциативности. Неважно, впрочем, начнем мы отсчитывать эпоху психоанализа от катартического метода или от моей модификации последнего" [20, 149].

А один из его первых соратников, создатель аналитической психологии - К. Юнг не менее справедливо подчеркивал: "Даже самая оригинальная и самостоятельная идея не с неба падает, а произрастает на уже имеющейся, объективно заданной интеллектуальной почве, корневая система которой - независимо от того, хотим мы того или нет, - представляет собой теснейшее переплетение" [30, 55].

Можно привести еще ряд высказываний - психоаналитиков, психологов - К. Юнг не менее справедливо подчеркивал: "Даже самая оригинальная и самостоятельная идея не с неба падает, а произрастает на уже имеющейся, объективно заданной интеллектуальной почве, корневая система которой - независимо от того, хотим мы того или нет, - представляет собой теснейшее переплетение" [30,55].

Можно привести еще ряд высказываний - психоаналитиков, психологов, философов, врачей, других ученых - по поводу происхождения психоаналитического метода Фрейда, в одних из которых Фрейда упрекали в единоличном присвоении и узурпации открытия психоанализа, в других умаляли роль и значение заслуги Й. Брейера в области психоаналитического метода и т. д. [1; 2; 3; 4; 10; 15; 16; 26; 28; 41].

Были даже заявления о том, что Фрейд вместе с Брейером использовали учение французского психолога П. Жане. Представители французского гипнотизма утверждали, что психоанализ как метод психотерапии стал наследником только гипноза [20, 27].

Наиболее интересной представляется точка зрения французских психоаналитиков Л. Шертока и Р. де Соссюра, которые полагали, что: "...Фрейд находился под впечатлением некоторых методов и понятий XIX века. Однако его творческий дух наделял их новым смыслом, и в итоге все, что было заимствовано им из прошлого, приобретало совершенно новый облик. Он связан все эти заимствования в единое целостное учение - настолько оригинальное, что его психоанализ стал революционным переворотом, как в области психотерапии, так и в исследовании человеческого духа вообще" [27, 223].

Аналогичных взглядов придерживались и наиболее последовательные представители классического ("ортодоксального") психоанализа - Э. Джонс, Ш. Ференци, К. Абрахам и др.

Изучение этого вопроса позволяет предположить, что психоаналитический метод оформился на благодатной почве его предшественников, имел свои генетические корни в психотерапевтических методах, философских и психологических учениях.

Как известно, сам Фрейд полагал, что основными источниками психоанализа как метода психотерапии были классический гипноз Ж. М. Шарко и Нансийской школы, катартический метод И. Брейера и закон образования ассоциаций - один из древнейших в психологии /20; 22; 23; 39; 42/.

Рассмотрение каждого из них в динамике, в логике развития позволит проследить: с чего началось "движение" к методу; каковы причины отхода основателя психоаналитической терапии от гипнотерапии, а затем и катартического метода; как именно от интереса к истерии ("самой загадочной из всех нервных болезней"), гипнозу Фрейд подошел к своему методу свободных ассоциаций?

Классический гипноз

К своим открытиям Фрейд неизбежно должен был пройти через гипноз, так как это был один из ведущих методов психотерапии истерии, очень интересовавшей З. Фрейда. "Личная вовлеченность врача стала краеугольным камнем психоанализа" [27,99].

Отправным пунктом в его медицинской карьере стало знакомство с историей Анны О. (Берты Паппенгайм), пациентки его друга и духовного учителя Брейера.

Это событие поставило перед Фрейдом две важнейшие, связанные друг с другом, проблемы - истерии и гипноза. Именно при исследовании истерии интерес ученого сместился от физиологии к психологии. Чем же заинтересовала в 1882 году история Анны О. Фрейда? В ряде источников самого основателя психоанализа, его последователей и критиков мы находим признания того, что Фрейда всегда привлекали занятия философией, но он никогда не любил медицину. Не исключено, что пациентки, больные истерией, интересовали ученого вследствие специфики его личности. Не

осталось без внимания и то, что случай с Анной О. демонстрировал возможность успешного лечения истерии нетрадиционным способом, от разработки которого Брейер отказался и долгие годы не публиковал историю случая. Более того, при публикации Брейер опустил существенное событие, положившее конец лечению Анны О.: неожиданное для врача проявление пациенткой мощного не проанализированного положительного переноса неопровержимо сексуальной природы.

Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что история заинтересовала Фрейда в силу уникального сочетания в этой болезни проблем души и тела, психического и соматического, интуитивного понимания возможности потрясающего по своим последствиям сдвига в ее лечении от медицины к загадочной психологии.

Занимаясь лечением нервных больных, он располагал лишь несколькими орудиями "терапевтического арсенала": электротерапией В. Эрба и гипнозом. Неэффективность электротерапии быстро разочаровала Фрейда; если и были какие-то незначительные успехи, то они сводились к результатам внушения. А работа с техникой гипноза привлекала таким же "стыком тела и души", как и истерия. "Вообще же работа с гипнозом, - замечал Фрейд, - была поистине соблазнительной. Впервые я почувствовал себя всемогущим, слава чудадея была лестной" [20,99].

Подлинная история знакомства Фрейда с гипнозом как методом психотерапии началась с его научной стажировки в Париже в клинике "самого знаменитого невропатолога своего времени" Жана Мартена Шарко в Сальпетриере в 1885 - 1886 годах.

Шарко применял гипноз с целью вызвать истерические симптомы, усматривая в них искусственную истерию. Он показал, что истерическому субъекту (и женского, и мужского пола) можно в гипнозе навязать известные представления. Например, легкий удар мог вызвать истерический паралич или нечувствительность кожи на каком-либо участке тела.

Следовательно, Шарко доказал, что представления, привнесенные в психику извне, могут вызывать изменения в человеческом теле. Такие же изменения могут возникнуть и в результате наших собственных бессознательных представлений. Именно в период работы в клинике в Сальпетриере Фрейд открыл значение психических факторов в истерии (психогенное происхождение). "...Большая истерия послужила наряду с экспериментальным параличом одним из первых импульсов для будущих открытий Фрейда" [27, 116]. Разработанная Шарко классификация истерии на фазы (I - "эпилептиформная" фаза; II - фаза "большого двигательного возбуждения" и III - "галлюцинаторная", или фаза "страстных поз") оказалась плодотворной, так как галлюцинарная фаза произвела на Фрейда сильнейшее впечатление и позволила ему заглянуть в глубинный "фантастический мир бессознательного".

Интересные идеи, результирующие знакомство с лечением гипнозом истерии в Сальпетриерской клинике Шарко, мы находим в "Предварительном сообщении (1893) Фрейда и Брейера. В своем

определении истерии Фрейд использовал фрагменты описания большого припадка, а именно: воссоздание прошлого, возврат к травматическому событию, вызвавшему болезнь, возможность сексуальной окрашенности такого события. Уже в последствии, разработав понятия вытеснения, конфликта, фантазма, бессознательного, он обогатил такое описание динамической интерпретацией. Важными чертами знаменитого Шарко, оказавшими большое влияние на Фрейда и на создание его будущего метода, были "умозрительные наклонности", обстоятельность, научная смелость в изучении истерии без опасения "ее эротических проявлений" и умение учитывать влияние на больного также его семьи, социального окружения [27; 42; 43].

Будучи сторонником гипнотизма, Фрейд применял прямое гипнотическое внушение с декабря 1887 по май 1889 года, пока не перешел к катартическому методу Брейера.

Другим ярким представителем гипноза, стоявшим у истоков психоанализа и эксперименты которого произвели на Фрейда "самое сильное впечатление о возможности мощных духовных процессов, которые все еще оставались скрытыми от сознания человека" [20, 100], был французский невролог из Нанси Ипполит Бернгейм. Вначале Фрейд обратился к трудам Нансийской школы и в 1888 году перевел на немецкий язык работу Бернгейма "О внушении", ознакомившись, таким образом, с "обогащением психологии новым экспериментальным методом" - постгипнотического внушения и внушения в состоянии бодрствования. Позже, в 1889 г., он отправился в Нанси к Льебо и Бернгейму, чтобы "усовершенствовать технику гипноза".

По словам самого Фрейда, причинами для этого были следующие обстоятельства: "во-первых, не всех больных удавалось загипнотизировать; во-вторых, не в моих силах было погрузить некоторых в такой глубокий гипноз, как мне хотелось" [20, 99]. Вероятно, именно в Нанси те мысли, которые вооружили Фрейда при изучении экспериментальных параличей и большой истерии, обрели "адекватную форму и влились в общий поток идей", способствовавших созданию концепции Бессознательного, на которой базируются все остальные теории Фрейда и, прежде всего метод психоанализа.

Если пребывание в Париже показало ему, какие богатые экспериментальные возможности таит гипноз, то у Бернгейма он пришел к тому же (выводу на основании самих экспериментов, когда пациент по пробуждении выполнял различные действия, внушенные врачом под гипнозом, и к тому, что "все мы при определенных обстоятельствах действуем по иным побуждениям, чем полагаем. Истинные побуждения не осознаются нами. Мы лжем, не зная этого. В Нанси можно было присутствовать при крахе учения о свободе воли и победе детерминизма" [2, 52]. В последующие годы уже в качестве психоаналитика Фрейд неоднократно пользовался феноменом постгипнотического внушения как доказательством существования бессознательного.

Таким образом, исходным пунктом в будущем здании психоанализа было пристальное изучение истерии - уникального сочетания психического и соматического факторов. Это явление исследовалось с психологических позиций.

Другой проблемой, находящейся на том же "стыке тела и души", взаимосвязанной с предыдущей и разрешающей ее с лечебной, методической целью, был гипноз, экспериментирование с которым позволило выявить психогенную природу истерии. При применении гипнотического метода работы шла с измененным состоянием сознания пациентов.

Классический гипноз в школе Шарко применялся директивно, в виде прямого гипнотического внушения в основном с целью вызова симптомов у пациентов и последующего их снятия в виде запрета.

Главным выводом на этом этапе, на наш взгляд, следует считать то значение гипноза в открытии Бессознательного (огромных возможностей скрытых от сознания мощных психических процессов), которое стало фундаментом будущего психоаналитического метода.

Катартический метод Брейера

В данном методе прослеживается логика развития метода Фрейда от гипноза к "Брейеровскому анализу" и от него к применению метода катарсиса без гипноза, использованию "процедуры надавливания" (в соотношении с "техникой напора" Бернгейма).

В истории и практике катартического метода можно выделить два этапа: - применение "Брейеровского анализа" с использованием гипноза (1889-1892гг.); - отказ от гипноза, применение "процедуры надавливания" или катартический метод без использования гипноза (1892 - 1895 гг.).

"Брейеровский анализ" (1). Удовлетворяя жажду знаний ученого - врача, пытающегося понять происхождение тех явлений, которые он стремится излечить, Фрейд перешел от гипнотического внушения к катартическому методу Брейера. Австралийский невропатолог, профессор физиологического института в Вене Брейер наряду с Шарко и Бернгеймом был учителем и духовным наставником Фрейда. Именно ему основатель психоанализа отдает наибольшую дань уважения и приписывает исключительные, самые выдающиеся заслуги в открытии психоаналитического метода (2).

Его первой пациенткой была Эмма фон Н., историю лечения которой они (Фрейд и Брейер) описали в "Исследованиях истерии" (1895). Фактически Фрейд применял гипноз, но с другой целью - с целью выяснения возникновения симптомов, о котором пациент в состоянии бодрствования или вообще не рассказывал, или мог рассказать неполно. Ученый "интуитивно почувствовал важность того, что скрывалось за симптомами, и его исследовательский интерес был достаточно силен, чтобы преодолеть внутренние препятствия (Zf, 155). Катартический метод оказался более результативным, чем прямо внушаемый в гипнозе приказ, директивное

указание, запрет, и удовлетворял также интерес врача, который имел право узнать что-то о происхождении феномена, устраняемого путем однообразной процедуры внушения. Еще до поездки в Сальпетриерскую клинику Фрейду знал от Брейера о лечении острой истерии - истерии Анны O'ber Husterien Wien, 1895d.); . Фрейд "О психоанализе", "Автобиография "К истории психоаналитического движения". Л. Шерток, Р. де Соссюр "Рождение психоаналитика" ... и др. (1880-1882 гг.). (Поскольку на русском языке этот материал еще полностью нигде не публиковался, а имеющиеся изложения обычно очень сжаты, представляется интересным остановиться на нем подробнее[35].)

...Анна О. - прелестная 21-летняя девушка, интеллигентная, эрудированная, с богатым воображением, критическим умом, что делало ее не внушаемой. Настойчивость, доходящая до упрямства, и доброта завершали ее первоначальный портрет. В июле 1880 года горячо любимый ею отец оказался прикованным к постели тяжелой болезнью. Первые месяцы Анна беззаветно ухаживала за ним, одновременно пребывания, как и раньше, в сказочных выдумках своего воображения. Однако вскоре у нее появились слабость; малокровие; отвращение к пище; кашель; желание отдохнуть днем, переходящее в сноподобное состояние к вечеру и в сильное возбуждение к ночи; косоглазие. В начале декабря 1880 года пациентка слегла и смогла подняться только в апреле 1881 г., за несколько дней до смерти отца. В постельном режиме у нее быстро развилась серия новых нарушений: расстройство зрения, паралич мышц конечностей и других участков тела, тревожность. В таком состоянии Брейер взялся за ее лечение.

Пациентка к этому времени пребывала в двух чередующихся состояниях сознания: относительно нормальном, сопровождающемся меланхолией, и галлюцинаторном, в котором была непослушной, бранящейся и прочее. Первое становилось все кратковременнее, а во втором отчетливо выступали разговоры с собой. В ясном сознании она жаловалась на мрак в голове, проявления слепоты и глухоты, раздвоенность. Через некоторое время наступило глубокое функциональное расстройство речи, с восстановление которой она бессознательно перешла с родного немецкого на английский язык, а при сильном волнении - на мешанину из разных языков. (Брейеру потребовалось несколько месяцев для того, чтобы убедить ее в этом.)

Накануне этих событий Брейер обратил внимание на то, что дневное сноподобное состояние с бормотанием каких-то слов, фраз после захода солнца сменялось примерно часовым глубоким сном с последующим периодом нарастающего беспокойства и повторением слов "мучение, мучение". Сначала случайно, а позже специально эти фразы стали ей повторять в ответ на жалобы "мучение, мучение". И однажды Анна О. присоединилась и стала описывать ситуации или рассказывать истории. Центральной фигурой в них была девушка, озабоченно сидящая у постели больного. Когда Анна О. заканчивала свои рассказы, она приходила в себя, заметно успокаиваясь и чувствуя себя гораздо лучше. Ночью она опять

становилась беспокойной, а утром, после пары часов сна, вовлекалась в новый клубок мыслей. Если вечером по каким-то причинам она не могла рассказать Брейеру связанную с ними историю, то успокоения не наступало, и nasledующий день она должна была рассказать две истории. Так длилось все десять месяцев ее лечения Брейером.

После смерти отца истории стали более трагичными. Однако и в этой ситуации после выговаривания она становилась совершенно спокойной, на следующий день с утра была в хорошем состоянии, однако на 3-й день ее настроение быстро ухудшалось до невыносимого. В эти часы ее трудно было разговорить даже в гипнозе. Брейер настойчивым упрашиванием и всякими ухищрениями обычно добивался своего, но она никогда не начинала говорить до тех пор, пока не убеждалась в его тождественности осторожным ощупыванием рук психотерапевта. Если же выговаривание не приводило к успокоению, применялся хлорол, после чего она на несколько часов засыпала. Если Брейер при этом присутствовал, то сон был эйфоричным, в его отсутствие сон был неприятным и беспокойным.

Сама Анна О. серьезно называла эту процедуру "лечением разговором" или в шутку "трубочистением". Однажды Брейер прервал лечение на несколько недель в связи со своим отпуском, порекомендовав ее психиатру, одновременно с ним наблюдавшему за ней. Вернувшись, обнаружил ее в никудышном моральном состоянии, болезненно раздраженной, сопротивляющейся рассказыванию историй, а сами рассказы стали стереотипными. Тогда он в течение недели заставлял ее рассказывать по 3 - 5 историй ежедневно, пока не было отработано все, накопившееся за его отсутствие. Только тогда сформировавшийся ритм был восстановлен.

Самым же примечательным было то, что продукты ее воображения и каждое событие, ассимилированное патологической частью ее души, упорствовали как психические стимулы до тех пор, пока не выговаривались в состоянии гипноза, после чего полностью исчезали. Однако в декабре 1881г. последовало ухудшение ее состояния с последующим расщеплением: вином состояния она была в текущем времени, в другом - в событиях годичной давности, переживая их день за днем и рассказывал о них доктору, после чего возникшие в то время нарушения исчезали. Через некоторое время пациентка стала вспоминать и события 2-летней давности (1880 г.) и как только они проговаривались, обусловивший их симптом исчезал.

В этом заключалось катартическое лечение". "Отреагировав" подобным образом, больная излечилась от истерии, причину которой (и других психоневрозов) Фрейд видел в то время в "ущемленных" аффектах.

Во время катартического лечения внимание больного направлялось непосредственно на травмирующий эпизод ("концентрация внимания"), во время которого возникал симптом; психотерапевт стремился обнаружить в нем психический конфликт и высвободить подавленный аффект". Еще одним важным моментом "брейеровского анализа" была возвратная направленность лечения ("регрессия"). Она "все больше уводила вспять, сначала, как казалось, последовательно в пубертатный период, потом

неудачи и пробелы в понимании увлекли аналитическую работу в предшествующую пору детства, которая до тех пор была недоступна никакому изучению[20,151].

При изучении патогенеза более тяжелых симптомов истерий во время катартического лечения оказалось, что все симптомы образовались как "осадки", "аффективные переживания" ("психические травмы"), детерминированы сценами из прошлой жизни и представляли собой остатки воспоминаний об этих событиях.

Возвращаясь к истории Анны О., необходимо обратить внимание на появление нового, пожалуй, самого главного элемента будущего психоаналитического метода - явление переноса. У Брейера установилась интенсивнейшая суггестивная связь с пациенткой, "дающая нам прямо-таки образец того, что мы называем "переносом"[20,157]. Это был только намек на открытие удивительнейшего феномена лечения катарсисом, Брейер не мог осознать природы этого неожиданного явления и, как бы пораженный "злополучным исходом", вынужден был прервать его изучение¹². Таким образом, при катартическом методе лечения использовалось гипнотическое состояние с целью заставить пациента вспомнить травматическое событие, чтобы наступило целительное катартическое переживание в виде "отреагирования" и "разрядки" и в результате - облегчение, исчезновение симптомов, излечение невроза.

Отказ от гипноза. "Процедура надавливания".

Следствием "дальнейших занятий формами нервозности", продвижения на пути применения катартического метода лечения было изменение техники. В связи с чем это произошло? Постепенно у Фрейда складывалось представление и о той силе в пациенте, которая противостоит лечению. Окончательно оно выкристаллизовалось в случае Элизабет фон Р., которую он не смог гипнотизировать и которая отказалась сообщать некоторые свои мысли, несмотря на то, что он настаивал. Фрейд пришел к заключению, что сила, сопротивляющаяся лечению, - это та самая сила, которая охраняет потаенные мысли. (16).

Цель одна - защита. "Незнание" истерического пациента есть, фактически, нежелание знать [4]. Открытию "перенесения любви" в собственной клинической (психотерапевтической) практике Фрейд обязан также своей пациентке Элизабет фон Р., когда во время одного из сеансов ее удалось вернуть к истокам болезненного состояния, и, пробудившись, она вдруг обвила руками его шею.

Право сказать гипнозу "прости" дала также поездка Фрейда в Нанси, где он увидел эксперименты Бернгейма с постгипнотической амнезией и особенно его "технику напора". Бернгейм "показал тогда, что лица, приведенные им в сомнамбулическое состояние, в котором они по его приказанию испытывали различные переживания, утрачивали память о пережитом в этом состоянии только на первый взгляд: оказалось возможным

в бодрственном состоянии пробудить воспоминание об испытанном в сомнамбулизме. Когда он их спрашивал относительно пережитого в сомнамбулическом состоянии, то они действительно сначала утверждали, что ничего не знают, но когда он не успокаивался, настаивал на своем, уверял их, что они все же знают, то забытые воспоминания всякий раз воскресали снова" [21,356 - 357].

Существуют разные точки зрения на причины отхода З. Фрейда от гипнотерапии - Э. Джонса, Д. Лагаша, Л. Шертока, Ф. Виттеля, Р. Гринсона и др. Опираясь, прежде всего на высказывания, замечания самого Фрейда в разное время, а также имея собственную позицию, поэтому вопросу, мы считаем, что целый ряд причин в совокупности обусловил отказ будущего психоанализа от применения гипнотического метода.

Перечислим основные.

Главная причина-это открытие сопротивления и вытеснения ("игры сил"), которые прикрывал гипноз. В данном случае отказ от гипноза был и концептуального, и чисто технического порядка. Гипнотическое состояние не позволяло заметить существование сопротивления. Маскируя сопротивление, гипноз мешал раскрытию причин имеющихся нарушений.

Подход к открытию переноса* ("перенесения любви") в случае с Элизабет фон Р. стал, по нашему мнению, одним из непосредственных факторов отказа от применения гипноза как средства психотерапии. (Приход к пониманию "либидинозного" характер отношений между врачом и пациенткой при лечении гипнозом истерии).

Далее следуют выводы З. Фрейда об экспериментах по постгипнотической амнезии Нансийской школы о том, что, даже не прибегая к гипнозу, исключительно путем настойчивого уговаривания можно добиваться сведения "симптома к вызвавшим его представлениям"².

Еще одна из причин отказа от применения гипноза - невозможность его широкого применения к больным, так как немногим свойственна гипнобельность. Фрейд в лекциях "О психоанализе" объяснял, что гипноз стал для него "неприятен", как капризное и, так сказать, мистическое средство"[19, 240].

Безусловно, особенности личности Фрейда, который по духу своему был первооткрывателем (его всегда привлекали проблемы, открывающие возможность интересных научных исследований) и раньше всех почувствовал, что при тогдашнем уровне научных исследований вряд ли удастся проникнуть в тайну гипноза, также способствовали отказу от применения гипнотического внушения в его психотерапевтической практике.

Однако гипноз сослужил добрую "огромную службу" катартическому лечению - он расширил поле сознания пациентов и наделил их знаниями, которых в бодрствующем состоянии у них не было.

Чтобы избежать гипноза и получить патогенные воспоминания, Фрейд, вспомнив о "технике напора" Бернгейма (Нанси, 1889), поступает так же со своими пациентами. Началась работа с нормальным состоянием больных в отличие от измененного, гипнотического состояния пациентов при гипнозе.

Появляется методическая уловка - "процедура надавливания" [191(прообраз свободного ассоциирования)]. Фрейд предварительно сообщал своему пациенту о последующем надавливании на лоб, уверял, что за это время надавливания "придет в голову какая-то мысль" или "воспоминание в виде картины" и обязывал больного сообщать обо всем, "что бы это ни было". Причем не должно было быть "никакой критики, никакой сдержанности, ни из-за аффекта, ни из-за незначительности!" [19, 56].

Затем психотерапевт надавливал на лоб лежащего перед ним больного двумя руками и после "освобождения его" спрашивал: "Что вы видели? Что пришло вам в голову?". Фактически происходило отвлечение внимания пациента от сознательного поиска и размышлений. Так как патогенное представление находилось поблизости, то достижение его осуществлялось при помощи ассоциаций¹, при соответственном удалении какого-то препятствия. Надавливание и всплывание воспоминания было как путь к патогенному представлению. Дальнейшая связь наблюдалась в воспоминаниях и отношении к исходному представлению.

Таким образом, "процедура надавливания":

а) указывала дальнейший путь через сохранившиеся воспоминания, осуществляла вызов внимания к забытым связям;

б) выстраивала воспоминания, "многие годы ускользавшие от ассоциаций, но не утратившие способности и быть узванными в качестве воспоминания" [19,58];

в) высшим достижением катартического метода в этом случае было "воспроизведение мыслей, которые больной отказывается признавать своими, которые он не вспоминает, хотя и признает, "что они, безусловно, требуются логикой" [19, 58]. Как результат эти представления вызывали завершение анализа и прекращение симптомов.

При таком катартическом методе пациент освобождался от истерического симптома в процессе воспроизведения своих патогенных впечатлений, выражая словами аффективные переживания. Задача психотерапии заключалась в том, чтобы склонить к этому пациента (врач при решении этой задачи не должен был "ни корректировать, ни уничтожать. Это как отпирание замка"). Цель катартического метода сводилась к тому, "чтобы довести сопротивление до таяния и, таким образом, проложить циркуляции дорогу в запертую до сих пор область" [19, 76, 35].

Результатам лечения катартическим методом истерии, особенно при психотерапии без использования гипноза, была посвящена упомянутая нами книга Фрейда и Брейера "Исследования истерии". В ней они охарактеризовали симптомы истерии, значение аффективной жизни, важность различий между бессознательными и сознательными психическими актами, ввели динамический фактор, устанавливая, что симптом возникает при противодействии аффекту, а также экономический фактор, рассматривая тот же симптом как результат преобразования энергии, обращенной на что-то другое (конверсия).

Таким образом, исследовав значение катартического метода Брейера как источника психоанализе и процесс развития будущего метода психотерапии от гипноза к "брейеровскому анализу" с применением "процедуры надавливания", мы пришли к следующим выводам.

Первое.

Катартический метод применялся с целью выяснения истории симптомов истерии, детерминированных аффективными переживаниями прошлой жизни, и характеризовался следующими чертами: вызов подавленного аффекта; возвратная направленность лечения (регрессия); концентрация внимания на травме; устранение амнезии (воспоминание травматического события); эмоциональное "отреагирования", "разрядка", катарсис.

Второе.

Безусловной заслугой катартического лечения было открытие переноса ("перенесение любви") - одного из основных элементов будущего психоаналитического метода.¹⁸

Третье.

При психотерапии истерии с применением гипноза и при "процедуре надавливания" Фрейд обнаружил особенную "игру сил" психического бессознательного-сопротивление, на преодоление которого направлялась измененная техника лечения и которое стало вторым главным элементом психоанализа.

Четвертое.

Отказ от гипноза по образному выражению самого основателя психоаналитического метода был началом "собственной истории психоанализа". Этот важнейший шаг приоткрыл "маскировавшееся" сопротивление и облегчил психотерапевтическую процедуру - расширил поле применения новой техники.

Пятое.

Катартический метод с использованием "процедуры надавливания" применялся к больным истерией в бодрствующем состоянии, что приводило к ассоциациям пациентов - следующему важному шагу на пути создания психоанализа.

Ассоциации (закон ассоциаций)

Напомним некоторые основные аспекты истории развития ассоциаций (закона ассоциаций) в психологии.

Обращение к рассмотрению нами этой проблемы обусловлено несколькими факторами:

недостаточными исследованиями' непосредственного влияния идей ассоцианизма, роли психологического закона ассоциаций в создании психоанализа;

тем, что именно свободные ассоциации стали основным вкладом в открытие Фрейдом его метода (часто в психоаналитической литературе и

клинической практике метод свободных ассоциаций отождествляют с психоанализом);

необходимостью понимания причин его прихода к этому "основному открытию".

Ассоциации (лат. *associare*)- соединение, объединение, союз; в психологии - это ассоциация идей - связь представлений, появившись в сознании, вызывает по сходству, смежности или противоположности другое.

Ассоциировать - соединять; (психологически) - мысленно соединять, сближать представления. Понятие "ассоциации" считается одним из древнейших в психологии. Его можно встретить (впрочем, как и понятно о катарсисе) у Платона и Аристотеля.

Подобно тому как ствол дерева, развиваясь, обрастает новыми кольцами, эти понятия, передавая от эпохи к эпохе мудрость веков, обогащались новым содержанием. Закон образования ассоциаций веками считался главным законом психологии. Сущность его сводилась к тому, что если какие-либо объекты воспринимались одновременно или в непосредственной близости, то впоследствии появление одного из них влекло за собой осознание другого. Различным видам ассоциаций было посвящено множество психологических трактатов и концепций. Приведем лишь несколько наиболее известных учений.

Начало классическому ассоцианизму было положено концепцией бессознательного английского врача Гартли, центральной идеей которого была универсальная категория ассоциации' (человеческое познание представляло как ассоциация идей).

Он также считал, что на основе ассоциаций образуются все сложные представления, явления памяти, понятия, суждения, произвольные движения, аффекты (страсти), воображение. Память же - это воспроизведение ощущений по ассоциации в том порядке и отношении, в каких они были получены. Англичанин Д. Юм развил понятие ассоциаций, объясняя механизм их образования работу познания, дал классификацию ассоциаций и утверждал, что все эти ассоциации встречаются в повседневной жизни лежат в основе научного мышления (причинно - следственные отношения сводились к привычной последовательности явлений).

Идеи ассоциативной психологии своеобразно преломились в концепции И. Ф. Гербарта. Понятия о бессознательной психике, сочетаниях представлений (комплексах), хотя и не осознаваемых, но способных воздействовать на процессы, в отношении которых индивид способен дать себе отчет, может рассматриваться как свидетельство влияния Гербарта на Фрейда, создание его психоанализа.

В ассоцианизме было дано детальное описание, как самого факта ассоциации, так и принципов (законов) ассоциаций, выявлены условия образования и сохранения ассоциаций. Когда психология превратилась в самостоятельную науку, ассоциации стали изучать экспериментально, чтобы определить законы памяти, воображения и других умственных процессов.

Американский психолог У. Джемс - яркая фигура в истории мировой науки - в 1890 г. в своих "Принципах психологии" одним из первых в научной психологии сформулировал принципы и закон ассоциаций: "И поскольку слово "ассоциация" указывает на причину психического процесса, речь будет идти об ассоциации между собой мозговых процессов, которые, группируясь известным образом, определяют своими сочетаниями порядок психических процессов" [7, 157]. Он также утверждал, что закон причинности управляет явлениями ассоциаций в форме закона приучения нервных тканей к восприятию впечатлений. XIX век был "веком триумфа ассоцианизма. Закон ассоциаций рассматривался как основное явление душевной жизни. В ассоцианизме видели теорию, которую можно применить к вопросам политики морали воспитания" [8, 135]. Особенное применение ассоциативная психология (ассоциативный эксперимент) нашла в самых различных вариантах в клинике: (Р. Зоммер, Э. Крепелин, З. Фрейд, К. Юнг и др.).

Во всех случаях экспериментального изучения ассоциаций в психологии в основном решалась задача исследования работы сознания. Фрейд же первым среди клиницистов (врачей) и психологов использовал материал ассоциаций с другой целью - проникновение в бессознательное; и в этом была его огромная заслуга перед медициной, психологией, философией. Он искал в этом материале путь в область неосознаваемых побуждений, намеки на то, что происходит в "кипящем котле" аффектов, влечений. Для этого, полагал он, следует вывести ассоциации из-под контроля сознания. Они должны стать свободными. Так родилась главная процедура психоанализа, его основной техникой прием.

Применялся ли метод свободных ассоциаций до Фрейда?

Если иметь в виду, например, область искусства, литературы, то следует утвердительный ответ. Подтверждения этому мы находим в "Заметках из ранней истории психоаналитической техники", опубликованных в IV выпуске "Психологической и психоаналитической библиотеки" И. Ермакова (1923).

Доктор Дж. Гарт-Вилкинсон, более известный как поэт и мистик направления Сведенборга, применил в 1857 г. для сочинения своих вольных мистических стихотворений новый метод, названный им "Впечатление", который соответствовал "бесконтрольному течению мыслей", "требованию проявления себя, "направленному к самым глубоким бессознательным душевным движениям" [22, 149]. При этом необходимо было отстранить волю и всякое размышление, довериться вдохновению, и оказывалось, что "душевные способности направляются к незнакомым целям" [22,149].

Другой пример, известный знатокам психоаналитической литературы, - это "прекрасное место из письма Шиллера к Кернеру, в котором великий поэт и мыслитель советует всякому, кто хочет быть продуктивным, обращать внимание на свободно приходящие в голову мысли" [22, 149]

Безусловно, ни Гарт-Вилкинсон, ни Шиллер не имели прямого влияния на выбор психоаналитической техники.

Но отношения "более личного характера" на открытие Фрейдом свободных ассоциаций все-таки были. Обратимся вновь к тем же "Заметкам из ранней истории психоаналитической техники". В 1862 г. вышла статья Л. Бьерна "Искусство стать в три дня оригинальным писателем" об известных особенностях стиля Жана Поля, перед которым преклонялся Бьерн. В ней предлагалось взять "лист бумаги и записать три дня подряд без фальши и лживости все, что вам придет в голову" [22,150], все что вы думаете о себе, своей жене, исторических событиях и др.

После побуждения Фрейда его учениками прочесть статью Бьерна, он признал, что "это был первый писатель, в произведения которого он углубился"[22, 150].

Этот факт сыграл свою роль в последующем применении 3. Фрейдом в катарсисе свободных ассоциаций. К такому же выводу приходит один из ближайших учеников создателя психоанализа Ф. Виттельс в своей книге "Фрейд, его личность, учение и школа": "Фрейд сам признает, что эта статья могла играть большое значение в истории возникновения идей об использовании в психоанализе свободно возникающих мыслей больного, так как еще с дней своей ранней юности он охотно перечитывал Бьерна" [2, 83].

Мы рассмотрели кратко историю развития идей об ассоциациях, что, безусловно, нашло отражение в будущем методе психоанализа Фрейда, и факты, указывающие на непосредственное влияние в применении им свободных ассоциаций. Осталось выяснить, каким образом Фрейд перешел от катартического метода без использования гипноза ("техники надавливания") к применению метода свободных ассоциаций, чтобы завершить логику развития психоанализа.

В автобиографическом исследовании в 1924 г. Фрейд, возвращаясь мысленно во времена применения "процедуры надавливания", вспомнил об имеющихся проблемах ее использования: "Первоначальный способ преодолевать сопротивление, применяя напор и убеждение, был необходим, чтобы врач мог для начала сориентироваться, чего здесь следует ожидать. Но применять его долго было слишком утомительно для обоих участников, и были некоторые очевидные сомнительные стороны" [20,119]. Еще раньше в своих лекциях "О психоанализе" он ссылаясь на утомительность этой процедуры и на то, что она требовала много усилий. Бывали сеансы, когда проходили часы, а "пациент не открывал рта". Фрейд пришел в результате к убеждению, что лечение продвигалось быстрее всего в тот момент, когда он предоставлял пациентам свободу говорить все, что им было угодно ("важное, неважное, нелепости, всякую тарабарщину").

Пациенты "затапливали" его своим многословием, потоком сообщений, против которого безуспешно было воздвигать "плотину". Вначале они особенно усердствовали в этом отношении, пока еще не подозревали о соседстве врача с "дьяволом", не позволяли прерывать себя. Фрейд же в это время спокойно сидел и прислушивался с пристальным вниманием ("человек изобрел язык, чтобы скрывать свои мысли"), меньше к тому, что пациенты говорили, а больше к тому, о чем говорили дважды, что произносили в

особенных выражениях, или когда молчали (2). При этом возникали "пробелы", где открывались комплексы пациентов. Фрейд должен был слушать, и слушал до конца, пока не выявлялось то неизвестное, что "пациент старался скрыть своим многословием".

Таким путем З. Фрейд пришел к своему основному открытию: "процесс свободных ассоциаций при соблюдении основного правила психоанализа оправдал возлагавшиеся на него ожидания, т.е. вытесненный и устраненный в результате сопротивления материал возвращался в сознание" [20,119].

Точной даты открытия процедуры свободных ассоциаций нет, но, вероятно, она постепенно создавалась между 1892 и 1896 гг., "уверенно очищаясь от гипноза, внушения, давления и опрашивания, которые сопровождали ее вначале" (Джонс, 1953).

Намеки, первые "зародыши" ее мы встречаем в описанном случае Эммы фон Н. в "Исследованиях истерии" [35].

Замечательный биограф Фрейда Джонс приводит исторический факт, когда Фрейд настойчиво расспрашивал Элизабет фон Р. и она упрекнула его в том, что он прерывает ход ее мыслей. Тогда он принял ее совет, и метод свободных ассоциаций сделал гигантский шаг вперед. Мы уже имели возможность заметить, что и факт переноса, и явление сопротивления, а теперь и свободные ассоциации были выявлены (или применены, как в случае со свободными ассоциациями) при лечении фрейлен Элизабет фон Р. И если "авторство" метода катарсиса по праву приписывают пациентке Брейера Анне О., благодаря которой эта психотерапия получила название "разговорное лечение", то с таким же успехом можно выдвинуть следующую гипотезу: в период лечения Элизабет фон Р. Фрейд открыл свой психоанализ, где впервые проявились его основные феномены: сопротивление, перенесение, свободные ассоциации. Если раньше он объяснял, что при отказе от гипноза и внушения утрачивалась возможность доступа к вытесненному материалу и, следовательно, возможность получить патогенные воспоминания и фантазии, то теперь их совершенно достаточно заменила свободная ассоциация.

Таким образом, метод свободных ассоциаций стал основной процедурой, фундаментальным правилом психоанализа. А закон ассоциаций - один из древнейших в психологии - стал еще одним объективным источником психоанализа.

Психологические, философские концепции ассоцианизма, господствовавшие в XIX веке, оказали свое благотворное влияние на формирование медицинских, психологических, философских взглядов Фрейда на создание его метода свободных ассоциаций.

Гениальность, научное предвидение, клиническая проницательность Фрейда проявились в создании им метода свободных ассоциаций с целью познания глубинного мира Бессознательного человеческой психики.

* * *

Исследование генезиса психоанализа показывает, что он имел глубокие корни, источники, основанные на богатстве мысли, психологических, философских, медицинских знаний и психотерапевтической практики.

Надо было обладать гением Фрейда, научной проницательностью, даром воображения и теоретического осмысления, смелостью ученого и человека, чтобы:

пройти через тернии зашоренных медицинских кругов, применяя гипноз и катарсис, отказаться от них;

осознав силы сопротивления и преодолев их, проникнуть в глубины Бессознательного;

открыть перенос - особые чувства между пациентом и аналитиком, модификацию опыта прошлых отношений в детстве со значимыми для больного людьми;

извлечь вытесненные аффекты, понять природу психического детерминизма явлений и, применив свободные ассоциации как свое главное психотерапевтическое открытие, создать психоаналитический метод.

Список литературы

Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. - СПб. Изд-во МФИН, 1992.

Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа. - Л., ЭГО, 1991.

Гроф С. За пределами мозга. М.: Центр. "Соцветие", 1992.

Гринсон Р. Ральф. Практика и техника психоанализа, 1986 (Ксерокс).

Гуманистическая психология //Иностранная психология, 1993. Т.1, ? I, с. 7 - 38.

Годфруа. Что такое психология. Кн. 1,2. М.: "Мир", 1992.

Джеймс У. Психология. М., "Педагогика", 1991.

Ждан А. Н. История психологии. М., Изд-во МГУ, 1990.

Материалы научно-практических семинаров в РПА с участием Г. Пэренса, Л. Вурмсера, Д. Паенс, А. Наковой, Д. Бренера, К. Равнсков. 1992 - 1993 (Рукопись).

Психоанализ и науки о человеке //Международная конференция в Москве. 30.03 -03.04, 1992 г. М., 1992.

Робер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., "Прогресс", 1988.

Словарь иностранных слов. М., Госиздат, 1949.

Сартр Ж. П. Фрейд. М.. "Новости", 1992.

Томэ Х. Что изменилось в моем понимании психоаналитического процесса за последние 30 лет? //Психологический журнал, 1992, т. 13,?4, с. 111 - 122.

Фейдимен Дж., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. Вып. I. ? М., РОУ, 1991.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., "Прогресс", 1991.

Фрейд З. Избранное. М., Внешторгиздат, 1989.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., "Наука", 1990.

- Фрейд З. О клиническом психоанализе. Избранные сочинения. М., "Медицина", 1991.
- Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., "Прогресс", 1992.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М., "Просвещение", 1990.
- Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, "Беларусь", 1991.
- Фрейд З. "Я" и "Оно". Кн. 1, 2. Тбилиси, "Мерани", 1991.
- Фрейд З. Толкование сновидений. Обнинск, "Титул", 1992.
- Фрейд З. Случай фрейлен Элизабет фон Р. //Моск. психотер. журнал. 1992, ? 1,2,с.71 -96.
- Фромм Э. Душа человека. М., "Республика", 1992.
- Цвейг С. Врачевание и психика. СПб, ТсОО "Гамма", 1992.
- Шерток Л., Соссюр Р. де Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., "Прогресс", 1991.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М., "Ренессанс", 1991.
- Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке. М., "Ренессанс", 1992
- Ярошевский М. Г. История психологии. М., "Мысль", 1985.
- Brenner S. 1974. An elementary textbook of psychoanalysis. Rev. ed. new york:AnchorPress-Doublday.
- Fodor N.. anol Caynor F. 1958. Freud: dictionary of psycoanalysis. New York: FawcettBooks.
- Freud S. 1894. The neuropsynoses of defense. Standard edition, vol. 3. London. HogarthPress.
- Freud S., 1895. Studies on histeria. Standard Breuer J. edition, vol. 2. London, HogarthPress, p.21 - 47
- Freud S. 1905. Fragment of analisis of a case of histeria. Standard edition, vol.8. London, Hogarrth Press.
- Freud S. 1910. Five lectures on psychoanalysis. Standard edition, vol. 11. London, Hogarth Press.
- Freud S.1914. On the history of the psycho - analytic movement. Standardedition.vol.11. London, Hogarth Press.
- Freud S. 1925. An autobiographical stady. Standard edition, vol. 20. London, HogarthPress. Also, 1935, Autobiography. New York. Norton.
- Freud S. 1950. The Origins of psycho - analisis (includind 1895. A Project toraScientific Psychology. London: Hogarth Press.
- From E. 1950. Sigmund Freuds mission: an analisis of his personality and influence. New York: Harper.
- Jones E. 1961. The Life and Work of Sigmund Freud. London. Penguin.
- La Planche L, and Pontalis J. B. 1973. The language of psychoanatisis. Translated by Donald Nicnolson - Smith. New York: Norton.
- Sandler J.. Dare C. and Holder A. 1972. Frames of refarence in psychoanaliticpsychology: The historical context and phases in the development of psychoanalysis. British Jornalof Medical Psychology, 45.
- Sandler J.. D'are C. and Holder A. 1973. The Patient and the Analyst: the Basisof the Psychoanalytic Process.

**С. Франк и З. Фрейд:
Методологические основания религиозной философии**

Д.А.Ольшанский

*Et direxi me ad me et dixi mihi: tu quis es?
Et respondi: homo. et ecce corpus et anima in
me mihi praesto sunt, unum exterius et
alterum interius. Quid horum est, unde quaerere
debui deum meum, quem iam quaesiveram per
corpus a terra usque ad caelum, quousque
potui mittere nuntios radios oculorum meorum?
Sed melius quod interius.*

Augustini Confessionum. Liber Decimus, Caput VI

Влияние творчества Семён Людвиговича Франка на всё последующее развитие русской (социальной, религиозной и экзистенциальной) философии зарубежья [См.: 32; 34], а также на развитие всей православной теологии, неоспоримо. Сегодня его религиозная философия признана не только в России, но и во всём христианском мире, о чём свидетельствуют многочисленные переводы и публикации трудов С.Л. Франка во Франции, Англии и США [См.: 18 р. 29 – 31; 19]. По выражению В. Ильина, его труды по философии религии стали «украшениями не только русской, но и мировой философской мысли», о чём можно судить по публикациям зарубежных исследователей: Н. Зернова [См.: 23], Ф. Буббьера [См.: 20, 21, 22], П. Свободы и др. Однако, как мне кажется, значение наследия С. Франка не исчерпывается сугубо религиозным (тем более, православным) смыслом, как может показаться на первый взгляд. Труды мыслителя демонстрируют нам всеобщую осведомлённость С. Франка по поводу современных ему течений философии и психологии, о чём также свидетельствует переписка Франка с психологом Людвигом Бинсвангером, которая продолжалась более пятнадцати лет, вплоть до самой смерти философа.

Сам С.Л. Франк в религиозных и философских трудах не говорит прямо о психологии, называя себя «только чистым философом, специалистом только в области познания, онтологии и философии духа». «Мои работы по психологии, – пишет он в письме Л. Бинсвангеру от 30 ноября 1934, – должны довольствоваться областью чистого «созерцания сущности», но я никогда не занимался специальным опытным познанием душевной жизни».

Несмотря на том, что Франк большей частью избегает говорить о психоанализе и о влиянии фрейдизма на его собственное мировоззрение, он вместе с тем демонстрирует глубокую осведомлённость в области современной ему психологии и психиатрии. С одной стороны, христианский

настрой его повествования не даёт философу оснований апеллировать к концепциям фрейдизма, которые признавались (и до сих пор признаются) православной церковью греховными, с другой стороны, С. Франк понимает всю ответственность научной критики фрейдизма (которая должна происходить с позиций психологии и анализа, как это делает И. Путнам) за которую не решается браться.

Возникает вопрос методологического плана: насколько уместно приписывать С.Л. Франку влияние психоанализа, о котором сам философ упоминает крайне редко, сопоставлять его учение с идеологической позицией З. Фрейда, на тексты которого автор ссылается бегло, прочитывать философию С. Франка, по поводу которой в российской истории философии уже сложилась определённая читательская традиция, в новом ключе, иногда выходящем не только за пределы православия, но и за пределы самого религиозного принципа всеединства С.Л. Франка.

При первом приближении к творчеству С. Франка становится понятно его негативное отношение к психоанализу (что очевидно для православного мыслителя). В книге «Свет во тьме» мы находим следующее негативное отношение С. Франка к психоанализу: «мало того, что человек оказался обезьяноподобным существом; отныне он признан комочком живой плоти, вся душевная жизнь и все идеи которого определены слепым механизмом полового вожделения; не разумное сознание, не дух и не совесть, а слепые хаотические подсознательные силы правят человеческой жизнью.» [4, С. 414]. Очевидно, что на формальном (внешнем) уровне текста, С. Франк не только отрицает влияние З. Фрейда на собственную концепцию, но высказывается достаточно негативно обо всём направлении психоанализа. Другое характерное высказывание в адрес З. Фрейда находим в книге «Реальность и человек»: «Ещё более убедительное обличение несостоятельности этой веры [в человека – Д.О.] принесло наше время, когда под тонкой оболочкой просвещённого европейца человек обнаружил не только свою неукрощённую звериную природу, но и таящиеся в нём демонические силы садизма и отвержения самых элементарных начал нравственности». [2, С. 231]. Здесь С. Франк воспроизводит основную тему недовольства (критического анализа мы здесь не находим) со стороны классической метафизики и философии религии по отношению к фрейдизму. Однако, при явном недовольстве С. Франка психоанализом, в рассуждениях по поводу религиозной веры он применяет близкий психоанализу метод доктора Фрейда по выявлению (вскрытию) бессознательной структуры, которые детерминируют внешнюю (поведенческую) сторону деятельности человека (речь об этом пойдёт ниже). В данном случае можно говорить о неосознанной близости, которую проявляет С. Франк по отношению к психоанализу, принципы которого он формально отрицает.

Вторым основанием для подобного сравнения является методология анализа духовной жизни человека. В данном случае мы не будем углубляться в анализ текстов З. Фрейда, посвящённых феномену бессознательного. Более того, я не буду подробно останавливать внимание на различии Фрейдом

предсознательного (vbw) и бессознательного (ubw), которое в некоторых работах имеет место [14, С. 185]. Так как это различие общеизвестно, в данной работе термины подсознательное и бессознательное (ubw) используются мной как синонимы Оно (Es), тем более что о возможности такого замещения говорит сам З. Фрейд [11, С. 12; 16, С. 212]. Здесь меня, прежде всего, будут интересовать восприятие (быть может, на подсознательном уровне, проявляющееся исключительно в письме) и воспроизведением на методологическом уровне С. Франком принципов психоанализа.

Наконец, само письмо С. Франка в определённой степени воспроизводит принципы ассоциативного рассуждения, применяемого З. Фрейдом, что также даёт основания для того, чтобы утверждать близость русского философа традиции психоанализа. Однако, лингвистический анализ текстов Франка не является предметом настоящего рассмотрения и заслуживает отдельного исследования. Здесь же я попытаюсь очертить лишь общую область для исследования этой проблемы. Однако описание методологии не является предметом настоящего исследования. Более подробно о методологии сравнительного философского исследования см. мою статью «Methodology of Scientific and Religious Cognition». [30].

Очень немногие работы С.Л. Франка посвящены непосредственно психологии и психоанализу («Мировоззренческие основы психоанализа», опубликована под названием: «Психоанализ как мирозерцание» [См.: 3]), основным предметом его исследований была всё же религиозная философия. Дело даже не столько в том, что большинство его книг и статей посвящены религиозной тематике, что само по себе ещё не является основанием для утверждения того, что автор является религиозным философом, а, скорее, сам ход мысли С. Франка, форма письма, является воплощением религиозной идеологии, представляет собой ориентацию на высший принцип абсолютного (непостижимого), которому подчинено всё творчество С. Франка, в соответствии с которым строится его философская концепция.

Именно вчитываясь в текст С. Франка, преодолевая внешний (буквальный) уровень текста, где, как было показано, отношение к фрейдизму выражено достаточно однозначно, можно заметить определённые сходства (быть может, неосознанные заимствования) в методологии исследования, которую он применяет для описания феномена религиозной веры.

Так, например, эти психоаналитические тенденции можно проследить в рассуждениях философа по поводу соотношения обыденного и индивидуального сознания верующего в книге «С нами Бог» («God With Us»), которая была опубликована лондонским издательством Jonathan Cape в 1946 и стала одним из последних трудов русского философа-эмигранта С.Л. Франка, вышедших при жизни автора [18, р. 29].

Наиболее интересными с теологической точки зрения выводами, к которым приходит С. Франк в этом тексте, являются разделение феномена веры на веру-доверие (то есть слепое следование) и веру-знание

(достоверное знание), которая служит основанием для первой. Хотя в реальной практике верующего две эти веры предстают как единой целое, однако, с точки зрения философского анализа подобное разделение оказывается для Франка весьма актуальным для понимания сущности православия (и вообще любой религии). С.Л. Франк пишет: «Всякая вера-послушание, вера-доверие, основанная на подчинении авторитету, в конечном счёте, опирается на веру-достоверность, веру-знание». [1, С. 224]. Хотя сам верующим не осознаёт этого разделения, тем не менее, оно постоянно присутствует в его повседневной религиозной практике. Таким образом, это не явленное «подчинение авторитету» веры-знания можно отождествить с подсознательным. Здесь С.Л. Франк говорит о знании (как ни парадоксально) именно в подсознательном смысле. Вера-знание, по Франку, принадлежит подсознательному миру верующего.

Знание для С. Франка не является исключительно продуктом *ratio*, знание не обязательно должно быть добыто рационально (вообще можно почувствовать явное недоверие, которое С. Франк выражает разуму и всему, что называется рациональным). Когда Франк говорит о том, что вера-доверие основывается на вере-знании, он отнюдь не стремится рационализировать веры: как может показаться, напротив он говорит о несостоятельности подобного схоластического способа понимания веры. «Попытка такого рода апологетики – «научного» или вообще рационального доказательства истинности веры – имеют всегда в себе что-то «надуманное», искусственное, носят отпечаток или ограниченности, или фальши и софистики». [1, С. 222]. Франк полагает, что знание есть интуитивное схватывание реальности, в этом смысле он оказывается близок Гёте, Спинозе и Бергсону. [21, р. 195].

Веру-знание (в данном случае, религиозное знание) С. Франк понимает как информацию, полученную от близости («личной встречи» [2, С. 165]) нашей души с Богом. Религиозное знание, таким образом, является непосредственным (в отличие от рационального знания, которое опосредовано разумом) знанием, полученным душой от Бога. Он пишет: «вера есть непосредственное знание Бога, то есть знание, которое может быть яснее в младенцах, чем в «книжниках» - знатоках Писания, законов и преданий». [1, С. 229]. Однако наличие этого знания не обязательно является рационально осознаваемым, люди могут не осознавать в себе эту веру-знание, она может быть неявлена, это знание, «которое может быть яснее в младенцах, чем в книжниках». Это знание является над-индивидуальным, тем самым, объединяющим, следовательно, не может принадлежать кому-то одному или противоречить себе в понимании разных людей. [21, р. 195; 23, р. 304]. Это знание всегда конкретно по содержанию, но оно может не осознаваться разумом человека, тем не менее, являясь причиной и фундаментом его деятельности.

Этот же аспект в философии С. Франка отмечает и Ф. Буббьер: «С другой стороны, человек не может взять веру, потому что она является даром. Но это дар, который не может быть воспринят пассивно». [20, р. 192]. Таким образом, вера и откровение даются человеку как дар, но именно этот дар

является результатом его собственных усилий и одновременно, основанием для его деятельности и веры-знания. Эту же точку зрения о том, что разделяет и Н. Зернов, когда пишет, что для С. Франка «индивидуальные сознания с их сложностью мышления и эмоций не являются исходным пунктом» [23, р. 304], но лишь воспринимает откровение.

С.Л. Франк умышленно говорит не об ощущении (как противоположном начале по отношению к ratio), но о знании, которое суть есть духовное знание, но именно знание, а не чувство или ощущение, ибо вера не может основываться на чувствах, которые, как известно ещё из греческой философии, могут обманывать человека. Следовательно, вера (вера-доверие) не может быть основана на изменчивых и непостоянных чувствах, но основывается на конкретном знании (вере-достоверности), которое даётся человеку не посредством разумного и не посредством эмпирического познания мира, а вкладывается в душу человека через непосредственный контакт с Богом. Таким образом, С.Л. Франк говорит о наличии у человека сферы подсознательного (неиспользуя этот термин), с одной стороны, противоположной по отношению к разуму, но способной вмещать позитивное знание, с другой стороны, являющейся основанием для всякого рода разумного и активного. В этом отношении позиция С. Франка близка идее Б. Паскаля, основоположника философии сердца. Последний считал, что знание о Боге открывается человеку в сердце (которое можно понимать как аналог бессознательного), «вера, открывающая человеческой душе живого Бога, осуществляется в своём порядке, который он называет «сердцем» или «ordre de charité» и который не имеет ничего общего с разумом». [2, С. 158].

В христианской философии было принято говорить о духе, когда речь шла о сфере общения человека и Бога. Догматичным является тезис о том, что Бог присутствует в духе человека, в этом смысле С. Франк не открыл ничего нового. Однако христианская догматика всегда негативно относилась к знанию (отождествляя его с разумом, следовательно, рационализмом), в то же время С. Франк говорит о знании именно в религиозном (не нерациональном) смысле, о том знании, которое является основанием для веры и послушания, на котором настаивала христианская догматика. Таким образом, С. Франк не вступает в противоречие с догматикой православной церкви, как может показаться на первый взгляд. Он признаёт необходимость послушания, но вскрывает при этом глубинные (в фрейдистском смысле) основы этого послушания, которое бессознательно основано на знании истины, данной в откровении.

Откровение, по С. Франку, представляет собой конкретное знание (а не чувства и эмоции), осознание близости с Богом, знание Его реальности, которое, однако, не всегда осознаётся разумно. Более того, Бог может обращаться к человеку минуя его разум, непосредственно к его духу «И мы бываем свидетелями того, как закоренелая в неверии душа в минуты смертельной опасности начинает молиться неведомому [рационально несознаваемому - Д.О.] ей Богу и как какое-нибудь слово Евангелия

повергает её в умиление перед несказанной красотой Божественной правды». [1, С. 226]. Постоянное обращение С. Франка к этой сфере бессознательного или духовного (ни тот ни другой термин он здесь не использует), равно как и анализ повседневного мышления верующего, в котором выявляются глубинные и внешние структуры, даёт нам основания говорить о близости философской методологии С.Л. Франка в психоанализу.

Говоря об обыденном понимании веры [1, С. 220], С.Л. Франк постоянно акцентирует внимание на том, что сам верующий может не осознавать этой связи своей души с Богом [1, С. 226], как может не осознавать разделения на веру-доверие и веру-достоверность [1, С. 223], обнаруживая тем самым фрейдистские тенденции в описании веры как одновременно осознанного действия (веры-послушания) и подсознательного (веры-достоверности). Причём внешние проявления (в данном случае веру-доверие) С. Франк в подчинение от глубинных, подсознательных явлений (веры-достоверности). В этом смысле мы можем говорить, что он наследует первому принципу психоанализа (как называет его Фрейд), утверждающему, что «психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные стороны душевной жизни». [11, С. 11]. Так и С. Франк говорит именно не о параллельном сосуществовании веры и разума, веры-доверия и веры-достоверности, а о доминировании глубинных основ человеческой психики, соответственно веры над разумом (которое основывается на вере), веры-достоверности над верой-доверием.

Более того, С. Франк неоднократно говорит о попытке (даже о стремлении) обыденного мышления верующего принизить роль веры-знания в религии. Под верой обычно понимают «некое своеобразное духовное состояние, при котором мы согласны признавать, считать достоверным, утверждать как истину нечто, что само по себе не очевидно». [1, С. 220]. Также он говорит о стремлении сконцентрировать внимание верующих на акте послушания, тем самым, принижая (или вовсе игнорируя) роль веры-знания в религии: «они требуют именно слепой, неразмысляющей, непроверяющей веры». [1, С. 223]. Следовательно, мы можем говорить о стремлении поставить явное и осознанное выше глубинного и подсознательного. По сути, это есть стремление «строго Сверх-Я, которое предписывает ему [Я] определённые нормы поведения» [11, С. 348], к вытеснению Оно и обузданию Я, о котором пишет З. Фрейд. Подобным же образом обыденное сознание (Сверх-Я) верующего относится к вере-знанию (Оно): следует обуздать её и смириться с теми противоречиями, которые она порождает.

Сознание верующего воспринимает некий дискурс религиозной повседневности (который официальная православная – и вообще христианская – церковь никогда не поощряла), в котором доминантами (следовательно, положительными) оказываются такие понятия как духовное (которому противопоставляется телесное и разумное), послушание (которому противопоставляется знание и процесс познания), пассивность (которой противопоставляется деятельность). Официальная церковь никогда не

говорила о превосходстве (тем более о необходимости подавления) послушания над знанием, пассивности над деятельностью, этот дискурс существует на обыденном уровне, как особого рода мифология в рамках христианской догматики. В рамках этого дискурса религиозной повседневности, человек стремится к усилению «положительных» качеств (тех, которым в рамках этого дискурса приписывается положительность) и к подавлению «отрицательных», что порой приводит к противоречию с самим человеческим существом верующего (когда скажем, он стремится не доверять разуму – а порой и здравому смыслу – вопреки смирению и покорности). Это противоречие и рождает невроз. Таким образом, мы можем говорить, что С.Л. Франк описывает своеобразный невроз верующего, который проявляется в стремлении принизить разум (и всё связанное с ним: рациональное, знание, познание) по отношению к духу, которому (ошибочно) приписываются качества не-знания, не-разумности, следовательно, пассивности.

Описание этого невроза (без использования этого термина), С. Франк занимается в начале книги «С нами Бог», когда говорит о том, что «заслуга веры, с этой точки зрения [с точки зрения обыденного сознания – Д.О.], состоит именно в том напряжении воли, которое необходимо, чтобы утверждать, упорствовать в признании того, что само по себе, т.е. для разумного познания, остаётся сомнительным». [1, С. 220]. Результатом такого напряжения воли станет «состояние искусственной загипнотизированности сознания, неизбежно сопровождаемое его внутренней раздвоенностью». [1, С. 220].

Таким образом, мы можем говорить о неврозе, порождённом противостоянием Сверх-Я (дискурса повседневности) и Оно (реальной веры-знания). Результатом этого невроза является комплекс верующего, который выражается Франком в формуле: «не верую, но хотел бы верить и уговариваю самого себя, что верю». [1, С. 221]. Эти «внутренние колебания» и эти противоречия с самим собой С. Франк называет грехом (перед Богом), однако, с точки зрения психоанализа, мы можем говорить об очевидном комплексе неполноценности, развивающемся у того верующего, который не может полностью (и в принципе не может) отказаться от веры-знания в пользу слепой веры-подчинения ценностям религиозной повседневности.

Для З. Фрейда же религия является видом невроза, возникающим в связи со стрессом, вызванным боязнью смерти, стихийными бедствиями и социальными проблемами, в результате чего «внутренняя часть человека отчуждается и становится внешней». [26, р. 101].

В данном случае нам может показаться, что мы имеем дело с переворотом ценностей в религиозном мышлении. Если для З. Фрейда Сверх-Я отождествлялось с принципами общественной морали и разума (М. Эргайл настаивает именно на социальном детерминизме [26, р. 175]), то для С. Франка роль Сверх-Я занимает дискурс религиозной повседневности (который говорит о примате слепой веры над верой-знанием), который в свою очередь находится в оппозиции (является искажением) реальной

догматики церкви, как малый (минорный) дискурс по отношению к официальному (мажорному) дискурсу православия. Если для З. Фрейда Оно понимается как «хаос, котёл, полный бурлящих возбуждений» [11, С. 12], то для С. Франка роль Оно занимает вера-знание, то есть достоверность, данная Богом в откровении (которая, однако, носит глубинный характер). Однако при более детальном рассмотрении окажется, что этого переворота ценностей нет.

Сверх-Я, по З. Фрейду, является официальным дискурсом общественных ценностей, субъектом власти социального над индивидуальным. В концепции С. Франка такую роль играет это «господствующее понимание» верующих, то есть дискурс религиозной повседневности, который и становится субъектом власти социального, представителем той власти, которую в теории З. Фрейда играет Сверх-Я, то есть он (дискурс) является законодателем ценностей и норм: превосходство духовного над телесным и разумным, послушания над знанием, пассивности над деятельностью.

Вера-знание, понимаемое Франком как результат духовного откровения, выполняет роль Оно, так как его влияние на веру-послушание постоянно замалчивается и скрывается верующим, однако вера-доверие основывается и является производной от веры-знания, равно как фрейдовское Я является лишь осознанной частью Оно и черпает в нём силы. Вера-доверие соотносится, таким образом, с фрейдовским Я, с одной стороны, она должна считаться с дискурсом повседневности и диктуемыми им ценностями, с другой стороны, она основывается на реальном (достоверном) знании Бога, которое присутствует в его ежедневной практике и даёт основания для его веры-послушания. Поэтому проблема веры и знания, которая поднимается практически во всех книгах С. Франка может быть описана как проблема взаимодействия Я и Оно: «Отношение Я к Оно можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь даёт энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного». [11, С. 346].

Также и достоверное знание о Боге (вера-достоверность) является основанием для послушания, смирения и соблюдения церковных ритуалов, в то же время, повседневный религиозный дискурс приписывает ведущую роль именно послушанию. Человек знает реальность Бога, поэтому готов смириться с догмами церкви, а не наоборот, как говорит об этом дискурс повседневности, смиряется с догматами, и отказывается от разума и знания.

Таким образом, это Сверх-Я религии (дискурс повседневности), которое стремится ограничить, простроить и определить (о-пределить) Оно религии (достоверное знание божественной реальности), суть неразделимы, о чём неоднократно говорит С. Франк, так как реализуются в повседневной жизни верующего. Вера-доверие является проявленным продолжением веры-знания. Такое же положение неразделённости и одновременного присутствия в реальной жизни человека Сверх-Я, Я и Оно можно найти в системе З.Фрейда. В книге «По ту сторону принципа удовольствия», он пишет: «Мы

избежим неясности, если мы вместо противопоставления бессознательного сознательному будем противопоставлять «я» и вытесненное. Многие в «я», безусловно, бессознательно, именно то, что следует назвать ядром «я». [16, С. 212].

Таким образом, Я является продолжением Оно, в этом смысле нельзя говорить об их противоположности, тем более об их противостоянии. В другой своей работе Фрейд более образно демонстрирует этот принцип единства Сверх-Я, Я и Оно: «Разделяя личность на Я, Сверх-Я и Оно, вы, разумеется, не имеете в виду строгие границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Свообразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников». [11, С. 349]. Таким образом, разделение это носит лишь аналитический, чисто формальный характер. С.Л. Франк склонен говорить религии (и религиозном) вообще, когда речь идёт о повседневной практике, так и о различённых им понятиях, вере-знании и вере-достоверности. Также и З. Фрейд, приводя примеры из медицинской практики, говорит о психологическом как таковом, называя разделение на сознательное Я и бессознательное Оно и выделение сознания (Bewußtsein) в качестве особой системы психического, «психоаналитической спекуляцией». [16, С. 216].

С. Франк, как уже говорилось, выражает недоверие по отношению к разуму (но не по отношению к знанию) в вопросах осмысления веры. В этом смысле, я могу согласиться со С. Ковальчук, которая пишет: «Франк тоже осознавал себя не церковным догматиком, а свободным философом. И всё же он настаивал на вере, предупреждал об опасности, грозящей вере со стороны рационалистического осмысления, далёкого от постижения её живого опытного корня». [24, С. 142]. С. Франк, как и З. Фрейд убеждён в том, что истинная сущность человека находится за пределами разумного, в подсознательном, точнее в до-разумном (или в душе), в котором кроются причины всех внешних проявлений человека, причины его осмысленного поведения. Именно в этой сфере до-разумного находится вера-знание, о которой говорит С. Франк, так как она не есть продукт познавательной способности разума, но основа для всякого разумного знания и действия, основа для веры-доверия. Равно и З. Фрейд говорит о том, что все мотивы деятельности человека кроются в его подсознании и неосознанных желаниях.

Разумное начало, называемое З. Фрейдом Я, есть лишь часть неосознанного Оно, всё поведение человека и его разумная деятельность есть лишь закодированный рассказ о его неосознанных желаниях. «Мы создали себе представление о связной организации душевных процессов в одной личности и обозначаем его как Я этой личности. Это Я связано с сознанием, что оно господствует над побуждениями к движению, т. е. к вынесению возбуждений во внешний мир». [14, С. 185]. В каждом своём поступке человек всегда проявляет, реализует эти желания Оно, его осознанная деятельность всегда опирается на нечто более глубокое, именно на Оно,

равно как и верующим (по С. Франку) в своём смирении всегда опирается на нечто более глубокое, на веру-знание, которая также находится в сфере нерационального.

Здесь уместно оговорить использование термина до-разумное в связи с религиозной философией С. Франка. В данном случае термин «подсознательное» несёт явное психоаналитическое содержание, то есть глубинное основание психики, следовательно, этот термин (и его синоним – «Оно») используются в связи с системой З. Фрейда. Говоря о до-разумном, я имею ввиду область психики, где помещает основополагающую веру-знание С. Франк. Как говорилось выше эта вера-знание не есть чистого рода знание, получаемое путём рационального познания, также как не есть и нерасчлененное неявленное в разуме желание.

Может показаться, что из вышеизложенного следует вывод, что мы не можем полностью отождествлять «подсознательное» З. Фрейда с «до-разумным» (или «душой») С. Франка. Если вера-знание всегда есть конкретное по содержанию знание, а Оно Фрейда есть лишь возможность такого знания, есть лишь желание, направленность, интенция мысли или действия, которые совершаются Я, то есть явленно, то мы не можем говорить о подобии до-разумного (которое конкретно) и подсознательного (которое хаотично). Однако, при более глубоком анализе, можно заметить, что подсознательное (или Оно) также всегда имеет своим содержанием конкретные желание и инстинкты. Д. Стэффорд-Кларк пишет: «Оно содержит всё, что унаследовано, что наличествует от рождения, которое устанавливает всеобщий порядок (constitution), следовательно, инстинкты, которые коренятся в соматической организации и которые находят первое психическое выражение здесь (в Оно) в формах неизвестных для нас». [25, р. 133].

В этом смысле Оно содержит также конкретное знание (информацию о желаниях), которое находится в хаотическом состоянии, однако реализуется в повседневной деятельности человека, раскрывается в действиях его Я, несмотря на неявленность для самого сознания Я, Оно становится очевидным в деятельности человека. Вера-знание также есть конкретное знание, данное от непосредственной близости нашей души с Богом, поэтому вера-знание не есть желание или интенция какого-то желания, это всегда знание конкретного предмета. «Достоверность во всех областях мысли и знания может означать только одно: реальное присутствие самого предмета знания или мысли в нашем сознании». [1, С. 233]. Другое дело, что наличие этого знания может игнорироваться, знание о вере-знании как основе веры-доверия может подавляться дискурсом религиозной повседневности. Знание о Боге даётся в религиозном опыте, и является основой для разумного (рефлексивного) осознания и активной религиозной практики. Вера-знание о Боге не всегда есть рефлексивное знание, в этом смысле я говорю о ней как о до-разумном (т.е. до-рефлексивном) знании. Сам человек может не знать о том, что у него есть это знание о Боге, несмотря на то, что содержание этого знания предельно очевидно и дано непосредственно, достоверно.

«Достоверность в конечном счёте носит характер того непосредственного очевидного знания, в котором сама реальность наличествует, как бы предъявляет себя нам; именно это мы имеем под словом «опыт»». [1, С. 234] Этот опыт может наличествовать и воплощаться в повседневной религиозной практике, но может не осознаваться самим верующим. Религиозный опыт в данном случае можно понимать как до-разумный опыт, вера-знание не есть в чистом виде рациональное знание, поэтому уместно говорить о до-разумный, до-рефлексивном знании. Приставка «до-» в данном случае указывает на глубинный характер этого «душевного» знания, скорее, чем на вне-разумный, абсурдный характер этого знания. Эта вера-знание всегда конкретна по содержанию, но может не осознаваться разумом человека, тем не менее, являясь причиной и фундаментом его деятельности. Если даже это знание не явлено для самого верующего, оно реализуется в деятельности человека, также как содержание Оно раскрывается в разумной деятельности Я.

С другой стороны, сопоставляя сферы подсознательного в понимании З. Фрейда и души (или до-сознательного) в трактовке С.Л. Франка, можно заметить следующую близость этих областей. Прежде всего, С. Франк говорит о «инородности религиозного опыта всему остальному, так сказать, «земному» опыту, лежащему в основе обычного рационального осмысления мира». [2, С. 162]. То есть религиозный опыт находится по ту сторону повседневного опыта, в этом смысле С. Франк совершает такое же разделение как и З. Фрейд, когда говорит о принципиально ином характере Оно. «Для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга». [11, С. 344] Если для процессов и поведения Я основу составляет рациональное (логическое) мышление, то Оно функционирует как единый котёл желаний и устремлений, находящихся в хаотическом состоянии [11, С. 12].

С. Франк также говорит о том, что «этот [религиозный - Д.О.] опыт остаётся недоступным умственному обобщению, не вмещается в общую, т.е. философскую, картину мира и жизни». [2, С. 163]. Так Франк полагает религиозный опыт в сфере до-разумного, то есть не осмысляемого разумом, но наполненного позитивным содержанием. «Что в состав конкретной религиозной жизни входит элемент «чудесного», уловимого только в порядке эмоционально-иррациональном, в «опыте сердца», и чуждый не только трезвому, чистому интеллектуальному познанию, но и вообще всяческой философской мысли, это, конечно, совершенно бесспорно». [2, С. 163]. Следовательно, мы не можем говорить об отрицании разума, как это делает тертуллиановская традиция жёсткого противопоставление разума и веры («Верую, потому что абсурдно» - «Credo, quia absurdum»), но мы видим явное позитивное содержание этот до-разумного («душевного») знания. Таким же образом описывается и фрейдовское Оно: «Под влиянием реального внешнего мира вокруг нас, одна часть Оно подвергается определённым

развитию. На основе первоначального коркового слоя, при помощи возбуждаемых органов и механизма защиты от внешнего возбуждения, возникла особая организация, которая впредь действует как посредник между Оно и внешним миром. Эту область нашего разума мы называем Я (ego)», – пишет Д. Стэффорд-Кларк. [25, р. 133]. Здесь также говорится о позитивном содержании Оно, а также о его организующей, ведущей роли по отношению во всех психике.

В системе С.Л. Франка также говорится об организующей роли глубинных структур мышления: «Однако в состав религиозного опыта входит и элемент иного порядка. В нём мы имеем сознание раскрытия неких последних глубин бытия, некой его первоосновы». [2, С. 164]. Именно этот глубинное до-разумное, несмотря на хаотичность и нерелексивность (эмоционально-иррациональный характер), является организующим фактором и основанием для всякого разумного (релексивного) знания и для всякой деятельности. Именно к этой сфере принадлежит вера-знание, религиозный или метафизический опыт, о котором С.Л. Франк говорит в книге «Реальность и человек». Несмотря на то, что само Оно (или религиозный опыт) является побуждающим основанием для всякой рациональной или физической деятельности человека, содержание Оно является бессистемным: «Что особенно отличает Я от Оно, так это стремление к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих внутренних процессов, которое совершенно отсутствует у Оно». [11, С. 345]. На этом основании мы можем говорить о принципиальном сходстве трактовок веры-знания в философии С. Франка и Оно (или подсознательного) в психоанализе З. Фрейда.

Не корректно отождествлять до-разумное (или «душу») С. Франка, о которой шла речь, с бессознательным З. Фрейда, которое «совпадает со скрыто или потенциально сознательным». [14, С. 184]. Вера-знание не есть сокрытие или потенция мысли, не есть потенция знания, это само знание, носящее глубинный характер, есть основание всякой уверенности для разумного построения или физического действия. Принцип бессознательного становится более понятен, если обратиться к его генеалогии: «Понятие бессознательного мы, таким образом, получаем из учения о вытеснении. Вытесненное мы рассматриваем как типичный пример бессознательного». [14, С. 185]. Таким образом, бессознательное понимается З. Фрейдом как вне-сознательное или анти-сознательное, то есть то, что противопоставляется разуму, в данном примере, то, что вытеснено за пределы разума. Подсознательное же не является оппозицией по отношению к разуму, хотя и функционирует по принципиально иным правилам (таких как отсутствие логики, структуры и последовательности желаний), но напротив, является основанием для разума. Я рождается как часть Оно, Я есть не только продолжение Оно, но, несмотря на определённое различие их структуры, Я является лишь способом механизмом или функцией для удовлетворения потребностей Оно. Разум и вообще «сознательность» является не

обязательным признаком психических процессов, но служит лишь особой функцией их». [16, С. 217].

Возвращаясь к проблеме научной обоснованности данного исследования, разумный критик может задать вопрос: какие основания находит автор для сопоставления столь разных мыслителей: Фрейда, психолога, приближающегося к философии, и Франка, философа, приближающегося к психологии, определён ли этот выбор исключительно хаотическим желанием читателя-исследователя или имеются более глубокие (научные) основания для такого сопоставления?

Несомненно, что выбор подобной (как и любой другой) темы исследования определён личным интересом автора. Подобное же оправдание субъективности своих построений совершает и Фрейд в первых строках «К истории психоаналитического движения». [14, С. 149]. Однако эта оговорка относительно субъективного характера данного исследования является не просто риторическим оправданием авторской позиции, но сознательно выбранной стратегией. Всё сказанное здесь не является научным, то есть объективным знанием, но сугубо индивидуальным вариантом сравнительного прочтения философско-религиозных и философско-психоаналитических текстов. Ф. Буббьер полагает, что «работы Франка следует рассматривать именно как часть современной европейской [т.е. модернистской – Д.О.] мысли и философии, открытой для метафизики». [20, р. 227].

С другой стороны, есть более основательные, фундаментальные основания, которые позволяют проводить подобного рода сопоставление столь разных мыслителей, оппозиционность которых на буквальном уровне прочтения кажется очевидной. Основание это я называю тотальностью мышления.

Вводя этот термин, я понимаю под тотальностью, абсолютное универсальное начало авторской идеологии, в контексте которого выстраивается вся модель мышления данного писателя. С одной стороны, это универсальное начало идеологии реализуется не только во всех текстах мыслителя, но определяет сам подход к анализу, методологию, ход авторской мысли, её развитие, равно как и стиль письма, логику автора-писателя.

Если трактовать письмо как глубинный принцип организации человеческой деятельности, правомерно сказать, что тотальность, в моём понимании, есть авторское начало письма, то, посредством чего, реализуется авторское письмо, то есть голос автора. Тотальность, понятая как голос автора, может выступать и как организующий принцип мышления, как субъект власти. Поэтому тотальность как власть не может быть определена, схвачена разумом. Тотальность не есть завершённый принцип, ставший письмом, но есть постоянное смещение от самого себя и переосмысление самого себя.

Мы не можем говорить о том, что тотальность, как идеологический принцип (в соответствии с которым автор определяет свой подход к анализу мира (текста)), определяется самой культурой, которая якобы «говорит через

автора», потому что эта тотальность письма реализуется уже на самых первичных стадиях мышления, проявляется в самых элементарных движениях мысли (порой неосознанно). Однако, следуя позиции, что нет ничего вне текста, мы должны согласиться с тем, что сама возможность существования этой тотальности мышления заложена в самой культуре, к которой принадлежит автор-писатель. Культура содержит в скрытом виде все возможности и потенции, реализуемые в авторском творчестве, подобно тому, как в системе З. Фрейда, Оно в скрытом виде содержит мотивы и потенции физической и рациональной деятельности человека.

С другой стороны, эта тотальность, сама становится началом новой идеологии, новым явлением культуры, основополагающим новое направление в культуре. Тотальность всегда ориентируется на массовое сознание, стремится сделать свои ценности всеобщими, а не только ценностями интеллектуального (высокого) меньшинства. Ценности в свою очередь стремятся к универсальному характеру, стремятся стать всеобщими (массовыми) ценностями. Таким образом, в стремлении к универсализации, реализуется экспансивная власть тотальности. В этом смысле тотальность является субъектом идеологии, и субъектом власти. Тотальность в таком случае есть определённого рода дискурс власти определённых ценностей, а равно и принцип производства новых ценностей и способов их распространения. Собственно эта способность распространять свои ценности на всю область культуры и увеличивать их силу, и есть власть (власть как экспансия ценностей), поэтому мы можем говорить о том, что тотальность есть своего рода субъект власти.

Таким образом, можно отметить экспансивную характеристику тотальности: с одной стороны она реализуется как ницшеанская воля к власти, то есть стремление к распространению своих ценностей, с другой стороны, стремится к изоляции от критики со стороны других ценностей, создавая как внешнюю так и внутреннюю идеологическую непроницаемость (идеологическую изоляцию). Тотальность мышления является общей для всей идеологии модернизма, которой, несомненно, принадлежат оба мыслителя. Более подробно о модернистских основаниях философии С.Л. Франка и З. Фрейда см. мою статью «Science, Religion and Philosophy». [29].

Итак, определив понятие тотальности, можно обратиться к более конкретному рассмотрению тотальности сексуального (у З. Фрейда) и тотальности религиозного (у С. Франка). Тотальность религиозного понимается С. Франком как непостижимое, то есть он выделяет особую сферу бытия Бога, которая является трансцендентной по отношению к человеку, вместе с тем, человек способен общаться с этой сферой. Примером такого общения (или приобщения) может являться откровение, то есть получение знания от близости души человека с Богом. Соответственно вся деятельность человека, его познавательная практика, философия и поиск смысла жизни (который «волнует и мучает в глубине души каждого человека» [8, С. 149]), трактуется С. Франком как отношения человека с этим непостижимым: либо как игнорирование («принципиальный отказ» [8, С.

149]) этих вопросов, либо путь к запредельному бытию, а именно к непостижимому, следовательно, мистический, религиозный путь.

Наиболее важным в данном случае является то, что С.Л. Франк распространяет эту установку на всё человечество, в его понимании поиск какого бы то ни было смысла жизни всегда связан с Богом, с поиском контакта с этим непостижимым. Атеистическое или вообще не-религиозное осмысление вовсе невозможно, так как источником человеческой жизни, а следовательно и смыслом жизни человека является это непостижимое, то есть Бог. «То, что нам нужно для обретения истинно существенного смысла жизни, есть, как мы знаем, во-первых, бытие Бога как абсолютной основы для сил добра, разума и вечности, как ручательство их тождества над силами зла, бессмыслия и тленности и, во-вторых, возможность для меня лично, в моей слабой и краткой жизни, приобщиться к Богу и заполнить свою жизнь им». [8, С. 187]. Таким образом, единственный для всего человечества путь к обретению смысла жизни видится С. Франку как религиозная вера, то есть личным отношением человеческой души и абсолюта (непостижимого), то есть Бога. «Богословская истина есть всегда истина, как путь и жизнь». [4, С. 406]. Религия есть не просто одна из сфер жизни человека, но скорее жизнь есть проявление одной из сфер отношения личного Я с абсолютным (непостижимым). Таким образом, мы можем говорить, что религиозное является в данном случае тотальностью, в соответствии с которой простирается не только онтология и антропология С. Франка, но и его социальное учение.

Причём следует отметить, что сфера непостижимого С. Франка, хотя и является закономерным продолжением христианской догматики, настаивающей на примате религиозного до всех сферах жизни человека, но, тем не менее, является логически (а не эмпирически) образованным термином, более конкретным по сравнению с понятием Бог или божественное. Непостижимое есть лишь один (из бесконечного числа) атрибут Бога, но именно он ставится С. Франком во главу всей философской системы. Вместе с тем С.Л. Франк продолжает говорить о религии, как связи человека с абсолютным, в роли которого выступает это непостижимое. Говоря о природе человека, он пишет: «Ибо животное и есть не что иное, как «естественное» существо, т.е. существо, ведающее только «этот» мир, всецело к нему принадлежащее, – тогда как человек, также входя в состав «этого» мира и в нём соучаствуя, одновременно возвышается над ним, имея в себе иную, сверхмирную инстанцию, в которой он дистанцируется от этого мира». [2, С. 202]. Так, продолжая традицию догматического христианства о двуединой природе человека, С.Л. Франк говорит о наличии у человека «сверхмирной инстанции», то есть способности подниматься, «дистанцироваться от этого мира». То есть религиозный путь С.Л. Франк понимает как естественный с биологической точки зрения, то есть соприродный для человека, в то время как догматическое богословие предполагает путь к Богу как отказ от естественного, земного, плотского.

Самой природе человека, по С. Франку, присуща способность вступать в отношения с этим непостижимым, обращаться к Богу, более того, без этой связи вовсе нельзя говорить о феномене человека. «Поэтому мы в праве сказать, что отношение к Богу, связь с Богом есть определяющий признак самого существа человека. То, что делает человека человеком – начало человечности в человеке – есть его Бог-человечность». [2, С. 206]. В данном случае идея С. Франка звучит не только как универсальная для любой религии, но и может трактоваться как вовсе внецерковная. То есть отношение человека с непостижимым не предполагает его церковной практикой. В данном случае С. Франк предстаёт не только как православный теолог, но и как критик этой традиции.

Непостижимое для него не является конкретной категорией сознания, оно неопределимо, но вместе с тем является источником всякого рода знания, основанием авторского письма С. Франка. Для Франка «непостижимое», находящееся «позади всего предметного мира – того, что наше трезвое сознание называет «действительностью», – но и в самых его неведомых глубинах – мы чуем непостижимое, как некую реальность, которая, по-видимому, лежит в каком-то совсем ином измерении бытия, чем предметный, логически постижимый, сходным с нашим обычным окружением мир». [6, С. 190]. В этом смысле непостижимое неопределимо, оно не схватывается в понятиях, вместе с тем является субъектом властного дискурса, который не только иерархизирует всю философскую систему С. Франка, но и (реализуя ницшеанскую волю к власти) выступает как экспансивный дискурс по отношению к ценностям массового сознания. Ф. Буббьер считает, что непостижимое является лишь воплощением «идеи личного Бога» и «персонификацией абсолюта». [20, р. 226].

Говоря об универсальном значении, которое С. Франк стремится придать тотальности религиозного, следует обратить внимание на то, что он постоянно говорит о явлении массового сознания. Так, в работе «С нами Бог» он говорит об обыденном понимании веры [1, С. 220], в работе «Сущность русского мировоззрения» – обыденном пониманию философии [9, С. 149], в книге «Свет во тьме» – обыденном пониманию прогресса и совершенствования. [4, С. 456]. На первый взгляд, может показаться, что ответ очевиден: как православный мыслитель С. Франк не мог относиться критически к догматике православия, следовательно, не мог приписывать негативные моменты самому дискурсу православия, поэтому он говорит об обыденном понимании религии и веры, которые «неправильно» (с точки зрения официальной церкви и самого философа) интерпретируют ценности православной веры, с другой стороны, именно в повседневной деятельности верующего воспроизводится единство веры-доверия и веры-достоверности, поэтому только обращение к реальной религиозной практике (а не к догматике церкви) может быть предметом для такого рода исследований.

Можно было бы согласиться с этими доводами, если бы мы брали для рассмотрения только один пример с религией. Но меня в данном случае интересует сам акт (феномен) апелляции к обыденному, обращению к

массовому. Эту апелляцию можно было бы трактовать как стремление философа избежать пустой риторики, создать практически полезное человеку знание, которое стало бы его «путём и жизнью». Отчасти это так, поскольку, по С. Франку, религия (то есть отношения с непостижимым) есть неотъемлемая часть жизни любого человека, как мне кажется, некорректно сводить основополагающее начало философии С. Франка к «работе на читателя», стремлению удовлетворить насущному интересу. Так как это стремление к экспансии ценностей в массы реализуется не только в отдельных трудах, но является универсальной характеристикой письма С. Франка, мы можем говорить о власти тотальности религиозного, о её стремлении к распространению ценностей. В конечном счёте, С. Франк пишет книгу «С нами Бог» как наущение, наставление именно для массового верующего.

Также можно заметить, что С. Франк создаёт определённую оппозицию низкое – высокое, когда говорит о «неправильном» обыденном понимании веры и о должном «правильном» понимании. В этом смысле примат высокого, то есть того понимания, которого придерживается С. Франк, над обыденным очевиден. Таким образом, С. Франк ориентируется именно на массового читателя, вступает в полемику с массовым сознанием, стремясь изменить его. В этом стремлении к экспансии конкретных авторских ценностей реализуется тотальность его письма. Экспансивная сила его ценностей вступает в борьбу с так называемыми ценностями повседневного сознания, стремясь заместить их собой.

Говоря об экспансивности тотальности и её идеологической изоляции, можно отметить, что С.Л. Франк отмечает: «Вера в этом смысле есть действительно некая самодовлеющая сфера жизни, имеющая в самой себе свою опытную, имманентную достоверность; она не нуждается ни в каком объяснении и не допускает его». [2, С. 164]. В этой связи можно говорить и об идеологической изоляции, которую создаёт Франк по отношению к тотальности религиозного. Так, в связи с этой самодовлеющей силой (властью), о которой говорит философ, выстраивается не только вся система онтологии, гносеологии и этики С. Франка, но и реализуется экспансивность ценностей религиозного на сферу массового сознания. Причём можно отметить, что эта тотальность работ С. Франка достаточно очевидна, что даёт исследователям русской философии называть С.Л. Франка самым последовательным сторонником философии всеединства [23, р. 162; 24, С. 143].

В данном случае «тотальность» не должна пониматься как синоним «всеединства», так как последнее относится лишь к формальной стороне творчества, к буквальному содержанию текстов С. Франка. Тотальность же понимается мной как основополагающий принцип письма, таким образом, всеединство, понятое как философская методология, есть следствие тотальности религиозного, его метод.

Более того, близость методологии психоанализа обнаруживается у С.Л. Франка даже не уровне стилистики. «Я пишу как попало, как текут мысли, но

ты сам почувствуешь связь». [7, С. 91]. В данном случае обнаруживается один из немногих примеров, когда С. Франк использует метод свободный ассоциаций (или «поток сознания»), используемый психоанализом.

З. Фрейд, в свою очередь, создаёт тотальность сексуального, которая также соответствует тем характеристикам, которые приведены выше. Универсальный характер системы З. Фрейда хорошо известен и подробно описан в литературе. З. Фрейд не только выстраивает всю теорию психоанализа по отношению к принципу сексуального, но и предлагает рассматривать с позиции сексуального любого явления человека и общества, полагая их производность от сферы сексуального. [26, р. 239]. С другой стороны, сексуальное как таковое ускользает от однозначного определения. Сексуальное не есть генитальное, как может показаться, не есть и то, что связано с продолжением рода, не то, что приносит удовольствия по средством взаимодействия тел. [13, С. 91]. Последнее определение может показаться наиболее абстрактным, но, тем не менее, З. Фрейд отвергает и его как однозначное прочтение принципа сексуального. Сексуальное также выходит за рамки принципа удовольствия, что он показывает на многочисленных примерах из своей практики в книге «По ту сторону принципа удовольствия». [См.: 16]. Также и исследователи фрейдизма говорят о многообразии сфер, на которое распространяется сексуальное, но в то же время, ни одна из которых не позволяет в полной мере описать функции сексуального: «Необходимо проводить строгое различие между «сексуальным» и «генитальным». Первое является более широким понятием и включает в себя многие виды деятельности, которые не имеют ничего общего с гениталиями», – пишет Д. Стэффорд-Кларк. [25, р. 107]. Сексуальное есть также определённая самодовлеющая сфера, какой для С. Франка является религия (то есть отношения человека с непостижимым).

Говоря об идеологической изоляции тотальности сексуального, можно согласиться с Р. Хиллом, который утверждает, что «Фрейд и всё последующее учение, основывающееся на его идеях, относительно непроницаемо для критики изнутри». [28, р. 17]. Действительно, любая критика учения З. Фрейда, будучи прочитанной в контексте фрейдизма, в конечном счёте оборачивается против самого критика. По крайней мере, подобная политика весьма популярна, сколь и действенна. По сути, смысл этой идеологической изоляции состоит в том, что любая позиция вне, которую пытается занимать критик (давая чёткие определения сексуального, сознательного и социального, которые избегает давать З. Фрейд [8, С. 78], тем самым он пытается выйти за границы этой тотальности сексуального), может быть также подвергнута критическому осмыслению, может быть, прочитана в традициях психоанализа, применительно к личности самого критика, доказывая тем самым, что он также принадлежит (находится внутри, а не вне) сфере сексуального, следовательно, его критическая позиция определена недовольством (неудовлетворённостью) по отношению к своей собственной сексуальности. Таким образом, реализуется экспансивная воля тотальности сексуального.

В качестве вывода, можно обобщим сказанное выше. Тотальность письма З.Фрейда и С.Л. Франка, несмотря на формальное и буквальное расхождение (даже оппозиционность) их теорий, реализуется одинаковым образом, то есть как воля к экспансии ценностей в массовое мышление. Более того, методология данной экспансии оказывается очень близкой, что было показано на многочисленных примерах сравнительного чтения.

Всё сказанное здесь не является научным, то есть объективным знанием, но сугубо индивидуальным вариантом сравнительного прочтения философско-религиозных и философско-психоаналитических текстов. Несмотря на достаточно чёткие контуры понятия тотальность, описанного в данной работе, остаётся возможность для иного способа сравнительного чтения двух этих мыслителей с целью уточнения, как самого понятия тотальности, так и методологии сравнительного чтения.

Примечания

- [1] Франк С.Л. С нами Бог. Три размышления.// Франк С.Л. Духовные основы общества. М. – 1992. – С. 217 – 404; (первое издание – Frank S. L. God With Us. London: Jonathan Cape, 1946);
- [2] Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. СПб. – 1997; (Frank S. L. Reality and Man. London: Faber and Faber, 1965);
- [3] Франк С.Л. Психоанализ как мирозерцание.// Путь, 1930. № 25;
- [4] Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии.// Франк С.Л. Духовные основы общества. М. – 1992. – С. 405 – 470; (Frank S. L. The Light Shineth in the Darkness. An essay in Christian Ethics and Social Philosophy. Athens: Ohio University Press, 1989);
- [5] Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию.// Франк С.Л. Духовные основы общества. М. – 1992. – С. 13 – 146;
- [6] Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии.// Сочинения. М. – 1992; (Frank S. L. The Unknowable. An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion. Trans. Boris Jakim. Athens: Ohio University Press, 1983);
- [7] Франк С.Л. О невозможности философии (Письмо к другу).// Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб. – 1996. – С. 88 – 94;
- [8] Франк С.Л. Смысл жизни.// Франк С.Л. Духовные основы общества. М. – 1992. – С. 147 – 216;
- [9] Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии.// Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб. – 1996. – С. 149 – 160;
- [10] Франк С.Л. Абсолютное.// Франк С.Л. Русские мировоззрение (перевод с немецкого А. Власкина и А. Ермичёва). СПб. – 1996. – С. 58 – 71; (первое издание – Frank S. L. Idealismus. Jahrbuch fur idealistische Philosophie. Zürich, 1934. – S. 147 – 161);
- [11] Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М. – 1989;
- [12] Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М. – 1992;

- [13] Фрейд З. Сновидения. М. – 1991;
- [14] Фрейд З. Я и Оно. Сознание и бессознательное.// Хрестоматия по истории психологии. М. – 1980. – С. 184 –188;
- [15] Фрейд З. К истории психоаналитического движения.// Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М. – 1992. – С. 149 – 200;
- [16] Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия.// Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М. – 1992. – С. 201 – 255;
- [17] Зигмунд Фрейд – Карл Густав Юнг. Из переписки.// Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М. – 1992. – С. 364 – 466;
- [18] Bird R. A Bibliography of Russian Idealist Philosophy in English. Variable Reading in Russian Philosophy, no. 7. The Valiable Press, Carlisle, Penn., 1999. – pp. 29 – 31;
- [19] Frank V., comp. Bibliographie des oeuvres de Simon Frank. Ed. by T. Ossorgine. Introduction by René le Senne. Paris: Institut d'Études slaves, 1980; (Bibliothèque russe de l'Institut d'Études slaves, Tome LIII; Serie: Écrivains russes en France);
- [20] Boobbyer, Philip. S.L. Frank. The life and works of a Russian philosopher (1877 – 1950). Athenes: Ohio University Press, 1995;
- [21] Boobbyer, Philip. The Two Democracies: Semen Frank's interpretation on the Russian revolutions of 1917.// Revolutionary Russia. Vol. 6, No. 2., December 1993. – pp. 193 – 209;
- [22] Boobbyer, Philip. Russian Liberal Conservatism.// Russian nationalism. Past and present. London: MacMillan Press Ltd., New York: St. Martin's Press, Inc., 1998. – pp. 35 – 54;
- [23] Zernov, Nicolas. Russian religious renaissance of the twentieth century. New York: Harper and Row Publishers, 1965;
- [24] Ковальчук С. Взыскуя истину... Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической жизни Латвии. Рига. – 1998;
- [25] Stafford-Clark, David. What Freud really said. Schocken Books. New York, 1966;
- [26] Argyle, Michael. Psychology and Religion: An Introduction. Routledge, 2000;
- [27] Books Receiver Spring 2000.// The Philosopher. Vol. LXXXVIII, No. 1, 2000. – p. 52;
- [28] The Philosopher's Millennium Book Reviews.// The Philosopher. Vol. LXXXVIII, No. 1, 2000. – pp. 10 – 17;
- [29] Olshansky Dmitry A. Science, Religion and Philosophy.// Pathways News. Issue number 23, 13-th January 2002: <<http://www.shef.ac.uk/uni/projects/ptpdlp/newsletter/issue23.html>>;
- [30] Olshansky Dmitry A. Methodology of Scientific and Religious Cognition.// Pathways News. Issue number 19, 11-th November 2001: <<http://www.shef.ac.uk/uni/projects/ptpdlp/newsletter/issue19.html#top>>, <http://www.philosophos.com/philosophy_article_8.html>;
- [31] Ольшанский Д.А. Тотальность религиозного и психоаналитического мышления: диалог С. Франка и З. Фрейда.// Русская философия:

многообразии в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. Москва: МГУ. – 2001. – С. 162 – 166;

[32] Ольшанский Д.А. Размышление по поводу первого параграфа книги «С нами Бог» Семёна Франка.// Персонология русской философии. Екатеринбург. – 2001. – С. 180 – 188;

[33] Ольшанский Д.А. Психоанализ в религиозной философии С.Л. Франка.// Актуальные проблемы современной науки. Тезисы докладов Международной конференции. Гуманитарные науки. Ч. 7. Самара. - 2001. – С. 144;

[34] Ольшанский Д.А. Актуальные проблемы исследования русской эмиграции.// Проблема человека в историческом процессе. Екатеринбург. – 2000. – С. 99 – 103;

Автор благодарит Елену Цельму (Рига, Латвия), Томаса Немета (Нью-Йорк, США) и Майкла Брэтта (Лондон, Англия) за предоставление материалов на английском языке, а также первых читателей этой работы Николая Сулова (Екатеринбург, Россия), Филипа Буббьера (Кентербери, Англия) и Юлию Кристеву (Париж, Франция) за ряд полезных идей.

С сайта <http://www.shef.ac.uk/uni/projects/ptpdlp/newsletter/issue23.html>

Прикладной психоанализ – глобальная миссия и российская судьба

В.А.Медведев

«Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли – и в какой мере – обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого существования».

Зигмунд Фрейд «Неудовлетворенность культурой» (1930 г.)

Прежде чем начать разговор об успехах и зловключениях прикладного психоанализа на российской земле и о его российских перспективах, давайте предварительно договоримся о словах и окончательно решим, что это такое для нас с вами – «прикладной психоанализ».

1. ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Если предварительно договориться о том, что под термином «прикладной психоанализ» мы по сложившейся традиции понимаем любые неклинические формы практического применения концепции бессознательных психических процессов, то получается, что появиться на свет он пытался неоднократно и в совершенно различных обликах. Каждая из этих попыток порождала нечто особенное, нечто оригинальное и вполне жизнеспособное.

Давайте попробуем совершить по этому поводу небольшой исторический экскурс:

1) Изначально, в 1896-1899 годах, прикладной психоанализ возник как культурологическое обоснование сновидческого самоанализа Зигмунда Фрейда, как некая точка опоры, как своего рода страховка в опасном деле погружения в глубинные слои собственной неосознаваемой памяти. Символика мифа и детской сказки, ассоциативные ряды актуального культурного поля (т.н. «дневного остатка») стали первыми ориентирами для «охотников за бессознательным», позволили создать основы практической (прикладной) психоаналитической процедуры как концептуально нагруженного самоанализа. В данном своем качестве прикладной анализ был предъявлен миру в своем самом универсальном виде, применимом к буквально к каждому из нас (именно потому книга «Толкование сновидений» до сих пор находится над схваткой различных глубинно-психологических школ и направлений). Властвовать собою, т.е. быть субъектом воли, а не игрушкой в руках случайных обстоятельств и внешних сил, оказалось возможным лишь на основе психоаналитически организованного самоотношения, на основе продуктивного диалога с вытесненными содержаниями собственной памяти. А культуральные агенты, типа

андерсеновской сказки о новом платье короля, сыграли при этом роль первичных детерминантов появления и фиксации определенных глубинно-психологических феноменов (в данном случае – одного из видов типических сновидений)¹.

2) Небольшая пауза в интеллектуальной и прикладной экспансии психоанализа, возникшая после опубликования «Толкования сновидений» и заполненная тихой работой самой книги, вербовавшей и знакомившей друг с другом первое поколение психоаналитиков, была использована Фрейдом для того, чтобы превратить призыв к самоанализу («Познай самого себя!») из акта героического самоотречения в элементарную когнитивную задачу. Найденное в глубинах психики сакральное знание было развернуто на плоскости обыденного опыта каждого из нас. Бессознательное (как совокупное воздействие на нас некоего неосознаваемого набора мотивационных стимулов) было выслежено и обозначено в языковых ошибках и поведенческих промахах, в остроумии и нарушениях памяти, в сексуальном опыте и странностях детского поведения. Таким образом, в этот период, т.е. в 1900-1906 годах, прикладной психоанализ родился как провокационная модель популяризации особого мировоззрения, опирающегося на изначально пугающий тезис о тотальном контроле таинственной «встречной воли» над областью наших сознательных намерений. Сталкиваясь с подобного рода фобийной провокацией, каждый из нас сразу же обозначает свою принадлежность к одному из двух типов персональной защиты от шока обнаружения в себе некоей таинственной силы, пробелов в управлении которой нашими мыслями, чувствами и поступками просто не существует. Большая часть людей сразу же вытесняет эту информацию, отстраняется от нее, вставая в пассивную позицию объекта неосознаваемого контроля (в позицию члена массы, аналитического пациента, и пр.). Меньшая же часть, используя в качестве подстраховки механизмы рационализации и деятельного отыгрывания (формирования реакций), лично принимает «знание о бессознательном» и формирует на его основе корпоративное мировоззрение, эффективно отыгрываемое («прикладываемое») в ритуалах нарождающейся профессии психоаналитика. Таким образом, прикладной аспект психоанализа в данном его варианте выступает своеобразным «шиболетом» (по известному выражению самого Фрейда) для отделения тех, кто реально ощутил внутренний зов и оказался способен к принятию психоанализа как миссии и судьбы, как основы своей самореализации, от тех, кто воспринимает его как интригующее интеллектуальное приключение или же – как «работу», т.е. как тяжелую и лично отчужденную сферу зарабатывания хлеба насущного².

В этом своем обличье прикладной психоанализ претендовал (и до сих пор претендует) на роль своего рода «приправы» к любому без исключения типу профессионального образования. «Прикладываясь» к образовательному процессу, психоаналитическая тематика не просто обозначает некие дополнительные смыслы, связанные с изначальной природой мотивации

профессионального выбора и профессиональной деятельности. Она активно формирует такие смыслы и такие мотивации.

3) Следующий период – 1907-1915 гг. – породил прикладной психоанализ как некую гуманитарную метанауку, как универсальную модель истолкования (интерпретации) культурного достояния человечества и ритуалов цивилизационного освоения последнего³. Из ближнего круга обыденного опыта охота за бессознательным переместилась на общекультурное поле, где перед ее участниками открылись буквально необозримые горизонты.

Помните знаменитую фрейдовскую метафору из «Тотема и табу» (1912 г.): «Автор находится в положении мальчика, который нашел в лесу гнездо хороших грибов и прекрасных ягод и созывает своих спутников раньше, чем сам сорвал все, потому что видит, что сам не в состоянии справиться с обилием найденного».

В эти годы из уст основоположника психоанализа впервые прозвучал призыв в ряды его соратников представителей университетского гуманитарного знания (историков, этнологов, лингвистов, и пр.), призыв, который, как мы помним, вызвал столь ревностную реакцию у тогдашнего «наследного принца психоанализа», т.е. у К.Г.Юнга. Призыв, который был концептуально сформулирован в работе ближайших соратников Фрейда, будущих членов «Тайного комитета», О.Ранка и Г.Закса «Значение психоанализа для гуманитарного знания» (1913 г.). Напоминаю, что именно этим текстом, наряду с первой частью «Тотема и табу», открывался пилотный выпуск знаменитого венского «Имаго».

Сам Фрейд подарил нам в этот период своего творчества целую россыпь классических образцов искусства интерпретации феноменов культурной среды. Причем речь идет не только о его попытках истолковать религиозные ритуалы, пьесы Шекспира, картины Леонардо или же скульптуры Микеланджело. Практически все опубликованные им т.н. «классические клинические случаи» представляли собою исследования отдельных культур или же отдельных их элементов, проведенные на материале индивидуальной психопатологии, понимаемой как ключ к истолкованию скрытой специфики социальных феноменов.

Все в том же вступлении к «Тотему и табу» Фрейд очень четко сформулировал тогдашнее свое понимание процедуры использования глубинно-психологического знания, полученного в клинической практике, для истолкования общекультурных феноменов:

«За протекшие полтора десятка лет психоанализ приобрел доверие к своей работе; довольно значительная группа исследователей, идя по указаниям одного, пришла к удовлетворительному сходству в своих взглядах, и теперь, как кажется, наступил благоприятный момент приступить к границе индивидуальной психологии и поставить работе новую цель. В душевной жизни народов должны быть открыты не только подобные же процессы и связи, какие были выявлены при помощи психоанализа у индивида, но должна быть также сделана смелая попытка осветить при

помощи сложившихся в психоанализе взглядов то, что осталось темным или сомнительным в психологии народов. Молодая психоаналитическая наука желает как бы вернуть то, что позаимствовала в самом начале своего развития у других областей знания...».

В качестве базового методического приема для работы на культурном поле Фрейдом был предложен принцип аналогового переноса понимания природы индивидуальной невротической проблематики в область социальных и культурных феноменов. В основе подобного рода аналогии лежала идея о тождественности индивидуальной и коллективной невротичности, которую он впервые деятельно провозгласил как раз в 1907 году («Навязчивые действия и религиозные обряды»). Применение подобного аналогового метода было настолько универсальным, что его следы мы легко находим даже там, где исследуемое культурное явление прямо не сопоставляется с тем или иным типом индивидуальной психопатологии, с тем или иным аспектом клинического опыта. Так, к примеру, в октябре 1909 года, в период работы над своей книгой о Леонардо да Винчи, Фрейд проговаривается в одном из писем Юнгу от том, что «недавно я столкнулся с его (т.е. Леонардо да Винчи – В.М.) подобием, но без его гениальности, в одном невротике».

Именно в этот период в прикладном психоанализе сложился, как я его называю, «принцип глобуса», т.е. возникло и закрепилось довольно-таки характерное методологическое оборачивание: индивидуальная невротическая организация, являющаяся результатом патогенного влияния культурной среды, была объявлена чем-то первичным и легла в основание любых культурологических изысканий⁴.

С такой позицией полемизировал Юнг, настаивавший на примате культурной среды над индивидуальной психикой. Но «принцип глобуса» возобладал и молодое психоаналитическое движение потеряло своего «наследного принца», пережив один из самых трагичных расколов в своей истории. Но все же плоды проведенной работы были несомненно значимы. Я имею в виду работы Ш.Ференци по психоанализу воспитания и обучения детей, исследования О.Ранком мифологии и художественной культуры, работы Т.Райка, О.Пфистера, Г.Закса, Г.Рохайма и пр. представителей первой волны прикладных исследователей. Немаловажно было и появление в тот период проекта «Имаго», т.е. корпоративно организованного психоаналитического исследования культурной среды.

Только до этой его эволюционной черты готовы принимать существование прикладных психоаналитических программ люди, осуществляющие финансовый и организационный контроль над той частью современного психоаналитического движения, которая все еще остается верна власти IPA. Мы же с вами, не связанные пока что обязательством считать еретическими взгляды ближайших учеников и последователей Фрейда, не дававшие корпоративных клятв осторожно и критически относиться ко всему, написанному самим Фрейдом после первой мировой войны, можем продолжить линию нашего рассуждения.

4) Сразу же после окончания войны, в 1919 году, психоанализ, по ряду причин внезапно лишившийся своей клинической базы, возродился в Будапеште в новом для себя и исключительно прикладном варианте. Он предложил союз государственной власти⁵, а его адепты готовы были встать в ряды государственных служащих. Практически этот проект не был реализован по причинам чисто внешнего характера (отсутствие финансирования в голодной и нищей Вене, министерская чехарда и либеральные иллюзии Веймарской республики, коммунистический путч в Венгрии и антисемитская кампания адмирала Хорти, под удар которой попал венгерский психоанализ, и пр.). Стоит отметить, что эзотерические иллюзии психоанализа сформировались во всех странах, потерпевших поражение в первой мировой войне, и во всех этих странах они так и не породили ничего конкретного. В Германии, скажем, мистика бессознательного в области восстановления глубинно-психологических основ государственности (третьего рейха) была вытеснена мистикой арийского мифа, а в Советской России психоаналитические претензии на идеологический контроль были деятельно пресечены вновь сконструированной идеологией т.н. «ленинизма» (т.е. силового государственного контроля, опирающегося на машину аппаратной силовой диктатуры, а не на психотехнологии недирективного властвования).

И все же, даже не став востребованным средством государственного управления и социального контроля, прикладной психоанализ был внятно сформулирован в этот период (1919–1925 гг.) именно как теория и практика манипулирования массовыми процессами. И его тогдашняя невостребованность воспринимается сегодня, когда страшный XX век уже стал предметом ретроспективного научного анализа, не как знак его концептуальной или же практической ущербности, а как показатель явной недалёковидности тогдашних властителей, отказавшихся от психологических средств контроля над массой. В результате все они были отстранены от власти⁶, а их страны получили взамен различные формы спонтанной массовой самоорганизации (более известные в литературе под обобщенным термином «фашизм»). Последние же породили разновидности тоталитарных режимов, удерживающих фашиствующую массу в повиновении силовыми репрессивными методами.

5) Самым продуктивным, по моему мнению, периодом в развитии прикладного психоанализа стала вторая половина 20-х годов. Начало этого периода было обозначено работой Фрейда «Проблема дилетантского психоанализа. Дискуссия с Посторонним» (1926), где психоанализу была поставлена новая цель – стать «светской Церковью» и принять на себя бремя реальной духовной власти, а его окончание – книгой «Неудовлетворенность культурой» (1930), где основоположником психоанализа была обозначена программа «социальной терапии», т.е. диагностики и психокоррекции целых культурных сообществ. В промежутке между этими датами появилась психоаналитическая концепция культурной среды (1927), обозначившая последнюю как эффективное средство неявного контроля над

агрессивностью, изначально присущей человеческим индивидам, и отгремела знаменитая дискуссия о «дилетантском психоанализе» (1928), отделившая друг от друга и навсегда поссорившая медико-ориентированное (англо-американское) и социально-ориентированное (континентальное) понимание психоанализа. В ходе этой дискуссии, материалы которой были опубликованы в «Russian Imago – 2000», англо-американский психоанализ сумел отбить натиск европейских коллег, а в 30-е годы, после гибели или вынужденной эмиграции последних, окончательно занял ту доминантную позицию «психоаналитического атлантизма», которую и донныне удерживает за собой. Напоминаю, что дискуссия эта разразилась по поводу попытки Фрейда и его немногочисленных единомышленников (Т.Райка, Ш.Ференци, Г.Закса, и пр.) представить психоанализ как социально ориентированное направление в современной психологии, а не как одно из направлений психотерапии.

В качестве методики и средства социальной терапии прикладной психоанализ достиг высшего уровня своих притязаний на роль универсального инструмента контроля (запрета) и управления (предписания). Для приложения нового инструментария к социальному полю Фрейдом была разработана динамическая модель коллективной психики, а также обозначены подходы к практическим методикам коррекции коллективного «Id» (филогенетических ресурсов психики), коллективного «Ego» (цивилизационных ритуалов) и коллективного «Super-Ego» (социальных норм, запретов и предписаний).

б) Тяжелое физическое состояние и трагические обстоятельства личной судьбы не помешали Фрейду сделать попытку практической реализации своей идеи о психоаналитической терапии культурного сообщества. Наблюдая в 30-е годы динамику нарастания деструктивных тенденций в окружающей его культуре, он попробовал спасти, вырвать из хаоса коллективного безумия хотя бы один народ – свой собственный. Он попытался стать новым пророком и мессией еврейской культуры, попробовал повторить культурный подвиг своего кумира – апостола Павла, противопоставив его культурную миссию компенсаторно отыгрываемой архаике наследия Моисея. Я не готов сегодня оценивать этот опыт, проведенный великим старцем на материале собственной филогенетической памяти (в частности его ссылки на книгу пророка Осии при обосновании факта убийства евреями Моисея явно носят лишь маскирующий характер, скрывая персональные истоки подобного рода «прозрения»). Но, по крайней мере, многомиллионная паства т.н. «мессианского иудаизма» и успешность адаптации многих миллионов евреев вне контекста сионистского мифа указывают на то, что его попытка была не напрасной.

Не стоит также строить иллюзии по поводу исключительной патогенности именно еврейского этноса по сравнению с его культурными соседями. Отвечая на вопрос о глубинной природе геноцида и антисемитизма, Фрейд действительно обнаружил их истоки в особенностях группового поведения самих евреев, в их, как бы мы сказали сегодня

этническом позиционировании. Но отвечая на вопрос об истоках мировых войн («Почему война?», 1933 г.), он обозначил не меньший уровень патогенности и в недрах христианской культуры. Обозначил, но не сделал объектом для развернутого анализа. Почему? А потому, что для него фактор принадлежности к культурной традиции был принципиальным условием самой возможности ее анализа. Ведь даже исследуя исключительно внешние, культуральные основания нашей психики, мы можем фиксировать их содержания лишь в акте интроспекции, самопознания. Именно потому Фрейд решился на анализ религии Моисея – ведь именно он был тем самым героем, убившим в себе творца еврейского Закона и принявшим на себя его культурную миссию. С наследием же Иисуса он завещал разбираться тому, в ком живет традиция культовой идентификации с этим умирающим и воскрешающимся Божеством.

Перед самой же своей смертью Фрейд еще раз попытался спасти от хаоса самоуничтожения и свое детище – психоанализ, предъявив ему его собственный облик, отраженный в зеркале культуры. Но, к нашему общему сожалению, его вопрос – а что находится «по ту сторону психоанализа» – так и остался без ответа. По крайней мере, мы с вами этот ответ при жизни так и не услышим – по решению руководства IPA и наследников основоположника психоанализа в полном объеме его творческое наследие будет доступно исследователям только в XXII веке.

А потом он умер, завершив свою миссию и добровольно уйдя из жизни в миф⁷. Вместе с ним, как казалось, умерла целая эпоха.

Возрожденный Теодором Райком на американской земле проект «Имаго» постепенно трансформировался в место для чисто интерпретационных игр университетских гуманитариев. Осколки разбившихся надежд и нереализованных претензий классического прикладного психоанализа («фрейдизма») были растащены по сугубо операционалистским проектам (типа связей с общественностью, имиджмейкерства или же медиа-пропаганды) и подчинены решению исключительно прагматических задач. Подобно достославному Сальери, избавившемуся от неугомонного Моцарта, мировой психоанализ вздохнул с облегчением, сбросив с себя бремя идеологических претензий и социальных обязательств. Для профилактики рецидивов болезни место отсечения от психотерапевтического древа ветви «социальной терапии» было прижжено системой корпоративных запретов на участие психоаналитиков-клиницистов в различного рода манипулятивных кампаниях рекламного или же политического характера. Сама же прикладная тематика была вытеснена из психоаналитических институтов в так называемые «Applied Schools», организуемые для юристов, педагогов, менеджеров и прочих «смежников», где благополучно превратилась в ликбез по основам теории бессознательных процессов. На место же закрытой касты профессионалов-прикладников пришла армия любителей, для представителей которой психоанализ превратился из рабочего инструмента в некий местами пикантный, местами

заумный набор фраз, оживляющий их рутинную профессиональную коммуникацию.

Периодически, в ритме навязчивого повторения («вечного возвращения»), каждое новое поколение организованных под эгидой IPA психоаналитиков возвращается к теме природы «прикладного психоанализа», по гениальному пророчеству своего преданного и интеллектуально убитого вождя отыгрывая групповую психодинамику «мифа об отцеубийстве». Последним рецидивом подобного рода навязчивого ритуала отыгрывания бессознательного чувства вины стала чатовая дискуссия, организованная лондонской штаб-квартирой IPA⁸ в 1998 году по поводу нашумевшей статьи Аарона Эсмана «Что же «прикладывается» в прикладном психоанализе?»⁹. Анализ этой очередной дискуссии показывает, что в горестной судьбе прикладного психоанализа не изменилось ничего со времен смерти его создателя.

Международная психоаналитическая организация психоаналитиков-клиницистов до сих пор не признает права на существования внеклинических форм подготовки и профессиональной деятельности коллег. До сих пор актуальными являются коллективные страхи перед старыми корпоративными табу, перед возможностью «впадения в ереси», традиционно связанные с именами Адлера, Юнга, Райка и Лакана. Все психоаналитические изыскания прикладного характера как правило концентрируются в безопасной зоне понимания текста (кинофильма и пр.) как пациента, а единственной темой для обсуждений ставится проблема компенсации отсутствия диалога с пациентом при работе с культуральным, т.е. якобы вторичным (сотворенным), материалом.

¹ Таким образом, в самом начале своего появления в качестве практической процедуры и более или менее согласованной группы обслуживающих ее гипотез прикладной психоанализ обозначил основной смысл своей миссии, где бы она ни развертывалась. Речь идет о попытке внести порядок и логику (часто фиктивную, но при этом не теряющую своей эффективности) в некий неорганизованный хаос, спонтанное саморазвитие которого угрожает самым священным гуманитарным ценностям - здоровью и благополучию индивидов, а также - стабильности и эффективности социальных групп.

² Не случайно же в «Толковании сновидений» Фрейд, ссылаясь на сказочное наследие, вспоминает прежде всего сказку Х.К.Андерсена «Новое платье короля». Психоаналитически ориентированный взгляд на обыденные обстоятельства нашего быта позволяет обнаружить людей, способных реально видеть невидимое, на полном серьезе считающих, что обладают «знанием о бессознательном» (т.е. о том, о чем нам по определению ничего не известно). Именно они способны стать новыми «портными», формирующими иллюзии у массы и играющими на комплексах ее вождей.

³ Эту задачу Фрейд реализовал под весьма характерным лозунгом: «Превратим метафизику в метапсихологию!».

⁴ Так, к примеру, не культурная среда южнорусского поместья и не региональный контекст культурной атмосферы предреволюционной эпохи (прекрасно знакомые, кстати говоря, русскоязычному читателю по повестям Валентина Катаева) стали для Фрейда ключом к пониманию невротической проблематики его русского пациента, Сергея Панкеева, этого «Обломова XX века», а наоборот - искусственно смоделированный невротический контур («инфантильный невроз») данного пациента стал основанием для понимания

коллективной невротичности русской культуры в целом. Позднее Фрейд изменит свою позицию и будет объяснять индивидуальные странности поведения людей патогенностью носимой ими культуры, но это будет только через пару десятков лет, в период написания им «Человека Моисея».

⁵ Пятый Конгресс IPA в Будапеште был организован по инициативе и на средства министерств обороны Германии и Австрии, ясно сформулировавших запрос на «социальную терапию» целого поколения людей, потерявших иллюзии имперского величия, мучительно переживавших шок военного поражения и распада традиционного жизненного уклада. И в этом плане в послевоенной Вене в централизованной и подкрепленной средствами государственной пропаганды глубинно-психологической поддержке великий психоаналитик Зигмунд Фрейд, потерявший все свои накопления и вынужденный принимать унижительные подачки от американских коллег, нуждался не в меньшей степени, чем отброшенный на обочину жизни ветеран войны Адольф Гитлер и ему подобные представители очередного послевоенного «потерянного поколения».

⁶ По отношению к России речь идет не столько о Льве Троцком, весьма непоследовательном покровителе психоанализа, который он пытался скрещивать с павловским учением об условных рефлексах, сколько о самом Ленине, недальновидно пренебрегшим анализом как, по его выражению, «безмозглой психологией».

⁷ Античная мифология, как обычно, предоставляет нам облик героя, смерть которого в точности воспроизводит обстоятельства ухода из жизни основоположника психоанализа. И не только воспроизводит, но и придает этому уходу дополнительный смысл. Я имею в виду кентавра Хирона, мудрого наставника многих героев, который изнемог от боли в ране, нечаянно нанесенной ему отравленной стрелой Геракла, и добровольно ушел из жизни, завещав свое бессмертие Асклепию, т.е. врачебному искусству. Образ кентавра тем более точен, что сам Фрейд неоднократно сравнивал нашу психику со всадником, несущимся на неуправляемом скакуне бессознательного. И в этой ситуации есть только два варианта правильного поведения: либо понять направление бега своего коня и смириться с ним; либо же - превратиться в «кентавра», т.е. слиться со своим бессознательным в единое целое, раствориться в его энергетике и подчинить ее своей воле.

⁸ Материалы этой дискуссии можно найти на сайте Международного психоаналитического журнала - <http://www.ijpa.org/>.

⁹ Эсман А. Что «прикладывается» в прикладном психоанализе? // Russian Imago. Исследования по психоанализу культуры. СПб.: Алетейя, 2002. С. 483-498.

Вклад Фейрбейрна в теорию объектных отношений

Е.В.Жалюнене

Рональд Фейрбейрн (1889 — 1965) — известный шотландский психоаналитик, один из основоположников теории объектных отношений. Фейрбейрн родился, получил образование и работал в Эдинбурге. Жизнь в "психоаналитической провинции" в относительной изоляции от коллег, первоначальное образование в области философии и богословия, видимо, помогли ученому развить оригинальные идеи, контрастирующие с современными ему взглядами британских аналитиков, таких как М.Клайн и Д.Винникотт, а также с взглядами американских эго-психологов, старавшихся сохранить как можно больше из классической психоаналитической теории. Фейрбейрн начинает развитие своих идей с критики основных положений теории либидо и теории психосексуального развития, что позволяет ему создать собственную теорию мотиваций, разработать оригинальную новую теорию развития личности.

Книга Фейрбейрна "Психоаналитическое исследование личности", опубликованная в 1952 г., содержит все психоаналитические статьи, написанные им, начиная с 1938 г. Первый важный вклад в психоаналитическую теорию был сделан Фейрбейрном в 1940 г. в статье "Шизоидные факторы личности". Предшествующие две группы работ падают на 1927 — 1933 гг. и 1933 — 1940 гг. В первый период он работал как представитель классической психоаналитической теории инстинктов, но, начиная с 1931 г. тяготеет к эго-анализу. Статьи, написанные после выхода вышеупомянутой книги Фейрбейрна, не изменяют его основных теоретических положений. В них приводятся главным образом клинические данные и обсуждение принципов техники психоаналитической терапии.

Анализируемая нами статья [1] посвящена теоретическим воззрениям Фейрбейрна. При обращении к психоаналитической теории развития в первую очередь возникает вопрос о том, какую роль отводит автор биологическому фактору в развитии личности. Фейрбейрн создал действительно психологическую теорию развития. Он не игнорировал биологию, но призвал к разделению организма и личности. Организм включает в себя первичные энергии, сырой материал, который определяет наследственную конституцию, нейрофизиологические механизмы для сенсорного восприятия, движения, т.е. весь механический комплекс для взаимодействия с внешним миром.

По мнению Фейрбейрна, в человеческом существе нет фиксированных инстинктов, определяющих функционирование личности, в фрейдовском понимании сексуального и агрессивного. Но растущая личность располагает биологическими энергиями для действий, которые подчиняются эго личности в среде объективных отношений. По Фейрбейрну, эго не подвластно фиксированным инстинктам. Сексуальный инстинкт является

одним из многих, таких как еда, питье, дыхание, хотя секс более легко включается в человеческие отношения. Агрессию, по мнению ученого, нельзя сравнивать с сексуальным инстинктом. Это феномен, параллельный тревоге. Тревога и агрессия являются эго-реакцией на угрозу не телесному существованию как таковому, а личности.

В статье "Пересмотр психопатологии психозов и психоневрозов" (1941) Фейрбейрн пишет, что классическая теория либидо должна трансформироваться в теорию развития, базирующуюся на объектных отношениях. Основополагающим во взглядах исследователя является постулат о том, что единственная цель либидо — не получение удовлетворения, а взаимодействие с объектом. Теория психосексуального развития базируется на концепции эрогенных зон, в то время как Фейрбейрн считает их лишь каналами, через которые вытекает либидо, и они становятся эрогенными только, если либидо проходит сквозь них. В поиске объекта либидо подобно течению электрического тока, который ищет область наименьшего сопротивления. В младенчестве, вследствие определенного устройства человеческого организма, область наименьшего сопротивления объекту проходит, по-видимому, через рот. У взрослого человека генитальные органы обеспечивают наименьшее сопротивление объекту, но в этом случае только параллельно с другими областями. С точки зрения исследователя, неправильно описывать либидозную модель взрослого как генитальную, ее просто следует назвать зрелой. Он подчеркивает, что объектные отношения являются удовлетворительными не благодаря тому, что достигнута генитальная модель отношений, а, наоборот — благодаря факту установления удовлетворительных объектных отношений достигается генитальный уровень сексуальности. Настаивая на том, что главная цель либидозного удовольствия — установить связь с объектом, ученый задает постой вопрос, почему ребенок сосет свой палец? Ведь не только потому, что рот — это эрогенная зона. Он сосет палец, потому что нет груди, которую можно сосать, т.е. ребенку необходим либидозный объект.

Теория развития объектных отношений Фейрбейрна базируется на качестве зависимости от объекта. Одним из главных выводов является тот, что развитие объектных отношений есть процесс, посредством которого инфантильная зависимость от объекта постепенно переходит в зрелую зависимость. Постепенное изменение, которое появляется в объектных отношениях, сопровождается постепенным изменением либидозной цели, где первичная оральная, инкорпорация, сосание, т. е. берущая цель, сменяется зрелой целью — отдать, существующей вместе со зрелой генитальной сексуальностью.

Критикуя концепцию эрогенных зон, психоаналитик проводит некоторую аналогию со своей теорией развития объектных отношений. Так, стадия инфантильной зависимости содержит две известные фазы — раннюю и позднюю оральные, а стадия зрелой зависимости соответствует конечной генитальной фазе в терминологии Абрахама. Между ними существует транзиторная фаза, характеризующая возрастающей тенденцией к

избавлению от модели инфантильной зависимости. Эта транзиторная фаза соответствует трем фазам Абрахама — двум анальным и ранней генитальной. Интересно то, что Фейрбейрн провел основные свои исследования на группе наиболее тяжелых пациентов с шизоидными расстройствами и считал шизоидную группу наиболее универсальной и являющейся основой для тревожных, параноидных, навязчивых, фобических и истерических расстройств.

Перечисленные расстройства являются результатом использования какой-либо защитной техники, каждая из которых может быть проинтерпретирована как определенный метод взаимодействия с конфликтом переходной стадии. Это — конфликт между стремлением достичь модели зрелой зависимости от объекта и регрессивным нежеланием избавиться от модели инфантильной зависимости.

По мнению ученого, самое главное, вытекающее из анализа его пациентов, — это то, что им необходима уверенность в изначальной любви своих родителей и что их любовь принимается родителями. Только по мере того, как эта уверенность появляется, ребенок начинает чувствовать себя безопасно зависимым от реальных объектов и начинает освобождаться от инфантильной зависимости. В отсутствии такой уверенности его взаимодействия с объектом преисполнены очень сильной тревогой сепарации и не позволяют уйти от инфантильной зависимости. Этот уход равносителен для него уничтожению всех надежд когда-либо получить удовлетворение своих эмоциональных потребностей. Фейрбейрн считает, что фрустрация желания ребенка быть любимым и желания того, что его любовь была принята, является для него самой большой травмой. Эта травма создает фиксацию на различных формах инфантильной сексуальности, к которой ребенок вынужден прибегать с целью компенсировать неудовлетворительные отношения с внешними объектами. Эти замещающие удовлетворяющие действия представляют собой взаимодействие с внутренними объектами, к которому личность вынуждена прибегнуть из-за недостатка взаимодействия с объектами внешнего мира.

Начиная с 1944 г., Фейрбейрн приступает к разработке психоаналитической структурной теории с помощью своих инноваций в теориях мотивации и развития. Он постулирует единое интегральное эго с его собственной либидозной энергией. Если взаимодействие эго с объектом является удовлетворительным, то эго остается целым и интегрированным. Неудачное взаимодействие с внешними объектами приводит к формированию компенсаторных внутренних объектов. Ученый вводит понятие "расщепление эго", которое является следствием связывания порций эго с внутренними объектами. Он пишет, что лишь модифицировал фрейдовскую концепцию эго, однако сама природа эго в понимании Фейрбейрна фундаментально отличается от значения этого термина в структурной теории Фрейда.

Термин Фейрбейрна не подразумевает поверхностного эго, регулирующего взаимодействие гипотетического Оно с требованиями

внешней реальности. Эго в понимании Фейрбейрна — это первичная психическая сущность, которая развивается под влиянием отношений с объектами. С точки зрения исследователя, взаимоотношения с матерью имеют две фундаментальные черты — удовлетворяющий компонент и неудовлетворяющий. Неудовлетворяющий аспект сопровождается некой надеждой на удовлетворение.

Таким образом, ребенок имеет как бы три различных опыта взаимодействия с матерью: с удовлетворяющей, обещающей (оставляющей надежды на удовлетворение) и депривирующей матерью. Если реальные взаимоотношения с матерью не удовлетворяют, то они интернализируются и формируется три внутренних объекта: идеальный, волнующий (обещающий удовлетворение) и резецируемый (соответствующий депривирующему аспекту матери). Кусочек эго, привязанный к волнующему объекту и идентифицированный с ним, который ищет и надеется, Фейрбейрн называет либидозным эго. Кусочек, связанный с резецируемым объектом, получил название анти-либидозного эго. Оставшаяся часть изначального эго, которую Фейрбейрн назвал центральным эго, привязано и идентифицировано с идеальным объектом. Центральная часть эго — та часть, которая способна взаимодействовать с реальными людьми внешнего мира.

Главным принципом в структурной модели Фейрберна является то, что эго и объект неразделимы. Объект должен иметь часть эго, привязанного к нему, иначе объект не воспринимается эмоционально. Эго развивается, взаимодействуя с объектами — реальными и интернализированными, подобно тому, как растение использует воду, почву и солнце. Ученый вводит новое понятие — "моральная защита". Под этим термином он подразумевает интернализацию идеального объекта. Центральное эго, таким образом, защищается от других частей эго, старается жить идеалами идеального объекта и преследует цель нормального взаимодействия с идеальными объектами, если они встретятся.

Психопатология вытекает из фрагментации эго и направления большей его части к внутренним объектам в ущерб взаимодействию с внешними объектами. Как уже указывалось, Фейрбейрн считал шизоидальные расстройства базисными для других видов психопатологии. Он связывал их с неспособностью эго формировать объектные отношения. Сложности в объектных отношениях развиваются вследствие слабого, неразвитого эго. Шизоидный пациент инфантилен и зависим из-за того, что его первичный зрелый объект не способен рассматривать его как нечто реальное.

В 1940 г. Фейрбейрн в своей статье [1] описал склонность шизоидов рассматривать людей не как целые личности, а как вещи, частичные объекты. Это является результатом неспособности матери к спонтанному естественному выражению чувств, которые могли бы сделать ее реальной личностью для младенца, что в свою очередь лишает младенца возможности воспринимать себя как реальную личность для нее. Такой младенец, вырастая, становится способным только использовать, но не реально взаимодействовать с объектом. Его внутренняя неуверенность в своей

реальности и в реальности своего эго заставляет постоянно играть роль, но не быть собой. Это проявляется, как указывает Фейрбейрн, в ограничении коммуникаций, тенденции брать, а не давать, так как отдавать означает опустошение себя. Шизоид строит отношения между собой и другими с помощью разума, но не чувств, внутриличностной интеллектуализации, основанной на теории, а не на реальных людях.

Таким образом, объектные отношения, по Фейрбейрну, — это больше, чем поиск безопасности, это потребность в самораскрытии, в саморазвитии для реализации и роста потенциалов эго, полного возможностей во взаимоотношениях с другими людьми. Это поднимает психоанализ выше психобиологии, на уровень действительно психодинамической теории, которая является теорией личности, а не организма и раскрывает значение термина Фрейда — "психическая реальность". Исследователь оставляет место инстинктам, но согласно его теории, инстинкты исходят из эго личности, эго не отделяется от Оно, так же как современная наука не отделяет энергию от структуры.

Собрав все свои самые важные работы в одной книге, Фейрбейрн, к сожалению, не разработал последовательного всестороннего учения. Приходится иметь дело не с единой системой взглядов, а с серией различных статей, отдельные формулировки и понятия которых не всегда согласуются. Большой вклад в систематизацию и разъяснение идей Фейрбейрна внес его ученик и коллега Г.Гантрип [5, 6], который развил некоторые идеи Фейрберна. Всеобъемлющую оценку и анализ идей Фейрбейрна дает его коллега и друг на протяжении 36 лет Д.Сазерленд в своей книге "Путешествие Фейрбейрна во внутренний мир [7]. Автор приводит важные личные документальные материалы, показывающие тесную связь между жизнью и личными проблемами Фейрбейрна и его идеями.

Неугасающий интерес к наследию Фейрбейрна отражает глубину и актуальность его идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. R. Fairbairn. Shizoid factors in the personality, in: "psychoanalytic studies of the personality", London, 1952, p. 3 — 27.
2. R. Fairbairn. A revised psychopathology of the psychoses and psychoneuroses, in: "Psychoanalytic studies of the personality", London, 1952, p. 28 — 58.
3. R. Fairbairn. Endopsychic structure considered in terms of object-relationships", in: "psychoanalytic studies of the personality", London, 1952, p. 82 — 136.
4. S. Freud. An Outline of psychoanalysis, Hogarth, London, 1949.
5. H. Guntrip. personality Structure and Human interaction, Hogarth, 1961.
6. H. Guntrip. Object relations theory: The Fairbairn — Guntrip approach. American Handbook of psychiatry, 1971, Vol. 1, p. 828 — 841.
- 7.1. Sutherland. Fairbairn's Journey into the interior; London, 1989.

Психоанализ и некоторые проблемы детского возраста

Т.В.Алейникова

Говоря о здоровье человека как о естественном его состоянии, следует всегда помнить, что соматическое здоровье практически невозможно при психологическом нездоровье индивида, а не секрет, что в современном социуме фактор невротизации весьма высок. И поэтому на повестке дня давно уже стоит вопрос о необходимости психокоррекции и психотерапии часто практически здоровых людей, ушедших в свои нередко мнимые болезни и «увязших» в комплексах, фобиях, разрешимых и неразрешимых проблемах, что, в конечном счете, приводит к стрессу. А истоки этих проблем часто лежат в раннем детстве, нередко в таком раннем, что анализант вспоминал об этом с трудом (возраст 3-5 лет, а иногда и еще более ранний) и что выяснялось подчас при анализе сновидений и при работе с активным воображением.

С помощью психоаналитического обследования пациентов удастся выяснить, в каком возрасте и каким образом возникли те или иные отклонения в их эмоциональной сфере, поведении и восприятии событий. Для более успешной психореабилитации пациента оказалось необходимым прибегать и к классическим [5, 6, 8], и к современным [2-4, 10] приемам психоанализа, а психотерапия проводилась с использованием методов гештальттерапии [11], психосинтеза [1] и психотренинга [1, 12].

Что касается фобий, то они, как правило, являются следствием соответствующего сценарного программирования, начинающегося еще в раннем детстве (и отражающего нередко программы не только родительские, но и ряда предыдущих поколений), и связаны с запугиванием различного рода (жестокое наказание, угрозы, страшные сказки и фильмы, агрессия со стороны старших либо более сильных детей, в ряде случаев – попытки насилия или даже само насилие). К сожалению, немалую роль в консолидации и генерализации фобий играет школа (и сами ученики, и, как это ни чудовищно, в ряде случаев, учителя!). В качестве примера можно привести случай, связанный с одной анализанткой, которая страдала высокой тревожностью и генерализованной фобийностью, проистекавшими, во-первых, от боязни ремня, которым, начиная с раннего детства, ее «воспитывал» отец, и кончая страхом перед школьными учителями, которые наказывали слишком подвижных учеников линейкой, а робким часто несправедливо ставили заниженные оценки.

Снимаются же фобии весьма нелегко и достаточно медленно, в ряде случаев – с помощью осознания «страшной» ситуации, а также при «отыгрывании» их в психодраме, с помощью гештальттерапии и психотренинга.

Другое, не столь трагедийное, но достаточно существенное отклонение в нормальном психологическом развитии ребенка, также порождаемое

неправильным к нему отношением сначала в семье, а потом и в школе, связано с пресечением естественной его любознательности, которая с 3-4-летнего возраста выводит его на ряд вопросов из области сексуальной тематики. Известно, что в этом возрасте дети начинают интересоваться своим происхождением, а воспитанные в ханжестве родители стараются дать им ответы, уводящие в сторону от проблемы, а то и вовсе запрещают говорить на эту тему. То же самое происходит и в школе, если ученик, по мнению учителя, задает “не тот” вопрос, и если учитель просто не имеет на него ответа (естественно, здесь уже речь идет не только о вопросах из сексуальной сферы).

Психоаналитики (З.Фрейд, М.Кляйн) отмечают, что пресечение естественной любознательности ребенка, в том числе и в сексуальных вопросах, порождает впоследствии своеобразную “леность мышления”, приводящую к нежеланию человека (даже способного) углубленно и широко изучать проблему. При этом, естественно, стремление к углубленному изучению особенно страдает у холериков и сангвиников, а к расширению кругозора – у флегматиков и меланхоликов. Таким образом, дети становятся пассивными, безынициативными, и нередко это состояние превращается в генерализованное и распространяется на многие другие ситуации.

Психоаналитики [7, 9] обращали внимание на то, что первый интерес ребенка, возникающий к своим экскрементам и моче, не является чем-то патологическим, а связан с пробуждением его интереса к творчеству вообще: это то, что он может сам сотворить, тогда как взрослый может сделать какую-нибудь вещь (стол, книгу и т.д.). Затем появляется интерес к вопросу, как сотворили его самого. И это тоже нормальный интерес, который следует удовлетворить, ответив на поставленные вопросы правильно, достаточно четко, но без “излишеств” и эмоций; потом последует новая серия вопросов, на которые также надо будет дать правильные (и понятные для ребенка) ответы. В противном случае, если уходить от ответов или давать ребенку ложную, но зато “приличную”, информацию, у него естественно, может пострадать любознательность (а впоследствии его исследовательская деятельность, если он окажется склонным к таковой) и доверие, а вместе с ним и уважение к взрослым (что приведет к психологическому отдалению ребенка от родителей), хотя истинные причины этих явлений осознаваться не будут. Они “уходят” в глубины бессознательного и смогут быть выявлены только с помощью психоанализа. В то же время современное телевидение, которое иной раз предельно бестактно эксплуатирует тему секса и агрессии и к которому у детей практически есть свободный доступ, преподносит соответствующую информацию зачастую, во-первых, очень эмоционально, а во-вторых, отягощенную патологией и жестокостью, и лишь в лучшем случае – слишком натуралистически, что нередко толкает ребенка, ханжески воспитанного во лжи и запретах, к экспериментам в этой области, заканчивающимся не всегда благополучно.

Так же точно действует и в более позднем возрасте (в школе) пресечение любознательности ученика учителем (если учителю некогда

отвечать на «бесконечные» вопросы, если учитель сам не глубоко знает свой предмет и опасается «разоблачения» и т.д.). В этом случае дети становятся пассивными, безинициативными (хорошо, если только на уроках этого учителя, а нередко это состояние превращается в генерализованное и распространяется и на другие ситуации).

И конечно, неправильное воспитание, несправедливое отношение к детям (и дома, и в школе) приводит к усилению выраженности так называемого садо-мазохистского комплекса. Этот комплекс в той или иной степени практически присущ всем людям (в большей или меньшей степени, с большим или меньшим удельным весом его садистического либо мазохистического звена), но гипертрофия его, возникающая часто при неврозах неправильного воспитания, естественно может привести (и зачастую приводит) к тяжелым последствиям, отражающимся на взаимоотношениях в семье и в макросоциуме.

Что касается полово-типологических особенностей садо-мазохистского комплекса, то вполне ожидаемым является факт большего удельного веса мазохистической составляющей, во-первых, у женщин, и, во-вторых, у индивидов меланхолического темперамента (их характерные психологические игры: «Побей меня, папочка!», «Жилетка», «Посмотри, что ты со мной сделал!», «Я так старалась...», «Загнанная домохозяйка» и т.д.), а садистической – во-первых, у мужчин, и, во-вторых, у представителей холерической типологии (их обычные игры: «Кисс-офф», «Попался, мерзавец!», «Если бы не ты...», «Динамо», «Скандал» и др.).

Проблемы детского возраста вполне могут перерасти и, как правило, перерастают во взрослые проблемы, связанные со сниженной самооценкой («Я-»), с недоверием к другим («Вы-», «Они-»), и в результате – к сценарным трудностям.

Но всего этого можно было бы избежать, если бы в детстве не была заложена программа сценария неудачника, которую теперь во взрослом состоянии очень трудно скорректировать, а тем более переделать. Для этого необходимы как наличие огромного желания (а не его видимости, что чаще всего бывает) у пациента, так и большого совместного труда пациента и психотерапевта.

Литература

1. Assagioli R. psychosynthesis a manual of prynsyples aand techniques. N.-Y., 1967.
2. Berne E. Games people play. The psychology of human relationships. Penguin Books, Corgi Books, 1970. 150 p.
3. Berne E. What do you say after you say Hello! The psychology of human destiny. Penguin Books, Corgi Books, 1972. 150 p.
4. Desolier R.//The Bull of la Societe de Recherces Psychotherapiques de la Langue Francaise. 1965 Vol. 3, N 2. P.27-42.
5. Freud S. Zur Psychopathologie des Alltagslebens //G.W. 1901.Bd.4.
6. Freud S. Über Psychoanalyse. Wien, 1910.
7. Freud S. Analise der Phobie eines fünfjährigen Knaben // G.W. 1909. Bd.7. S.243.

8. Jung C.G. Man and his symbols. 1961.
9. Клейн М. Развитие одного ребенка. Психологич. и психоаналитич. библ. / Под ред. И.Д. Ермакова. Вып. 13. 1919.
10. Leuner H. // Amer. J. of Psychotherapy. 1969. Vol. 23. N1. P.4-22.
11. Perls F. Gestald Therapy. Excitement and growth in the human personality. N.Y., 1951.
12. Пауэлл Т., Пауэлл Дж. Психотренинг по методу Хосе Сильвы. СПб., 1996. 192 с.

Валеология, 1997, N1, с.11-13

**Детская агрессивность
и проблема анального характера
в концепции Анны Фрейд**

Я.Л.Обухов

Анна Фрейд(3.12 1895, Вена — 8.11 1982, Лондон) — основоположница детского психоанализа, дочь и последовательница Зигмунда Фрейда, почетный доктор многих университетов Европы и Америки, секретарь (1926), генеральный секретарь (1944) и почетный президент (1973) Международного психоаналитического общества, секретарь Венского психоаналитического общества (1931). Получила педагогическое образование, в 1915 — 1920 гг. работала учительницей, изучала психоанализ у своего отца. В 1923 г. начала собственную психоаналитическую практику. С 1924 г. работала в Венском психоаналитическом институте (впоследствии вплоть до 1938г. — его директор), выступала с лекциями для педагогов и воспитательниц детских садов.

В работах "Введение в технику детского психоанализа" (1927, русск. пер. Одесса, 1927, переизд. М., 1991), "Введение в психоанализ для педагогов" (1930) подводит первые итоги практической психоаналитической работы с детьми, исследует взаимоотношения между детским и взрослым анализом, рассматривает специфическую технику детского анализа (отказ от свободных ассоциаций, анализ сопротивления, специфическая роль переноса в детском анализе, игра как диагностический материал), а также выступает против упрощенного понимания психоанализа Мелани Клайн, которая однозначно переводила детские игры на язык прегенитальной сексуальности.

В 1936 г. выходит основной теоретический труд "Психология "Я" и защитные механизмы" (русск. пер. М., "Педагогика—Пресс", 1993), в котором А.Фрейд выступает против мнения, что психоанализ занимается исключительно бессознательным ("ОНО" в терминологии А.Фрейда). Объектом анализа становится развитие "Я" как центра сознания. В отдельности анализируются механизмы защиты "Я" (вытеснение, реактивные образования, проекции и перенесения, сублимация, идентификация с нападающим, отрицание и отречение, расщепление "Я", регрессии, фиксации и др.).

В 1937 г. А. Фрейд возглавила основанные на пожертвования Эдит Джексон детские ясли "Jacson Nurseries". После захвата Австрии фашистской Германией (1938) эмигрировала с родителями в Великобританию. В 1940 — 1945 гг. работала в созданных ею военных детских яслях в Хэмпстеде (близ Лондона) "Hampstead War Nurseries", приютивших более 80 детей в возрасте от нескольких недель до шести лет и старше. На богатом экспериментальном материале А.Фрейд изучала влияние разлучения ребенка с матерью, реакцию детей на совместную жизнь, когда отношения со старшими товарищами заменяют отношения с родителями, Эдипов комплекс при отсутствии

эдипальных объектов, особенно отца. После войны она обращается к психоаналитическому изучению жертв концентрационных лагерей.

В 1947 г. А.Фрейд открывает в Хэмпстеде курсы для детских психоаналитиков, ставшие важнейшим европейским психоаналитическим центром. С 1952г. она — директор Клиники детской терапии в Хэмпстеде. В 1965 г. выходит итоговая книга "Норма и патология в детстве", в которой А.Фрейд обобщает результаты многолетних экспериментальных и теоретических исследований детского развития.

Являясь продолжателем идей отца, А.Фрейд дополнила психоаналитическое учение концепцией целостности психической системы с "Я" в качестве ее центра. В изучении о психических структурах личности она прослеживает становление "ОНО", "Я" и "СВЕРХ—Я" ребенка, изучает соотношение их влияния на психику. Главной заслугой А.Фрейд в этой области является выделение так называемых генетических линий развития. Выявление достигнутого уровня развития по каждой линии, а также учет гармонии между всеми линиями развития позволяет проводить диагностику и давать рекомендации при решении практических вопросов.

Возникающие в раннем детстве агрессивные действия ребенка (кусание, щипание, плевание, толкание, удары, приступы ярости, взрывы гнева и бешенства, а также самоистязания, например, удары "головой об стену"), неожиданные проявления внезапного упрямства и навязчивости привлекали внимание многих исследователей детского развития. Концепция Анны Фрейд — один из возможных подходов в решении этой проблемы. На богатейшем клиническом материале она конкретизировала основные положения классического психоанализа о детском развитии, обогатив их психоаналитическим учением о сознании или, в терминологии А.Фрейд, о психологическом "Я" ребенка.

Следуя предложенному З. Фрейдом разделению личности на ее составные части — "Я", "ОНО", и "СВЕРХ—Я", А. Фрейд прослеживает развитие этих составляющих личности в детстве.

Развитие "ОНО", или инстинктивной, врожденной и бессознательной психической составляющей, разделяется ею на сексуальное развитие энергии либидо и на развитие агрессивности. Развитие сексуального инстинкта, по А.Фрейд, определяется последовательностью так называемых либидинозных фаз — оральная стадия, соответствующая грудному вскармливанию; анально-садистическая стадия, соответствующая приучению к опрятности; фаллическая стадия, соответствующая появлению Эдипова и кастрационного комплексов; латентная стадия, соответствующая изживанию предшествующих комплексов и переносу энергии либидо на внешние несексуальные цели; предпубертатная стадия, когда вновь всплывает оральная, анальная и фаллическая сексуальность; пубертатная стадия постепенного сексуального заполнения генитальных зон и сексуальных объектов противоположного пола вне семьи; генитальная стадия как завершение этого процесса и переход к половой зрелости.

А.Фрейд считает, что агрессивность взаимосвязана с сексуальностью. Поэтому проявления агрессивного инстинкта последовательно подчинены либидному развитию: кусание, плевание, желание все "присвоить" себе как оральная агрессивность (поэтому эту стадию называют иногда каннибалическая); мучение, разрушение, жестокость как проявления так называемого анального садизма; властолюбие, хвастовство, зазнайство, утрирование мужского агрессивного поведения на фаллической стадии; на латентной стадии агрессивность также отступает на задний план; с наступлением предпубертатной и пубертатной стадий вновь появляются диссоциальные начала (такие как нарушения общественных норм и правил).

Однако А.Фрейд не удовлетворяется этим односторонним по своей сути способом рассмотрения. Для нее недостаточно отдельно анализировать развитие "Я" и "ОНО". В дополнение к исходному психоаналитическому подходу А.Фрейд выделяет особые линии развития разных сторон поведения ребенка, при помощи которых она пытается дать целостную картину развития личности. Такие линии она строит для самых разных областей психической жизни. Это и кормление, и питание, где сменяется ряд стадий, начиная со стадии грудного вскармливания и до разумных привычек питания взрослого; это и линия отношения к объекту — от инфантильной зависимости ребенка до половой жизни взрослого; это и линия развития от развлечения на собственном теле к переходному объекту, к игрушке, которая далее ведет к появлению начал работоспособности и т.п.

Одна из основных линий развития — воспитание опрятности, состоящее из четырех ступеней. Первая ступень соответствует периоду полной непроизвольности опорожнения мочевого пузыря и кишечника. Длительность этой ступени зависит от внешних для ребенка причин — от обычаев, привычек и предписаний, которые влияют на действия матери. В некоторых странах и социальных слоях воспитания опрятности начинается через несколько дней после рождения (удерживание младенца по типу выработки условного рефлекса). В других культурах такое воспитание откладывается до второго или третьего года жизни, когда ребенок начинает овладевать своим Я.

Вторая ступень в противоположность первой зависит от внутренних процессов созревания. С переходом от оральной стадии к анальной увеличивается "либидное заполнение" тела. Содержимое желудка в это время высоко ценится ребенком и "отдается" только "ради матери" — в качестве подарка для нее. В то же время опорожнение желудка служит средством выражения досады, и разочарования по отношению к матери. Ребенок сопротивляется против любого вмешательства в ставшие для него такими важными процессы дефекации и мочеиспускания. Для анально-садистической стадии характерны нормальная эмоциональная амбивалентность при заполнении посредством либидо и агрессивности собственных частей тела и продуктов выделения, а также двойственная эмоциональная установка к матери, выражающаяся в смене любви и ненависти.

В это время ребенок проявляет любопытство к своему телу, радуется игре с водой, песком и пластилином, испытывает удовольствие от переполнения и опорожнения сосудов. Этому сопутствуют агрессивные явления — желание овладения, заполнения, разрушения и т.п.

Развитие личности ребенка зависит от позиции матери или няни. Если им удастся выполнять важную роль посредника между стремлением к грязи у ребенка и требованиями чистоты со стороны взрослых, а также постепенно и снисходительно способствовать развитию у ребенка овладения его собственными сжимающими мышцами (сфинктером), то это благоприятно скажется на воспитании опрятности. Если же у некоторых матерей собственные вытеснения анальных стремлений и появившиеся в результате этого реактивные образования, отвращение, опрятность и аккуратность делают такое поведение невозможным, то воспитание опрятности сталкивается с неожиданными трудностями. Мать со всей строгостью настаивает на своих требованиях опорожнения в определенное время и в определенном месте, а ребенок со своей стороны защищает также упорно и бескомпромиссно свое право на самоопределение в вопросах времени и места дефекации и мочеиспускания. Эта борьба приводит к отрицательным последствиям для отношений между матерью и ребенком и для характера ребенка. И как результат появляются такие нежелательные черты, как упрямство, закостенелость реактивных образований, невязчиво-невротические склонности.

На третьей ступени ребенок перенимает отношение взрослых к опрятности, идентифицирует себя с ней и делает ее своей собственной. Овладение процессами опорожнения становится, таким образом, простейшим "СВЕРХ—Я". По механизму реактивного образования появляется отвращение возвращения вытесненного. С регулярностью опорожнения желудка "Я" приобретает такие свойства, как пунктуальность, добросовестность, надежность. Высокая оценка собственного тела и его выделений сдвигается на другие области и интересы, такие, например, как собирание и накопление. Там, где эти преобразования проходят постепенно и без шоковых переживаний, они становятся источником значительного самообладания, которое придает характеру желательную твердость.

С другой стороны, контроль над анальными процессами на третьей ступени зависит также от качества и стабильности отношений с объектами внешнего мира. Например, у себя дома ребенок уже может использовать горшок или уборную, но при разочаровании матерью, разделении с ней вновь могут возникнуть неожиданные случаи несвоевременной дефекации и мочеиспускания или агрессивное использование процесса опорожнения.

Лишь на четвертой ступени овладение сфинктерами достигает своей окончательной формы и надежности. После изживания Эдипова комплекса рассматриваемые установки становятся независимыми от объективного мира и отношения к нему. Они достигают уровня нейтрализованных, автономных содержаний "Я" и "СВЕРХ—Я".

Как мы видим, к явлению детской агрессивности А.Фрейд подходит с традиционных для классического психоанализа позиций. Агрессивность, с ее точки зрения, — это врожденный инстинкт, неразрывно связанный с сексуальностью. Агрессивность и либидо могут смешиваться и переходить друг в друга. А.Фрейд считает агрессивность нормальным явлением, которое обязательно присутствует в психической жизни каждого ребенка. Иногда агрессивность внешне может не проявляться, но вытесненная в бессознательное она косвенным образом влияет на поведение ребенка. Там, где родители считают свою маленькую девочку "славной, нежной, послушной и скромной", аналитику не хватает соответствующих детству побуждений агрессии, жадности, упрямства. В тех случаях, когда родители убеждены, что ребенок любит всех младших братьев и сестер, аналитик ищет вытесненные зависть и ревность, которые должны в норме существовать. Агрессивные желания могут переходить в свою противоположность, превращаясь в реактивные образования. Например, если маленький мальчик впадает в состояние страха "всякий раз, когда родители вечером или в плохую погоду уходят из дома", за этим может скрываться вытесненное желание их смерти. То же самое справедливо для ребенка, который прислушивается к дыханию спящего брата или сестры, чтобы убедиться, "что он живой". Жалость может быть результатом длительного действия защитного механизма, направленного против жесткости.

А. Фрейд описывает различные формы детской агрессивности. Так, для самых маленьких детей характерны каннибалические желания, стремления все засунуть в рот, присвоить себе. С началом прорезания зубов ребенок начинает кусаться. В этом возрасте это означает не больше, чем моторно-аффективный процесс "отвода" инстинктивных возбуждений, для которых нет никакого другого выхода. Подобные проявления агрессивности исчезают сами собой, как только "Я" ребенка достаточно созреет, чтобы открыть для инстинктивных процессов другие возможности отвода. Особое значение здесь принадлежит речи. Что же касается ранних каннибалических фантазий, то они исчезают еще раньше, чем "Я" приведет в движение свои защитные усилия, становясь жертвой первичного вытеснения.

Агрессивные действия младенца могут быть направлены и на него самого. Ребенок царапает и кусает сам себя. Обычно в первый месяц жизни происходит "поворот" агрессивности изнутри вовне. Этот шаг в развитии связан, с одной стороны, с выработкой защиты против боли, с другой — с "заполнением" тела ребенка нарциссическим либидо матери. Ребенок начинает ценить и беречь свое тело настолько, насколько его любит мать.

В начале жизни младенец еще не всегда может отчетливо различать внутреннее и внешнее. Он может жестоко обращаться с грудью, лицом, руками или волосами матери, как будто они его собственные части тела. Одновременно он ожидает от матери, что она чувствует его голод, его усталость, его потребности и чувство неудовольствия как свои собственные. Мир воспринимается ребенком в это время не на основе принципа реальности, а на основе переживания удовольствия и неудовольствия.

Принцип удовольствия господствует в раннем детстве над всей психической жизнью ребенка. Взрослый мир должен, хочет он этого или нет, сдерживающе вмешиваться, чтобы предохранить самого ребенка и чтобы защитить других людей или вещи от его крайностей. Вследствие несогласованности между внутренним стремлением к удовольствию и внешним учетом реальности и ограничением очень многие дети этого возраста естественным образом непослушны и упрямы. Поэтому предварительным условием социализации индивида и служит переход от принципа удовольствия к принципу реальности.

А.Фрейд считает, что всплеск агрессивности наблюдается на анально-садистической стадии развития. Затем агрессивность сама спонтанно "связывается" и усмиряется посредством слияния с либидо, ограниченного смещения и сублимирования. Вмешательство воспитательных мероприятий в естественный отвод агрессивности может помешать этому процессу или опрокинуть его. Если ненависть или агрессия против внешнего мира не могут проявиться со всей полнотой, они направляются обратно на собственное тело ребенка и непосредственно доступные ему предметы: ребенок бьется "головой об стену", портит мебель, часто наблюдается самовредительство. В этом случае, как считает А.Фрейд, ребенку надо дать возможность вновь направить агрессивность на внешнюю цель. Ими могут стать старые ненужные вещи и игрушки.

На следующей, фаллическо-эдипальной стадии развития буйная агрессивность и утрирование мужского поведения могут быть следствием страха кастрации у мальчиков и пенисовой зависти у девочек. Приступ ярости может в действительности оказаться приступом страха, когда фобическим детям мешают осуществлять их защитные действия. Такие состояния могут быть ликвидированы двумя способами: либо путем восстановления фобической защиты (например, избегать вызывающие страх обстоятельства), либо путем аналитической работы (нахождение, толкование и разрешение причины страха).

В детстве любая форма агрессивности всегда может в определенном отношении усилиться и завладеть психикой ребенка. В некоторых случаях такое явление обусловлено конституционально-генетически. Например, у детей алкоголиков и маниакально-депрессивных больных на первом месте находятся оральные стремления; у детей навязчиво-невротических больных особую роль играют анальные тенденции, которые затем вторично еще усиливаются действиями родителей при воспитании опрятности.

В дискуссии о роли агрессивности в процессе социализации А.Фрейд опровергает мнение, что агрессивные тенденции лишь отрицательно влияют на социализацию индивида. По ее мнению, агрессивные стремления, если они вступают в нормальные взаимоотношения с либидо, скорее влияют на социализацию побуждающе, чем сдерживающе. Грудной ребенок нуждается в активных стремлениях, чтобы обеспечить обращение к внешнему миру и удержание в нем. Агрессия у него — лишь форма активности. У маленького ребенка агрессия усиливает желание стать большим, независимым и

поставить себя на место родителей. Образование "СВЕРХ—Я" зависит от агрессии, поскольку направленные наружу агрессивные побуждения как бы отводятся от внешнего мира и переходят в распоряжение "СВЕРХ—Я".

Только там, где смешение между либидо и агрессивностью не происходит или где позднее происходит их расслоение, агрессивность в качестве чистой агрессивности и асоциальной тенденции становится угрозой социального поведения. Парадокс заключается в том, что причиной этого обычно бывает не агрессивный инстинкт, а нарушение развития либидо. Когда либидные отношения отстают в развитии или повреждаются в результате таких событий, как разочарование в объекте, разлучение с объектом, потеря объекта, они оказываются слишком слабыми, чтобы связывать множество агрессивных элементов. Опасным местом здесь становится анально-садистическая стадия, когда, с одной стороны, особенно сильна агрессивность, а с другой — либидные отношения ребенка к окружающему миру находятся под угрозой его амбивалентности, т. е. одновременного проявления любви и ненависти. В это время часто случается, что агрессивные побуждения не поддаются воздействию либидо и в качестве чистой деструкции направляются то против внешнего мира, то против самого себя. Такие дети становятся бесцеремонными, жадными, скандальными и недоброжелательными.

Богатый клинический материал и лонгитюдные исследования позволили А.Фрейд выделить особый анальный характер. В этом она следует классическому положению З.Фрейда о том, "Что свойства характера — это конденсат или реактивные образования, определенные прегенитальными либидоформациями" ("Новая редакция лекций по введению в психоанализ", 1932) А.Фрейд выделяет следующие специфические свойства и наклонности анального характера: аккуратность, опрятность, экономность, нерешительность, накопительство. По происхождению они возникают из вытесненных побуждений анальной стадии. Разновидностью анального характера может быть так называемый уретральный характер, которому присуще тщеславие и импульсивное поведение.

В анальной стадии коренятся и другие черты характера. Например, отвращение к отдельным блюдам может быть следствием воспитания опрятности, когда возникшие реактивные образования сдвинулись с анальной на оральную область. Предпочтение питания без мяса (там, где вегетарианство не обусловлено взрослыми) соответствует, по А.Фрейд, вытеснению каннибалических и садистских фантазий. Предпочтение и отвращение к некоторым запахам также может сводиться к удовольствию, которое принадлежит анальной сфере. Переносы из анальной стадии определяют упрямство, скрытность и враждебность.

А.Фрейд предлагает следующую схему формирования анального характера. На вершине или перед спадом анально-садистической стадии развития либидо и агрессивности почти у всех детей наблюдаются склонности анального характера — любовь к порядку, опрятность, магическое мышление, навязчивые церемонии засыпания и др. Эти явления

связаны с воспитанием опрятности. Инстинктивные желания, которые по А. Фрейд, проявляются как удовольствие от грязи, удовольствие от разрушения и моторного беспокойства, встречают противодействие со стороны матери или няни. Они вытесняются и превращаются в свою противоположность — в реактивные образования. Так появляется отвращение к грязи, любовь к порядку, аккуратность. Некоторые анальные склонности, как например, высокая оценка своего тела и его внутреннего содержания, смещаются с анальной сферы на другие области. Так возникают накопительство, бережливость, жадность. При закреплении в процессе воспитания опрятности требований опорожнения желудка в определенное время и в определенном месте возникают такие черты характера, как пунктуальность и обязательность. По этому же механизму усиливаются тенденции к повторению при навязчивых явлениях. От характера протекания воспитания опрятности зависят будущая активность индивида, его уверенность в себе. Ребенок сопротивляется ограничению и сдерживанию его удовольствий. Он становится упрямым и враждебным. Ребенок эмоционально амбивалентен, его либидо и агрессивность направлены на этой стадии на один и тот же объект. Собственные агрессивные желания ребенок проецирует на родителей, что увеличивает страх перед ними.

Очевидная патология этой возрастной ступени вновь исчезает, как только развитие инстинкта и "Я" продвигается к следующей, фаллически — эдипальной стадии. Однако если воспитание опрятности протекает особенно напряженно и тяжело, то анально-садистическая стадия требует больше психической энергии, образуются точки фиксации на этой фазе. В последующем развитии происходят регрессии именно к этим точкам фиксации. Все вместе образует анальный характер.

А.Фрейд считает, что некоторые патологические склонности и асоциальное поведение взрослых людей могут корениться в анальной стадии их развития. На это указывает анализ раннего детства этих людей. Однако на основании детских отклонений нельзя заранее делать однозначные прогнозы о взрослой жизни. Тем не менее, как бы задним числом А.Фрейд реконструирует из прошлого взрослых преступников или лиц с половыми извращениями случаи неблагоприятного протекания анально-садистической стадии.

У мужчин, переодевающихся в женскую одежду, наблюдалась пассивная феминистичность анальной фазы. Анализ гомосексуалистов также позволяет выделить у них специфические особенности раннего детского развития. Фиксации на агрессивно-садистической стороне анальной фазы способствуют развитию мальчика в сторону положительного Эдипова комплекса на оральной и анальной пассивности толкают в обратную сторону, а именно к отрицательному Эдипову комплексу и, возможно, к более поздней гомосексуальности. Фактор либидонизации ануса и генетически обусловленные пассивные стремления анальной фазы, которые наделяют телесный фон мальчиков феминистическими установками, способствуют гомосексуальности во взрослой жизни. Реактивные образования против

анальности, в особенности отвращение к выделениям, преграждают впоследствии путь к явным гомосексуальным занятиям. А.Фрейд пишет, что относительно асоциального поведения известно: анальногенные тенденции иметь, держать, собирать, копить впоследствии могут стать одной из психологических причин воровства.

А.Фрейд дает ряд практических советов по воспитанию опрятности, о борьбе с проявлениями детской агрессивности. Упрямство маленьких детей, коренящееся в анально-садистической стадии, может уменьшить новшества в воспитании опрятности. По мнению А.Фрейда, приучать к опрятности следует в более позднем возрасте (во всяком случае — после года, лучше — после двух), более медленно, более терпимо. Свобода в проявлении агрессивности на этой стадии дает нескованную физическую и духовную активность в будущем. Для этого, по А.Фрейду, необходимо допускать проявления детской амбивалентности и разрешать детям проявлять враждебные чувства против братьев, сестер и родителей. Во время анального садизма необходим переходный объект, на который может быть полностью направлена эмоциональная амбивалентность ребенка. Возможные квазипатологические явления объясняются на этой стадии недостатком возможностей отвода агрессивных стремлений. Картина изменится с развитием функций "Я", таких как мышление, речь, игра, возможности сублимации. Там, где причиной увеличивающейся агрессивности и деструкции маленького ребенка может быть недостаток либидных отношений, помогает открытие новых возможностей для либидных связей с окружающим миром.

Однако при недостаточном внешнем контроле дети подвергают опасности себя и свое окружение. При отсутствии строгости и сдерживания инстинктивных желаний страдает моральная сторона детского развития. Необходим разумный компромисс между сдерживанием и свободой проявления агрессивности и анальных стремлений.

Отводу, сублимированию или непосредственному удовлетворению частных инстинктивных побуждений способствуют детские игрушки. Игровой материал, который служит наполнению до дна и опорожнению до дна, размыканию и замыканию, соединению одного с другим и т.д., символизирует, по А.Фрейду, отверстия в теле и их функции. Подвижные игрушки для толкания, волочения и более быстрого передвижения служат для повышения мышечного удовольствия. Строительные материалы, с помощью которых можно создавать различные строения, а потом опять их разрушать, приспособлены к амбивалентным стремлениям анально-садистической стадии и могут быть использованы как позитивно, так и негативно.

Для практического изучения детской агрессивности А.Фрейд предложены детально разработанные методики. Явления психической жизни, по мнению А.Фрейда, должны исследоваться в комплексе. В подобном плане изучения метапсихологической картины развития ребенка есть разделы об инстинктивном развитии, развитии "Я" и "СВЕРХ—Я". Раздел об инстинктивном развитии в свою очередь делится на более мелкие подотделы

о развитии либидо и о развитии агрессивности. Следует исследовать, какие формы проявления агрессии имеются в распоряжении ребенка: а) относительно ее количества в клинической картине; б) относительно формы и вида в соответствии с фазовым развитием со стороны либидо; в) относительно направленности на внешний мир или на самого себя. Специальный раздел посвящен точкам фиксации и регрессиям. Следует проверить, есть ли у ребенка точка фиксации на анально-садистической фазе развития, т.е. выделяются ли такие свойства, как опрятность, любовь к порядку, экономность, пунктуальность, нерешительность и скептицизм.

Агрессивность исследуется при помощи традиционных психоаналитических методов, а также посредством специфических техник детского анализа: анализ сновидений и дневных фантазий, перенос, наблюдение за игрой и рисованием ребенка и др. При этом отмечается ряд отличительных особенностей техники детского анализа. Ребенка нельзя заставить расслабиться и, отказавшись от какой-либо внутренней критики, говорить все, что приходит в голову на определенную тему. Таким образом, вместо свободных ассоциаций в детском психоанализе анализируются так называемые дневные фантазии ("сны наяву") и детские игры. Размышление вслух во взрослом анализе заменяется в работе с детьми анализом действий. В переносе ребенка ведущую роль играет агрессия, точнее агрессивная сторона прегенитальной сексуальности, а не либидонозные реакции переноса, как во взрослом анализе. Переносные действия проявляются в нападках на объект переноса, в активных провокациях, плеваньи, толчках, ударах и т.п. Примером дневных фантазий, которые содержат в отличие от свободных ассоциаций взрослого лишь минимальные искажения инстинктивных побуждений, служат ударные фантазии, существование которых указывает на фиксацию на анальном садомазохизме.

А.Фрейд считает, что детский анализ служит одновременно нескольким целям. Там, где есть фиксации или отставания по отдельным линиям развития, а также в случае инфантильных неврозов детский анализ может выполнять психотерапевтическую функцию.

В случае обыкновенных трудностей воспитания детский психоанализ может помочь в становлении и поддержании "Я" и "СВЕРХ—Я" ребенка, в овладении им инстинктивными побуждениями и подчинению их сознательному регулированию.

В случаях глубоких психозов и шизофрении, которые не поддаются воздействию традиционных психоаналитических методов, детский психоанализ служит изучению и раскрытию новых, неизвестных психических явлений.

Психоаналитический вестник, 1993-1994, № 3-4

Садо-мазохистское влечение и механизмы психологической защиты

А.А.Ткаченко, А.В.Якубова

Объединяющей практически все существующие теории парафилий в настоящее время считается дизонтогенетическая концепция нарушений психосексуальной ориентации [1]. Согласно ей, парафилий являются результатом нарушения онтогенеза с фиксацией форм сексуального влечения, свойственных более ранним этапам.

Данная концепция рассматривает аномалии сексуального поведения как следствие нарушения процесса психосексуального развития, в котором выделяются три этапа. На первом (1—7 лет) происходит формирование полового самосознания, т.е. осознание половой принадлежности собственной личности. На втором (7—13 лет) происходит выбор половой роли, наиболее соответствующей психофизиологическим особенностям ребенка и идеалам маскулинности (фемининности) микросоциальной среды. Наконец, на третьем (12—26 лет) происходит формирование психосексуальной ориентации с выбором объекта сексуального влечения и способа его реализации.

Таким образом, согласно данной концепции, конкретный вид девиации сексуального поведения зависит от периода, в который произошло нарушение. В случае патологии первых двух этапов возникают различные формы аномалий сексуальности, формирующиеся на основе нарушений полового самосознания и полоролевого поведения, такие, как транссексуализм и гомосексуализм. Одновременно сюда же включаются садизм и мазохизм, рассматриваемые как проявления патологического гипер- и гипоролевого поведения, тогда как иные виды сексуальных перверсий относятся к отдельным формам отклонения процесса психосексуальной ориентации.

Одна из первых попыток представить мазохизм и садизм как альтернативные проявления утрированных особенностей соответственно женского и мужского полового влечения принадлежит Краффт-Эббину [2], который настаивал на полной противоположности этих извращений полового влечения. Исходя из данной аналогии он, определяя истоки садизма, говорил, что «активная роль мужчины, его задача завоевания женщины, при патологических условиях может возрасти до стремления к безграничному подчинению себе». Однако столь прямолинейная парадигма поставила его в затруднительное положение при объяснении случаев сосуществования садизма и мазохизма, где «именно представление о подчинении является исходной точкой извращенной похоти то в активной, то в пассивной форме».

Данная концепция представляется все более сомнительной в свете целого ряда исследований, указывающих на недостаток у садистов именно маскулинных характеристик, причем на всех уровнях личности — от

самосознания до поведения. Одним из первых на это обратил внимание Р.Бритейн [3], который подчеркнул «женоподобный оттенок» личности сексуальных убийц. П.Волк с соавторами [4] считают изнеженность одной из характерных черт личности насильников, которые в социальной среде занимают подчиненное положение. Для них свойственно постоянное ощущение собственной неполноценности, что порождает полоролевую фрустрацию. Элементы же садизма в их действиях осуществляются в целях самоутверждения в мужской половой роли. И, наконец, наиболее определенно высказались Р.Лангевин с соавторами [5], указавшие на характерное для большинства садистов нарушение половой идентичности, проявляющееся в половой индифферентности или фемининных тенденциях.

В некоторых же случаях наблюдается истинная фемининная ориентация, сходная с таковой у транссексуалов, т.е. лиц с женским половым самосознанием. Это лишний раз свидетельствует о том, что основой любой парафилии, в том числе садизма, является патология тех функций, которые связаны с половыми различиями, т.е. с половым диморфизмом. Понятия активности—пассивности, маскулинности—фемининности в данном контексте сближаются, поскольку являются производными от полового диморфизма в целом. Различие в содержании этих категорий заключается лишь в том, что они характеризуют различные сферы и структуры личности.

Первые попытки объяснения аномального сексуального поведения с эволюционных позиций появились после возникновения эволюционной теории Ч.Дарвина. Этому способствовали обнадеживающие результаты сопоставления сексуального поведения человека и животных, которые стали подвергаться направленной систематизации. Поскольку отправной точкой при этом являлось основополагающее понимание полового диморфизма как результата процесса эволюции, первыми обратили на себя внимание примеры инвертированного сексуального поведения. Сам Ч.Дарвин высказал мысль о том, что в каждом индивидууме (растении или животном) имеются вторичные половые особенности противоположного пола. В последующем это положение было развито целым рядом ученых, в том числе Вейсманом, которые, опираясь на факт «скрытого присутствия противоположных половых черт», утверждали, что бисексуализм — характерный и неотъемлемый признак высших позвоночных, животных и человека.

В природе известны различные формы размножения. Наиболее древним является бесполое размножение, характерное для простейших. Известен, например, феномен партеногенеза (буквально — девственное размножение), представляющий однополое размножение, при котором развитие зародыша из яйцеклетки происходит без оплодотворения. Половое же размножение характерно для большинства обитателей Земли и является самым прогрессивным видом самовоспроизводства. Конкретные механизмы роли раздельнополости в эволюционном процессе вскрыты В.А.Геодакяном [6]. Согласно его теории становится возможным объяснить различие индивидуальных установок отдельных особей обоих полов, исходя из выполняемой ими объективной роли на уровне популяции. Наблюдаемые

диаметральные расхождения определяются огромными различиями обоих полов в скоростях и объемах передачи потомству генетической информации. При этом существует определенная специализация полов в осуществлении эволюционного самовоспроизводства, которое должно интегрировать две противоположные тенденции: наследственность, т.е. консервативный, стабилизирующий фактор, обеспечивающий сохранение у потомства родительских признаков, и изменчивость — прогрессивный фактор, приводящий к появлению у потомства новых признаков и способствующий совершенствованию вида. Именно последняя задача ложится на плечи мужского пола, с чем связана его повышенная чувствительность к вредным воздействиям среды. Таким образом, популяцию в целом можно разделить на инерционное, стабильное ядро (женский пол) и более изменчивую, чувствительную оболочку (мужской пол). Только знание этих общих эволюционных механизмов может объяснить причины индивидуальных поведенческих различий и особенностей нарушений индивидуального развития.

Так или иначе, для животных характерны некоторые типы половой инверсии, которые обычно проявляются в конфликтных ситуациях. Эти явления обычно объясняют тем, что половое возбуждение у животных обоих полов усиливает тенденцию демонстрировать типичные акты полового поведения, характерного как для самцов, так и для самок, однако у самцов преобладают первые реакции, а у самок — вторые. Если же характерное для данного пола поведение наталкивается на какое-либо препятствие, то может проявиться поведение, свойственное другому полу. Причем проявления инверсии могут касаться не только полового, но и иных форм поведения. Так, у самок мышей и многих других видов млекопитающих наблюдается положительная коррекция между доминированием в агрессивных ситуациях и половым поведением, характерным для самцов [7].

Само по себе онтогенетическое развитие биологической системы, связанной с регуляцией сексуального поведения, отражает эволюционные и филогенетические процессы развития данного вида и проходит в несколько этапов. На первом этапе происходит детерминация пола, в основе которой лежит образование генетического, или хромосомного, пола. Однако само по себе различие в хромосомном наборе сказывается на развитии плода лишь с 6-й недели, когда под влиянием генов Y-хромосомы гонады, до того времени одинаковые у обоих полов, начинают постепенно дифференцироваться в семенники. С этого момента происходит запуск двух основных механизмов, определяющих развитие мужского пола, — процессы дефеминизации и маскулинизации. Главная роль при этом отводится секретлируемому семенниками тестостерону, который предопределяет дальнейшее развитие как внутренних, так и наружных половых органов, а также всего организма по мужскому типу [8, 9].

Таким образом, дифференцировка по женскому типу не требует контроля со стороны гонад и в целом является поздним и эмбриогенетически пассивным процессом, тогда как создание мужчины требует от природы

дополнительных усилий по видоизменению первичного эмбриогенетического материала и построению добавочных и потому довольно хрупких физиологических структур. Отражение этого чисто биологического феномена в дальнейшем сказывается и в социальных особенностях воспитания, различающихся по своей требовательности для разных полов. К маскулинности общество всегда относилось гораздо строже, чем к сохранению фемининности. Поведенческая активность, утверждающая маскулинность, одобряется, а отклоняющаяся от ее утвердившихся стереотипов, отвергается половой моралью.

Сходные тенденции существуют уже в стратификации половых установок у детей [10], когда фемининные роли определяются не столь жестко и внедряются менее последовательно, чем маскулинные. Такое повышенное внимание к социализации мальчиков как раз и является одним из проявлений общего закона половой дифференциации. Согласно принципу «маскулинной дополненности» Д.Мани, для полноценного развития по мужскому типу требуются дополнительные усилия не только биологических, но и социальных детерминант на каждом этапе половой дифференциации.

В критическом периоде дифференциации мозга стероиды гонад формируют нейроэндокринную предрасположенность к определенным формам поведения, которая проявляется лишь в условиях адекватной гормональной стимуляции. Диморфизм полового поведения определяется степенью чувствительности нервных центров к экстеро- и интероцептивным стимулам, а также к действию половых гормонов. Благодаря бисексуальной организации нервных механизмов полового поведения самцы и самки млекопитающих наряду с типичным для данного пола поведением могут проявлять черты сексуального поведения, свойственного противоположному полу.

Таким образом, формирование полноценного мужского поведения у самцов млекопитающих требует достаточного уровня тестикулярных андрогенов в критической фазе дифференциации мозга. Некоторые исследователи считают, что сущность андрогензависимой ранней детерминации сексуального поведения у самцов состоит не столько в организации мужского типа поведения (маскулинизация), сколько в подавлении женского типа (дефеминизация). В свете этих данных у мужчин нарушения биологических процессов, связанных с полоролевым поведением, ведут к демаскулинизирующему эффекту, препятствуя нормальному протеканию идентификационных процессов в силу изначально измененного ресурса личности. Однако при этом конкретные механизмы, реализующие формирование аномального сексуального влечения, должны заключаться в особым образом трансформированных, измененных психологических процессах.

В своих работах З.Фрейд обозначил проблему разделения на два пола как одну из наиболее травматических для человеческого существования. Необходимость решения для себя этой проблемы определяет все развитие

индивида, и сущность ее заключается в том, что оба пола всегда завидуют друг другу и хотят быть обоими полами [11, 12].

По мнению А.Адлера [13], в каждом человеке существует «ощущение слабости» (феминности) и маскулинная тенденция преодолеть ее, и с этой точки зрения все мы являемся психологическими «гермафродитами». Биологические стрессы и преодоление инстинктивных влечений приводят к ощущению незначительности собственной роли и могут сравниваться с тем, как индивидуумы реагируют на чувство неполноценности. Решающей является реакция «маскулинного протеста». При этом маскулинная позиция определяется в нашей культуре как позиция силы, а феминная — слабости».

Ассоциация маскулинной роли с доминантным, а феминной — с подчиненным положением, остается наиболее филогенетически устойчивой. Это проявляется как в своеобразии копулятивных поз, так и в самом сексуальном поведении. Причем именно это базовое различие остается главной характеристикой полового диморфизма, особенно отличий сексуального поведения, несмотря на некоторое видоизменение системы половых ролей в процессе социализации человека и происходящее сглаживание полярности стереотипов маскулинности и феминности. При всех индивидуальных и культурно-исторических вариациях для мужчин свойственная более явная агрессивность, тогда как враждебность женщин носит скрытый характер. Мужская сексуальность в любой культурной среде более агрессивна, напориста, экстенсивна, возбуждима и несдержанна [10].

Данное различие проявляется, например, в эротических фантазиях при мастурбации и половом акте. В описаниях сексуальных фантазий у мужчин преобладают грубые эротические сцены с чрезвычайно сексуальными, но не эмоциональными персонажами, в отличие от женщин, чье фантазирование более разнообразно и эмоционально окрашено. При мастурбации мужчины чаще воображают половое сношение с посторонними лицами, групповой секс или принуждение кого-то к половой связи. Женщины чаще представляют сексуальные поступки, которых они никогда не осуществили бы в действительности, и ситуации, где они являются жертвами насилия. По данным Миллера и Саймона, опросивших студентов, мотив сексуального насилия имелся у 24% мужчин и только у 6% женщин. Наоборот, мазохистские фантазии чаще встречаются у женщин (21% против 11% мужчин).

Ж..Лакан указывал, что в восприятии своего пола всегда кроется внутреннее противоречие, у человека обычно существует несогласие с неизбежностью принятия этих атрибутов перед лицом угрозы возможного их лишения. В отношении к факту разделения на два пола даже такой механизм психологической защиты, как вытеснение, оказывается слишком слабым, и человек вынужден прибегать к отрицанию [14, 15]. Данный конфликт, являясь основополагающим, определяет развитие и способы разрешения всех последующих конфликтов в ходе развития личности, в том числе связанных с формированием влечений. Отказ от тех или иных влечений, возникающих на разных этапах онтогенеза, происходит с использованием определенных

механизмов психологической защиты, формирование которых также подчинено некоторой онтогенетической закономерности с постепенным переходом ко все более зрелым.

Идея полового диморфизма была угадана З.Фрейдом и первоначально получила развитие в концепции врожденной бисексуальности, которая постулирует ее в качестве одного из главенствующих факторов, от которого зависит формирование не только нормальных, но и перверсных форм сексуальности [16]. Бисексуальность при этом является не только одной из составляющих, но и определяющих врожденные (конституционные) особенности личности. Кроме того, он считал, что при неполноценности защитных реакций (например, реакции вытеснения) эти же конституциональные признаки могут проявляться и как симптомы какого-либо заболевания («невроза как негатив перверзии»). Бисексуальная природа человека отражается на всех этапах онтогенеза, в каждом из которых сочетаются амбивалентные пассивные и активные тенденции.

З.Фрейд, изучая клинику неврозов, пришел к выводу, что становление зрелой сексуальности происходит в несколько этапов. В детской сексуальной жизни он выделил «зачатки организации сексуальных компонентов влечений» [16]. По его мнению, временем расцвета детской сексуальности является период от рождения до 5 лет. В это время генитальные зоны еще не приобрели своего значения, и поэтому этот период был назван прегенитальным. Первоначально преобладает оральная эротика: сексуальная деятельность не отделяется от принятия пищи, а цель влечения состоит в поглощении объекта. В это время (первые 1,5 года жизни ребенка) объектами катексии либидо являются процессы сосания и грызения, а эрогенными зонами — рот, губы, язык, щеки и органы обоняния. Агрессивные тенденции, которые проявляются на данном этапе, называются оральными и выражаются в грызении, кусании и крике ребенка.

Садистические влечения заключаются в поедании пищи (таким образом, происходит уничтожение внешнего объекта влечения). В этот период жизни ведущим является поиск тепла, устранение голода и жажды. Согласно З.Фрейду, «остаток этой фразы можно видеть в сосании, при которой сексуальная деятельность, отделенная от питания, отказалась от постороннего объекта ради объекта на собственном теле» [16].

Следующей прегенитальной организацией является садистически-анальная, характеризующаяся преобладанием садистических влечений и анальной эротики. Она продолжается от 1,5 до 3-х лет. В это время объектом катексии либидо является акт дефекации или задержка экскрементов, ребенок получает возможность манипулировать действиями окружающих. Здесь проявляется нормальная амбивалентность: с одной стороны, ребенок борется с родительскими требованиями и не желает подчиняться им (активная позиция), а с другой — ждет от них похвалы за свое послушание и хорошее поведение (пассивная позиция). Таким образом, формируется амбивалентность, свойственная зрелой сексуальности. Активность проявляется в стремлении к овладению объектов со стороны мускулатуры

тела. Одновременно при этом «эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя как орган с пассивной сексуальной целью». З.Фрейд отмечал, что этот ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни включает в себя также и выбор объекта влечения «со всей его богатой душевной деятельностью», именно поэтому данный период приходится считать «самым значительным предтечей позднейшей сексуальной организации» [16].

Следующей фазой психосексуального развития является фаллическая; она продолжается от 3-х до 5-ти лет. Преобладающей эрогенной зоной становятся гениталии. На этом этапе дети начинают мастурбировать, у них появляются сексуальные фантазии о родителе противоположного пола. Именно на этой фазе в результате сложного процесса отождествления происходит выбор объекта сексуального влечения. Возникает так называемый Эдипов комплекс. Для ребенка мужского пола данный процесс протекает следующим образом: очень рано обнаруживается объектная привязанность к матери, берущая свое начало от материнской груди и являющаяся примером выбора объекта по типу опоры. При этом отцом мальчик овладевает при помощи отождествления. Эти отношения сосуществуют параллельно до тех пор, пока не осознается тот факт, что отец является помехой для сексуальных влечений к матери. Отношение к отцу теперь враждебно, возникает желание его устранить и заменить собой для матери. Тем не менее, отношение к отцу противоречно (одновременно мальчик питает к нему и нежные, и враждебные чувства), т.е. амбивалентно [17].

В норме при разрушении комплекса Эдипа мальчик отказывается от объектной привязанности к матери, вместо нее возникает усиление отождествления с отцом. Такой итог позволяет сохранить нежное отношение к матери. Благодаря изживанию Эдипова комплекса мужественность характера мальчика укрепляется. Для девочки исход этой ситуации должен заключаться в усилении ее отождествления с матерью, укрепляющей женственность характера. З.Фрейдом высказывалось предположение о том, что отождествление с отцом или матерью зависит от «относительной силы задатков того или иного пола». Таким образом, бисексуальность «вмешивается» и в судьбу Эдипова комплекса. Однако простой Эдипов комплекс представляется редким и, скорее всего, упрощенным вариантом. В большинстве случаев он бывает двояким, и отношение к родителям амбивалентно, т.е. мальчик не только враждебно относится к отцу и проявляет нежность к матери, но одновременно ведет себя как девочка, высказывая нежное отношение к отцу и враждебное к матери. Описанная амбивалентность может быть объяснена предсуществующей бисексуальностью с различной степенью соотношения биологических и психологических признаков того или иного пола [18].

В оральной фазе при сосуществовании эротического влечения и стремления к смерти чувство голода постоянно преследует ребенка, поэтому он начинает сосать свой палец или край подушки. В подобном случае во время анальной фазы ребенок наказывает своих родителей, пачкая одежду

экскрементами или намеренно задерживая кал. В фаллический период у ребенка возникают фантазии о разрушении объектов своих привязанностей, возникает интерес к игрушкам и к их внутренностям. Если психический аппарат ребенка не справляется с переработкой стимулов окружающей реальности, то либидо не подвергается катексии вовне, т.е. на внешних объектах, в психике доминируют «алые» образы, на которых происходит катексия либидо. Развивается «первичный» мазохизм. Таким образом происходит слияние либидо и влечения к смерти (танатоса), которое лежит в основе всех сексуальных перверсий. Садистическое влечение формируется позднее, в период пубертата, т.е. тогда, когда необходимо направить либидо на объекты другого пола. Тогда вместе с либидо привлекается и танатос.

Гипотезу о догенитальных влечениях дополняет теория о так называемых сексуальных «ограниченных» влечениях, таких, как скопофилия, эксгибиционизм, мазохизм и садизм. Они занимают такое же место в теории сексуальности З.Фрейда, как и догенитальные сексуальные влечения, имеющие более тесную связь с различными конкретными зонами. Объединение и подчинение ограниченных сексуальных влечений зрелой генитальной организации в раннем детстве невозможно. Как известно, малолетний ребенок получает удовольствие как от обнажения своего тела, особенно половых органов, так и уже в более старшем возрасте при разглядывании половых органов других лиц, при жестоком обращении с другими людьми или животными. З.Фрейд подчеркивал, что те дети, которые отличаются особой жестокостью, «вызывают подозрение в интенсивной и преждевременной сексуальной деятельности со стороны эрогенных зон», это «несет с собой опасность, что связь жестоких влечений с эрогенными окажется позже в жизни неразрешимой» [16].

Таким образом, окончательная «зрелая» сексуальность должна быть связана как с догенитальными, так и с ограниченными влечениями, которые подчиняются ей и подвергаются сублимации (т.е. их энергия используется для несексуальных побуждений).

При «нормальном» развитии сексуальности в собственно генитальную или фаллическую стадию завершается выбор объекта и цели сексуального влечения. В процессе формирования зрелой сексуальности Я индивида сталкивается с чрезмерно большой либидинозной потребностью, и именно в этот период формируются первые защитные реакции. В случае нормы обращает на себя внимание реакция сублимации как одна из наиболее ранних защитных форм Я.

Как уже отмечалось, комплекс Эдипа может включать в себя амбивалентное отношение к родителям, откладывающееся и в идеальном Я. З.Фрейдом высказывалось предположение о том, что первоначально (на этапе несформированного полового самосознания) в идеальном Я может существовать отождествление, как с отцом, так и с матерью. Впоследствии в случае так называемой «нормы» у лиц мужского пола формируется отождествление с отцом и нежное, «объектное» отношение к матери [18].

Нами были обследованы 24 мужчины в возрасте от 19 до 50 лет, совершившие агрессивные сексуальные правонарушения и проходившие в связи с этим стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в НИИ им. В.П.Сербского. У всех обследованных были выявлены клинические проявления органического поражения головного мозга различной степени выраженности, а также признаки синдрома сексуальных перверсий в форме садомазохизма, подтвержденные данными специального сексологического исследования. Кроме того, у них выявлялись различные сексуальные перверсии по объекту направленности сексуального влечения: педофилия гомо или гетеросексуальная, зоофилия и фетишизм. Практически все обследованные имели среднее или специальное среднее образование. В браке состояло более половины, однако отношения в их семьях часто были конфликтными. При анализе полученных анамнестических данных обратили на себя внимание следующие факты: испытуемые росли в неполных семьях, их отцы или не проживали вместе с семьей или из-за занятости на работе крайне редко бывали дома, воспитанием занимались обычно женщины, при этом обычно их матери были по характеру жесткими, властными, деспотичными, любили порядок и за малейшие провинности жестоко наказывали своих детей.

Таким образом, в период, когда формируется первый интрапсихический конфликт амбивалентности, выражающийся в одновременной любви и ненависти к матери, у испытуемых происходило накопление деструктивных агрессивных стимулов, направленных на первый объект привязанности — на мать. Можно предполагать, что в течение анальной фазы происходило усиление садистических тенденций.

Обследованные лица в раннем детстве мало общались со своими сверстниками, больше дружили с девочками, что вызывало насмешки со стороны окружающих. Обычно в период между 5 и 7 годами они переживали тяжелые психические травмы: уход одного из родителей, несправедливые наказания матери. В это время большинство обследованных переносили и первые осознаваемые сексуальные травмы: видели обнаженную мать или отца, своих сестер, за которыми им приходилось поневоле ухаживать — мыть, пеленать, кормить, стирать пеленки и т.п.; некоторые из них имели опыт взаимной мастурбации, ощупывания и разглядывания половых органов как своих сверстников, так и (чаще) мальчиков старшего возраста, сексуальные действия с которыми доставляли удовольствие и в последующем становились сюжетами эротических фантазий. В подростковом возрасте у этих лиц отмечались выраженные трудности в общении со сверстниками, часто наблюдались дисморфоманические переживания. Уже в это время обращала на себя внимание фемининная социальная адаптация испытуемых (они занимались фигурным катанием, танцами, в театральные кружки). Лишь позднее, якобы с целью исправления дефектов своей внешности, они посещали секции бокса, борьбы, спортивной гимнастики, картинга, в чем проявлялось стремление к подавлению женственных установок. Однако в дальнейшем некоторые из них, тем не

менее, выбирали традиционно женские специальности повара, учителя (в том числе и танцев), цветовода.

Как известно, к концу 5—6 года жизни мальчик должен пережить невозможность эротической связи с матерью. Для этого нужно, чтобы в семье был сильный, привлекательный и доступный для ребенка отец и муж. Мальчик должен знать, что мать любит отца больше, чем его. Только тогда возможна идентификация с отцом (сначала для того, чтобы, будучи похожим, на него, соблазнить мать). Если в семье нет отца или он недоступен для общения с ребенком, то необходимость идентификации с ним отпадает. Весь мир объектных влечений ребенка занят образом матери. В таких случаях гетеросексуальные компоненты либидо вытесняются, происходит идентификация с матерью, и мальчик ищет любовь такого же мальчика, как и он сам. М.Кляйн [19] считала, что зачатки Эдиповой ситуации возникают в оральной фазе. В этот период может произойти перенос оральной зависимости на кого-то, кроме матери. Этим человеком может быть отец или мужчина его заменяющий (желание получить «добрую» грудь матери заменяется желанием получить «добрый» пенис отца). Если грудь матери воспринимается как «злая» (в случае, если мать уделяет ребенку мало времени), то ребенок не верит в то, что в мире есть «добрые» объекты, происходит активизация влечения к смерти. При этом либидо находит разрядку на собственном теле, вместе с эротическим влечением привлекается и влечение к смерти. Формируется так называемый «первичный мазохизм», танатос сексуализируется и становится приятным.

С этой точки зрения интересно рассмотреть формирование у обследованных сексуальных перверсий. По мере взросления и полового созревания у них происходило видоизменение и своеобразное развитие сексуальных расстройств с формированием в последующем садистического влечения. Развитие сексуальных девиаций начиналось обычно с визионизма, при этом объект влечения был недифференцированным. В последующем развивались мазохистские тенденции с предпочтением орально-генитальных актов, обычно с детьми или женщинами старшего возраста (испытуемые при этом чаще были пассивными, им нравилось подчинение женщинам), или фетишизм с формированием в дальнейшем трансвестизма и транссексуальных форм поведения. Позднее у испытуемых развивалось садистическое сексуальное влечение, на начальном этапе которого отмечались садистические фантазии о насильственных половых актах, избиении или калечащих медицинских манипуляциях с детьми. Аналогичные фантазии о взрослых женщинах обычно носили нестойкий характер. При этом одновременно у испытуемых наряду с садистическими оставались и отдельные симптомы мазохистского влечения, которые однако, уже не играли основной роли в клинической картине.

Таким образом, при клиническом анализе представленных случаев выявляется четкая динамика развития синдрома сексуальных перверсий от мазохизма к садизму. Обратило на себя внимание присутствие мазохистских тенденций в структуре всех сексуальных влечений, а также изменение не

только цели, но и объекта сексуального влечения, в качестве которого чаще выступали педофильные объекты или лица своего пола. Садистическое сексуальное влечение развивалось на основе мазохистского, которое выступало как базовое. Для объяснения подобной динамики развития сексуального влечения необходимо учитывать закономерности онтогенеза в целом. Описанная выше амбивалентность пассивных и активных начал, пронизывающая все этапы формирования личности, приводит к определенному соотношению этих начал у каждого человека.

Ханс Закс считал, что лишь фрагменты инфантильной сексуальности в измененной форме способны проникать в сознание первертов. По мнению У.Джиллеспи [20], структура Я у них патологична, что свидетельствует о нарушении ранних межличностных отношений. При этом родительские запреты не итроецируются в Сверх-Я, так как то место, которое должно быть занято родительскими запретами, занято объектами собственного тела (самовосприятие). В таком случае попытка реализации сексуального влечения в виде первичного мазохизма оказывается неудачной, и при любой психической травме происходит реализация неудовлетворенных агрессивных влечений.

Если представить, что у мальчика в идеальном Я сформировалось «объектное» отношение к отцу и враждебное к матери, а в то же время в сознании существует общепринятый стереотип (отношение к отцу враждебно, а к матери — наоборот), то при этом единственным путем для сохранения идеальных образов является превращение любовных стимулов в агрессивные, направляемые на гомосексуальный объект привязанности. При этом Я субъекта будет постоянно ощущать свою вину перед Сверх-Я и для удовлетворения стремления к самонаказанию будет обращать агрессивные стимулы на себя. Первоначальная психическая энергия отвлекается от эротического возбуждения и привлекается к агрессивному. Для того, чтобы избавиться от аутоагрессивных тенденций, агрессивные стремления могут проецироваться вовне, формируя садистическое влечение. Таким образом, здесь проявляется защитный механизм в виде превращения влечения в свою противоположность. Данный механизм был описан А. Фрейд в работе «Инстинктивная тревога в период достижения половой зрелости», где она отметила комплексный защитный метод — «отождествление с агрессивным субъектом», компонентами которого являются интроекция и превращение влечения в его противоположность. Х.Нунберг [21] разбил ранее описанные механизмы защиты на две основные группы: примитивные и те, которые появляются после «зарождения» Я. Первая группа включает в себя проекцию, идентификацию, смещение, превращение влечения в свою противоположность и трансформацию активности в пассивность. Вторая группа механизмов состоит из вытеснения, регрессии, формирования реакции, изоляции и уничтожения.

Единственной непосредственной причиной возникновения всех процессов защиты З.Фрейд [26] считал сигнал тревоги, возникающий в системе Я. В качестве первичного источника тревоги он рассматривал

ощущения, возникающие в младенчестве и раннем детстве и характеризующиеся избытком психического напряжения. Чувство тревоги возникает вследствие тех возбуждений, которые незрелый психический аппарат не в состоянии подчинить себе, что вызывает «острое неудовольствие» и лежит в основе внутриспсихического конфликта. При этом источник неприятных ощущений может находиться как во внешнем мире, так и в самом организме. Среди внутренних источников на первом месте, по мнению З.Фрейда, стоят инстинктивные влечения: агрессивные и сексуальные. В современной психоаналитической литературе существует предположение о том, что все инстинктивные влечения, играющие роль главных причинных факторов в возникновении внутриспсихического конфликта, происходят от сексуальных агрессивных влечений.

Таким образом, инстинктивные влечения, связанные с ними представления и эмоциональные проявления, воспоминания и фантазии являются основными мишенями процессов защиты. Разнообразные проявления инстинктивных влечений составляют основу каждого внутриспсихического конфликта и выступают в качестве главных причин возникновения болезненных аффектов. Цель всех процессов защиты — освободить Я от этих аффектов, полностью блокируя появление нежелательных представлений в сознании, либо искажая их, прежде чем они смогут там появиться. О.Фенихель [22] и Б.Левин [23] упоминают следующие виды защитных механизмов, направляемых против инстинктивных влечений: вытеснение, временное смещение или задержка, смещение по отношению к объекту, изменение качества, формирование реакций, изоляция, проекция, идентификация, регрессия и отрицание.

Данные защитные механизмы функционируют на бессознательном уровне (уровне Оно) и не осознаются индивидуумом. В то же время при их несостоятельности и «прорыве» болезненных аффективных переживаний на уровень «Я», подключаются другие защитные механизмы, под воздействием которых формируются определенные поведенческие реакции, также играющие защитную роль. При этом примитивные психические механизмы, которые характерны непосредственно для инстинктивных влечений: смещение, замещение, превращение влечения в свою противоположность, не следует включать в категорию механизмов защиты Я. Их следует рассматривать как элементарные компоненты, из которых Я строит «более организованные защитные формирования» [24].

Еще З.Фрейд отмечал, что никакие модели поведения не бывают целиком вызваны ни агрессивными, ни сексуальными влечениями (играющими роль источников агрессивных влечений). Эти два коренных влечения смешиваются, и при этом сексуальные влечения находят выходы, имеющие элементы агрессивности и наоборот [17].

Появление защитных механизмов хронологически связано с формированием структуры Я и периодически возникающими в процессе этого формирования внутриспсихическими конфликтами. Первые защитные механизмы появляются на ранних этапах развития, окончательное их

формирование заканчивается к периоду половой зрелости. К этому времени структуры и функции Я уже неизменны и сохраняются в течение всей жизни [25]. Таким образом, существует строго определенная иерархия развития защитных механизмов Оно и адаптивных реакций системы Я, непосредственно влияющая и на личностные особенности индивидуума. Кроме того, защитные механизмы Я определяются конституциональными особенностями и наследственными факторами, которые совместно с окружающим социумом формируют характерные для личности эмоциональные и поведенческие стереотипы [26].

Как известно, формирование структуры Я непосредственно связано со становлением зрелой сексуальности, в процессе развития которой возникают так называемые «опасные ситуации», характеризующиеся повышенным уровнем тревоги. На догенитальных этапах развития уже при рождении возникает опасность психической беспомощности, сменяющаяся страхом быть управляемым, позже появляется опасность потери объекта привязанности. В фаллическую фазу у мальчиков формируется боязнь кастрации, а у девочек — боязнь потери любви. В латентный период появляется страх перед наказанием со стороны Сверх-Я — хранителя всех моральных общественных установок. Защитными реакциями на ранних стадиях развития являются процессы проекции и интроекции — это самые незрелые механизмы и появление их у взрослых свидетельствует о патологии. В норме при проекции эроса вовне у ребенка формируется чувство доверия к окружающим. В случае несостоятельности защитных реакций на различных этапах развития генитальной организации, ранние переживания опасности и страха оказывают влияние на формирующиеся в это же время мотивационные процессы и способны оказывать на них влияние и в более позднем возрасте.

Тогда, когда догенитальные и ограниченные влечения обладают излишним запасом психической энергии и не могут получить выход в виде зрелой сексуальности или подвергнуться сублимации, используют понятия первичного вытеснения, фиксации и регрессии. Те инфантильные и ограниченные влечения, которые вследствие первичного вытеснения и фиксации не смогли влиться в зрелые либо подвергнуться сублимации, возрождаются через регрессию вследствие конфликтов, сосредоточенных вокруг зрелых влечений. Когда инфантильные догенитальные и ограниченные влечения появляются при половых девиациях, предполагается, что важными факторами в их возникновении являются защитные механизмы, направленные против ощущений тревоги и опасности (в первую очередь, боязни кастрации), вызываемых идеями об удовлетворении зрелых сексуальных влечений [27]. «Страдающий извращениями субъект при нарушении у него генитальной сексуальности под влиянием боязни кастрации регрессирует к тому компоненту своей инфантильной сексуальности, который однажды в детстве вызвал у него ощущение безопасности или спокойствия против страха...» [16].

З.Фрейд определял мазохизм как садизм, направленный на собственную личность, временно замещающую сексуальный объект. Согласно его точке зрения, мазохистские установки — это временно сдерживающие барьеры от агрессивного влечения, направленного пока не вовне, а на себя [18]. Но для реализации этой установки необходим конфликт между Я и Сверх-Я, результатом которого являются аутоагрессивные тенденции. Таким образом, следует говорить не о первичности садистических установок, а о сосуществовании некоторого баланса между садистическими и мазохистскими влечениями (по аналогии «активности-пассивности» личности).

Согласно современным психоаналитическим взглядам, мазохизм рассматривается как продолжение существующего чувства вины. Вероятно, что люди, испытывающие наслаждение от боли, таким образом, стремятся к повторению раннего опыта общения с матерью. Подобное стремление доминирует у них над более зрелыми реакциями на объект влечения. «Если мазохист стремится к боли, то он делает это не ради боли самой по себе, а вследствие боли, представляющей личный бессознательный объект любви, который однажды уже причинил боль» [28].

Данный случай может служить ярким примером регрессивной защитной реакции. Р.Хан [29] рассматривает мазохизм как особый вариант защиты Я от «психической боли, которая угрожает его уничтожить». При этом при любом мазохистическом акте должны как бы присутствовать три свидетеля: сам субъект, объект, причиняющий боль и часть Я субъекта, которая регистрирует и переживает болезненный аффект [23]. Х.Томес [30] описывал чувство стыда как примитивную психологическую реакцию «на отказ от себя». Сопутствующее стыду психическое напряжение может выливаться в акты «грубого насилия». Проявления такого поведения зависят от степени ущербности Я, «значимости свидетелей отвержения» и от того, отрицается ли целое Я или только часть его.

Согласно психоаналитической концепции, у лиц с сексуальными перверсиями отмечается регресс к изначальным инфантильным формам сексуальности, что может быть результатом дизонтогенеза или задержки развития. При этом происходит возвращение на те этапы формирования сексуальности, которые в раннем детстве вызывали ощущения безопасности и удовольствия. Примечательно, что процесс регрессии носит универсальный в эволюционном смысле характер и наблюдается уже у животных. Анализ некоторых случаев ювенального поведения у взрослых животных позволяет сделать вывод, что у них сохраняются, хотя и в скрытом виде, механизмы, контролирующие эти ювенальные формы активности, и что они вновь становятся активными, когда возникают препятствия при осуществлении поведенческого акта, характерного для поведения взрослого [7].

Как известно, каждому из этапов психосексуального развития соответствует определенное сексуальное влечение: на оральной фазе преобладают мазохистические тенденции, на анальной — садистические, а на фаллической развиваются аутоэротизм. Однако, как отмечал С.Шебек

[26], хотя психоаналитики говорят об «оральной агрессивности», «анально-садистической агрессивности» и «фаллической агрессивности», нельзя делать вывод о том, что данная теория допускает возможность объяснения агрессивного поведения как следствия защитной регрессии к инфантильным стадиям агрессии, подобно тому, как можно делать выводы в сфере сексуальности. Некоторые исследователи объясняют сексуальные перверсии как вызванную психологической защитой регрессивную гипертрофию инфантильных сексуальных влечений, которые у взрослого должны прекратиться или ощущаться и проявляться в самой незначительной степени, будучи подчиненными, генитальному примату. При этом «инстинктивные влечения могут различным образом трансформироваться под воздействием как защитных механизмов, так и под воздействием процессов, не носящих защитного характера, а их непосредственное удовлетворение может задерживаться по иным причинам, нежели вследствие защитного торможения» [31]. Защитные структуры распознаются тогда по появлению различных мотиваций в тех случаях, когда следовало бы ожидать появления воздействий инстинктивных влечений («чрезмерная доброта вместо агрессивности, чрезмерная чистоплотность вместо копрофилии» [32]).

В результате действия защитных механизмов в Я появляются неадекватные представления о внутриспсихических или внешних проявлениях, адекватные либо полностью подавляются, «не оставляя никаких следов в сознании», либо появляются там в искаженном виде. В таких случаях «иное поведение, нежели ожидаемое», можно считать необходимым поведенческим референтом психологической защиты [25].

Таким образом, возможны несколько объяснений особенностей динамики садистического влечения, всегда тесно связанного с мазохистским и являющегося его производным. В первую очередь может быть использовано понимание происхождения садизма от аутоагрессивных побуждений путем формирования влечения, противоположного существующему. Не менее вероятным представляется более кардинальное значение «первичного мазохизма», возникающего вследствие оральной фрустрации на ранних этапах формирования сексуальности с последующим развитием садизма. В данной динамике, связанной с постепенной трансформацией мазохистских побуждений в садистическое влечение, отражаются различные варианты взаимодействия механизмов психологической защиты.

Будучи результатом вторичных усилий, как в биологическом смысле, так и в психологическом, маскулинность является наиболее уязвимой и потому любая патология внутриспсихических процессов ведет к ее деструкции, а в сфере сексуальных влечений — к выявлению фемининных структур, т.е. в конечном итоге к мазохистскому преобразованию сексуальной потребности.

Не приемлемый личностью мазохизм, отражающий глубинную патологию идентификационного процесса, преобразуется в противоположный по своему смыслу и феноменологическому содержанию

садизм, возникающий в силу работы некоторых механизмов психологической защиты и сам по себе приобретающий значение защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Частная сексопатология / Под ред. Г. С. Васильченко, М., 1983. Т. 2.
2. Краффт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. СПб., 1909.
3. Brittain R. The sadistic murder// Med. Sci. Law., 1970. Vol. 10.
4. Volk, P. et al. Цит. по: Старович З. Судебная сексология. М., 1991.
5. Langevin P. et al. Sexual sadism: Brain, Blood, and Behavior// Human Sexual aggression. An. N.Y. Ac. Sci. N.Y., 1988.
6. Геодакян В. А. Роль полов в передаче и преобразовании генетической информации// Проблемы передачи информации. 1965. № 1.
7. Хайнд Р. Поведение животных// Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975.
8. Вундер П. А. Эндокринология пола. М., 1980.
9. Резников А. Г. Половые гормоны и дифференциация мозга. Киев, 1882.
10. Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988.
11. Freud S. Das Unbehten in der Kultur. CrW, Bd. 14. 1930.
12. Freud S. Die endliche und die unendliche Analyse. CrW, Bd. 16. 1937.
13. Adler A. Der Psychische Hermafroditismus im Leben und in der Neurose// Forschritte der Medizin. 1910. Vol. 28.
14. Lacan J. La signification de phalles// Ecrits. Senil Paris, 1966.
15. Lacan J. Le seminaire// Livre III Les Psychoses. Senil, 1981.
16. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 1989.
17. Фрейд З. Введение в психоанализ. М. 1989.
18. Фрейд З. Я и Оно. М., 1990.
19. Klein M. The psychoanalysis of Children. L. Hogart. Press. 1949.
20. Gillespie W. A contribution to the study of fetischism// Int. J. Psychoanalysis. 1940. Vol. 21.
21. Nunberg H. Principles of psychoanalysis. Their application to the neuroses. N.Y.: Int. Universities Press. 1955.
22. Fenlchel O. The psychoanalytic theory of neuroses. L.: Routledgy & Kegan Rinl. 1946.
23. Lewin B. D, The psychoanalysis of elation. N.Y.: W.W.Norton & Co... 1950.
24. Sperling S. J. On denial and the essential nature of defence// Int. J. Psychoanalysis. 1958.
25. Freud A. The Ego and the mechanisms of defence. N.Y.: Int. University Press. 1946.
26. Sjoback S. The psychoanalytic theory of defensive processes. Lund. CWK. Glerup. 1973.
27. Zimmerman M. The Pepetition compulsion and Object relations Theory// Object and Self: A developmental approach. N.Y. 1981.

28. Berliner B. On some psychodynamics of masochism//,Psychoanalysis. Quart. 1977. Vol. 16.
29. Khan R. Masud M. Alienation in perversions. N.Y. 1979.
30. Thomas H. F. Le sentiment de honte: un prelude a la violence. Association mondiale de psychologic legales. Actes du 1 Congresinternational. — P. 1988.
31. Laplanche J., Pontalis J.-R. Vocabulaire de la psychoanalyse. P.: Presses universi-taires de France. 1967.
32. Rapaport D. The collected papers./ Ed. by Merton Gill. N.Y.: Basic Books. 1967.

Психоаналитический вестник, 1992, № 2

Проблема завершеного анализа на материале клинического случая

А.Г.Попов

Пациент М., 45 лет, преподаватель ВУЗа, обратился ко мне в сентябре 1995, обозначив следующие жалобы:

1) депрессия (его собственная квалификация своего состояния, которая, впрочем, соответствовала клиническим данным: налицо были угнетенное, тоскливое настроение, заторможенность речи, скованность движений);

2) сложные отношения с шефом на работе (в чем их «сложность» в психодинамическом смысле, надеюсь, будет видно из дальнейшего описания);

3) навязчивые фантазии о причинении вреда сыну («когда, например, мы ужинаем (пациент, его жена и 6-летний сын), мне кажется, что я могу взять нож или топорик для разделки мяса и начать его бить, пока его лицо не превратится в кровавое месиво; в этих ситуациях я встаю и уйду в другую комнату»).

Мы договорились о 4-х сессиях в неделю и придерживались этого сеттинга на всем протяжении терапии (до мая 1997 г.).

В ходе первичного интервью и начального этапа аналитической работы прояснились следующие обстоятельства жизни пациента.

Родительская семья. М. был единственным ребенком в семье. Отец пациента бывший военный. По словам пациента, он всегда представлялся ему образцом мужественности (физически сильный, сдержанный в проявлении эмоций, аккуратный и стремящийся к порядку во всех сферах, «у него чувствуется настоящая военная косточка, всегда идеальная выправка»). Отец был поборником «спартанского воспитания», которое, в частности, характеризовалось порицанием любых внешних эмоциональных проявлений (смех, слезы, активная жестикуляция), выработке аккуратности («игрушки всегда должны быть убраны, кроме той, которой играешь», «важно не только то, какую оценку ты получишь, но насколько аккуратно ты ведешь свои записи в тетради») и пунктуальности («с улицы ты должен прийти в 7 часов, и ни минутой позже» и т. п.). За нарушение этих правил часто следовало физическое наказание («порка»), во время которого нельзя было кричать и плакать — за это полагалось дополнительное наказание. Отец обычно спокойным голосом объявлял причитающееся за данную провинность количество ударов ремнем, и после экзекуции бывал удовлетворен только тогда, когда М. «бодрым» голосом просил прощения, четко формулируя, за что именно он был наказан. Пациент отмечает, что на него очень сильное впечатление произвел рассказ отца о спартанском мальчишке, державшем за пазухой лисенка и молча терпевшем, пока тот выгрызает ему внутренности, но не смеявшем прервать речь своего учителя («так должен вести себя настоящий мужчина»). Следует отметить, что отец всегда пресекал любые

«телячьи нежности» в отношениях пациента с матерью (от любого телесного контакта до словесного выражения любви со стороны матери: «нечего сюсюкать»).

О матери пациент говорил гораздо более скупое. Он описывал ее как зависимую от отца, робкую, незаметную, «она говорила с отцом так, как если бы он должен был за что-то ее ударить». По словам пациента, она всегда исправно исполняла свои материнские функции, связанные со своевременным кормлением, и всем, что так или иначе может быть отнесено к хозяйственно-бытовой сфере, однако пациент всегда чувствовал ее отстраненность. Особенно остро он ощущал это в возрасте 4-6 лет («когда ходил в детский сад») и связывал это во многом с тем, что именно тогда отец начал реализовывать на практике свою концепцию спартанского воспитания.

Отношения с женой. Обращало внимание как семантическое, так и аффективное сходство в описании жены и матери: жена характеризовалась как «обычная, нормальная, готовит хорошо, держит дом в порядке... общаемся... ну как общаемся... она, в общем, не особенно разговорчивая, так... в основном о делах». (Можно обнаружить наличие в обоих случаях орального возмещения эдиповой фрустрации). Факт сексуальных отношений с женой пациент описывал как «некое недоразумение, которое все еще происходит» (примерно раз в 1 месяц). Следует отметить также, что М. — был «поздним ребенком», и его вступление в эдипову фазу примерно совпало с сорокапятилетием отца. (Позднее, при вербализации в процессе сессий, явно просматривались эдипальные фантазии о кастрированном отце: «это недоразумение, если бы мой отец занимался этим с матерью». Своеобразной «прелюдией» к коитусу является описание пациентом жене последних коллизий своих взаимоотношений с шефом, носящих выраженную со стороны пациента пассивно-гомосексуальную окраску (это будет видно из дальнейшего описания.) Жалость со стороны жены, ее сочувственные слова в сочетании с объятиями, по словам пациента, возбуждают его «как ни странно, как ничто другое».

Отношения с шефом. Придя в учебный институт 12 лет назад, М. находил своего шефа «талантливым ученым, великолепным администратором, милым, обаятельным, интеллигентным человеком». М. в тот момент завершал работу над диссертацией, черновики которой обычно хранились в ящике его письменного стола. Однажды он не обнаружил своих бумаг там, а недели через две наткнулся на «снисходительно-благосклонный» взгляд шефа: «Ну что, поработал на советскую науку, теперь можешь поработать на себя». Еще через некоторое время в научном сборнике вышла пространная статья шефа, по словам пациента, почти один к одному повторяющая автореферат диссертации М.

Пациент много говорил о своей ненависти к шефу, вербализовал фантазии о мести (в диапазоне от «выведения его на чистую воду» до убийства). Он говорил о том, что все 12 лет мечтает об этом, с видимым наслаждением описывая способы, которыми он мог бы это осуществить. Одним из наиболее притягательных вариантов для него был следующий: он

кидает шефу в глаза горсть песка, тот нагибается, пытаясь протереть глаза, и в этот момент М. бьет его туристским топориком. Пациент рассказывает о том, что эта фантазия возникла у него после просмотра фильма «Убийство Троцкого». В его интерпретации: «Великий Отец» Сталин убивает своего непутевого сына». (Был ли Троцкий «сыном» Сталина? — прим. авт.). Любопытно, что пациент мечтал при этом не только об убийстве, но и том, что, «может быть, было бы хорошо травмировать его позвоночник, чтобы он был парализован ниже пояса». На протяжении 12 лет украденная диссертация не была единственной «подлянкой» (в терминологии пациента) со стороны шефа. Пациент неоднократно чувствовал себя обделенным премиями, выгодными заказами на НИР, профсоюзными путевками, распределявшимися с подачи шефа и др. «инсинуациями». Как минимум, два раза у него была возможность уйти «на повышение», но оба раза М. отказывался от предлагавшихся ему более перспективных в научном и финансовом смысле мест («как же я уйду, если этот гад все еще занимает свое место — я должен наблюдать его падение»). Необходимо отметить также, что пациент, описывая шефа «сейчас», всегда умиленно вспоминал его «тогда» (до кражи черновиков диссертации), то есть образ шефа существовал в его представлении расщепленно.

Перенос. На протяжении анализа динамика переноса характеризовалась следующими фазами:

А) **Идеализирующий перенос.** На протяжении первых месяцев анализа трансферентные фантазии переноса описывали аналитика как могущественную фигуру, обладающую огромным интеллектом, способную «видеть насквозь», в то же время добрую, расположенную и бескорыстную:

- «Вы столько работаете, всем помогаете и мне помогаете».

- «Как именно я помогаю вам?»

- «Вы проводите со мной столько времени..., слушаете меня, не осуждаете ни за что...»

- «За что я мог бы осудить вас?»

- «Ну, например, за то, что я хотел бы сделать со своим начальником...». Негативные чувства по отношению к отцу, таким образом, проявлявшиеся в отношении шефа, пока не отражались в текущей динамике переноса.

Мои опоздания (2-3 раза за 2 года), к которым я пытался привлечь внимание М., как к фактам, которые могли бы вызвать его негативную реакцию, с постоянством наталкивались на «стену» интеллектуализации, типа: «Я понимаю, вы так заняты, вы всем помогаете, невозможно везде успеть вовремя. Никакого раздражения не чувствую, напротив рад, что вы пришли». (В жизни, со слов пациента, он, подобно отцу, был нетерпим к любой непунктуальности). Мои попытки конфронтации между типичной для него реакцией на непунктуальность и тем, как он реагирует в аналитическом кабинете, приводили лишь к потоку славословия в мой адрес, описания моего величия, как причины столь эксклюзивного отношения к моим опозданиям. Пациент также боялся нарушить каким-либо образом порядок у меня в офисе

(он говорил о том, что всегда протирает тряпочкой свои ботинки перед тем, как войти, несмотря на то, что потом, все равно переобувается, всегда поправлял любые предметы: стул, кресло, подушки на кушетке, чуть сбившийся палас и т. д.).

Ряд высказываний пациента, идеализирующих меня, в совокупности с поведенческой покорностью и робостью, свидетельствовали о наличии пассивно-гомосексуальных мотивов, которые, предварительно интерпретировались мной как защита от ненависти, а упомянутые выше реактивные образования достаточно отчетливо демонстрировали скрытый негативный перенос, интерпретировать который, однако, было еще преждевременно.

Б) Параноидный перенос. После очередного, но особенно сильно аффективно окрашенного сюжета на тему «шеф унизил меня», я счел возможным заметить: «Вы говорили о том, что обычно рассказываете о таких ситуациях своей жене, после чего занимаетесь сексом, а также о том, что сексуальные отношения с ней происходят у вас почти исключительно на этом фоне. Как вы думаете, почему с такой регулярностью вы рассказываете об этом мне?».

15 минут, оставшихся до конца сессии, пациент промолчал, а следующую — начал с описания своих предыдущих попыток «исцелиться».

Первая из них связана с посещением секции йоги, которая должна была бы помочь пациенту обрести «спокойствие духа» (т. е., в его описании, такое состояние «когда не желаешь никому зла, когда не чувствуешь никакой агрессии и когда сам ничего не опасаясь»). По словам пациента, большое удовольствие ему приносило чувство, что «его» гуру — истинный и великий на фоне массы шарлатанов, что он может всегда точно сказать, сколько времени нужно исполнять ту или иную асану и как точно «нащупать» (дословно) «границу между легкой болью в суставах и связках, и ощущением, что можешь растянуться максимально широко и прогнуться глубоко, насколько в состоянии». Однажды, во время майских праздников, получилось так, что М. оказался единственным пришедшим учеником. Оказавшись наедине с гуру, М. спросил учителя о том, какая асана лучше «работает» в случае запоров. Гуру предложил М. принять позу, весьма близкую к «коленно-локтевой», после чего, надавливая рукой на поясницу, стал пояснять детали ее исполнения. М. послушно последовал рекомендациям, однако испытал «смешанное чувство неловкости и стыда, а по окончании занятия ощущение, что меня использовали». Это чувство росло, и на занятия к гуру М. больше не пришел.

Примерно за год до прихода ко мне М. обращался к психиатру, про которого рекомендатели сообщили, что он «не только лечит лекарствами, но и проводит психоанализ». Психиатр, вероятно, не чуждый теории З. Фрейда, но, безусловно, весьма далекий от психоаналитической практики, во время первой же беседы, услышав рассказ пациента о его взаимоотношениях с шефом, дал следующий «научный» комментарий: «Никакой психиатрии у

Вас нет! Ваш шеф имеет Вас, и Вам это нравится!». После этого М., естественно, больше не обращался к психиатрам.

Когда я спросил его: «А что вы думаете о моем мнении на это счет?», — М. ничего не ответил и промолчал оставшиеся 5 минут до конца сессии.

На последующих сессиях, пациент, однако, впервые с начала анализа, обозначил тревогу, связанную с фантазиями переноса: «Мне кажется, вы как-то воздействуете на меня... заставляете меня думать... о чем я не хочу»; «Не получится ли так, что вы с помощью психоанализа проникнете внутрь моей личности и принудите меня делать то, чего я не хочу?» Мои вопросы типа: «Как вы ощущаете, что я на вас воздействую?», «О чем я заставляю вас думать?», «Что именно вы не хотите делать?» и т. д., — вызывали продолжительное молчание. Вместе с тем, образ идеального аналитика перестал звучать в ассоциациях пациента. Напротив, и я стал восприниматься как персона, от которой исходит унижение и угроза. В то же время пациент в рамках параноидного переноса стал способен выражать критику в отношении аналитика, недовольство мной, как человеком, желающим самоутвердиться за его счет, ощутить собственное превосходство путем придания ему, М., чувства беспомощности. В целом, рост способности к выражению агрессии, в данном случае, следовало рассматривать как позитивное изменение.

Эдипова конкуренция и кастрационная тревога в переносе. Одна из сессий знаменовалась сновидением, которое вполне соответствовало статусу «модели невроза в миниатюре». Вот описание этого сновидения (от лица М.): «На даче, которую снимали мои родители, за столом сидят трое мужчин и актриса Маргарита Терехова. Тереховой много лет, но она часто играет такие роли, что выглядит молодой девушкой. В ходе застолья мужчины, пытаюсь добиться ее расположения, делают ей комплименты. Я пытаюсь делать то же самое, но вижу, что мужчины смотрят на меня неодобрительно, с насмешкой. Я чувствую себя «не в своей тарелке». Один из мужчин пренебрежительно хлопает меня по щеке: «У, толстячок, и туда же». Чувствую себя униженным. Вместе с тем, ощущаю его авторитетной персоной и хочу заслужить его одобрение. Сажусь за стол и молча ем. Вдруг какая-то неведомая сила выталкивает меня из-за стола, так что еле удается сохранить равновесие. Чувствую, как что-то твердое (пистолет?) вдруг упирается мне в спину; я уворачиваюсь (вдруг выстрелят) и тут же чувствую, как меня хватает железной хваткой мужчина намного сильнее меня и волочет меня, бесполезно упирающегося, к окну, ножом разрезает мне одежду от воротника до копчика и выкидывает меня в окно. Во время полета почему-то не страшно. Я мягко опускаюсь в траву».

Объем статьи, к сожалению, не позволяет привести все ассоциации пациента и ходе работы со сновидением, поэтому имеет смысл сосредоточиться на главных аспектах, нашедших отражение в динамике переноса. В частности:

1. связь эдиповой конкуренции с отцом за мать и бегства от нее в силу кастрационной тревоги («смотрят неодобрительно» — «могут наказать»); формирование табу инцеста («чувствую себя не в своей тарелке») и попыток

уменьшения кастрационной тревоги путем принятия позиции пассивно-женственного подчинения;

2. связь сверхпокорности с защитой от ненависти по отношению к отцовской фигуре;

3. пассивно-женственное подчинение, как поведенческий эквивалент ауто-кастрации (добровольный отказ от фаллической активности, как предпочтительный по сравнению со страхом «внешней кастрации»);

4. пассивно-женственная позиция, как форма преодоления табу инцеста («в этом случае я ничем не угрожаю матери»).

Работа над сновидением помогла пациенту вспомнить ряд актуальных событий раннего детства. Отец, как было отмечено выше, часто прибегал к порке, как форме телесного наказания за нарушения «порядка». Он обычно зажимал голову пациента между коленей, и бил М. ремнем («по голой заднице»). Если мать становилась свидетельницей таких сцен, как правило, она вмешивалась, отвоевывала М. у отца, и прижимая к себе, шептала нежные слова.

Вмешательство обычно происходило в ситуациях, когда М. начинал плакать (т. е., оказывался не мужчиной). Таким образом, единственным путем к завоеванию матери становилось предварительное наказание отцом и отказ от мужской роли. Зажимание головы между коленями отца, связывается пациентом с близостью с гениталиями (отца!). Сцена в сновидении: «У, толстячок...», — напомнила пациенту о попытке гомосексуального соблазнения в армии «дедом» (старослужащим). Характерно, что воспоминание о порках допускало травмирование собственных гениталий: «Думал: «Вдруг пряжка попадет куда — нибудь не туда». Таким образом, «попадание пряжки туда» явилось тем, что сам пациент довольно остроумно впоследствии охарактеризовал как: «Подставь задницу — спасешь член».

Еще один инсайт был связан с пониманием описанных выше сексуальных взаимоотношений с женой как проигрыванием инфантильного опыта: только будучи кастрированным собственным отцом (шефом), свидетельницей чего должна оказаться женщина (мать — жена), можно рассчитывать на ее благосклонность. Иными словами: «Посмотри, что мой шеф сделал со мной, я уже не мужчина, теперь меня можно любить, и я могу заняться сексом». Таким образом, расщепленная идентичность пациента была ядром его интрапсихического конфликта. С одной стороны, чтобы завоевать мать, он должен был быть как отец «мужественным, стойким, сдержанным», с другой стороны, условием достижения этого желанного завоевания являлась презентация себя в качестве «обиженного, робкого, плачущего и беспомощного» (т. е. неким подобием образа матери).

Осознание пациентом связи пассивно-женственной позиции и страха кастрации способствовало тому, что описанная выше форма агрессии в рамках параноидного переноса трансформировалась в конкурентную форму, которая сопровождалась истероидной защитно-адаптационной динамикой в виде соматизации и отыгрываний вовне.

Конверсионная симптоматика проявлялась в виде следующих симптомов: расстройство желудка и тошнота, в т. ч. во время сеансов, боли в спине, а также нарушение эрекции и неспособность осуществлять половой акт с женой в рамках привычного (упомянутого выше) паттерна. По мере осознания аффективно окрашенной эдиповой ненависти к отцу (которая стала теперь доступной для переживания) и инцестных фантазий в отношении матери происходило существенное ослабление этой симптоматики. Пациент стал более адекватно «переваривать» неприемлемые чувства, связывать трансферентные фантазии с фантазиями в отношении шефа и агрессивными импульсами по отношению к отцу. Актуализация инцестных фантазий на некоторый срок (около месяца) способствовала соматизации кастрационной тревоги; затем эрекция восстановилась, при этом М. почувствовал себя гораздо свободнее от прежнего паттерна сексуальных отношений с супругой. Мазохистские аспекты, впрочем, продолжали присутствовать, но они носили большей частью осознанный и фрагментарный характер (пациенту нравилось, когда жена причиняла ему легкую боль в ходе полового акта, например, царапаньем ягодиц ногтями) и были необязательными для достижения эрекции и осуществления коитуса.

Отыгрывания также поначалу были весьма выраженными. На протяжении месяца М. пережил бурный роман с аспиранткой (с которой, по слухам, одно время поддерживал аналогичные отношения шеф), несколько раз «поругался» с шефом (т. е., выразил несогласие с его позицией по профессиональным вопросам), причем сделал это при коллегах, которые его «одобрили» (т. е., «признали отцом»). Во время фуршета по поводу дня рождения одного из сотрудников «схлестнулся» с шефом по поводу аспирантки: «шеф сказал, что, во-первых, я (пациент — прим. авт.) — женатый человек, а, во-вторых, это непорядочно — спать с аспиранткой... а я ответил, что в этих вопросах я сам буду устанавливать свой порядок». Роман, впрочем, скоро прекратился, но именно тогда, когда по ощущениям М., шеф стал безразличен к тому, что он «имеет место быть».

В мае 1997 перед 5-ой из 16 оплаченных заранее сессий (гонорар вносился пациентом за месяц вперед) М. позвонил и сказал, что не сможет прийти. Он пропустил еще пять оплаченных сессий, а придя на 11-ю, сообщил, что хотел бы сделать перерыв до сентября, т. к. в данный момент занят регистрацией фирмы, оказывающей услуги в области образования (репетиторства). До конца сессии он воодушевленно рассказывал о своих планах, о том, как проходит процесс регистрации, о том, что фирма уже фактически функционирует, а также о том, что ему удалось «переманить» у шефа трех хороших сотрудников, которые теперь будут работать под его началом. Кроме того, он высказал предположение, что было бы неплохо при их фирме открыть лекторий по психоанализу («это полезная вещь, и может многим помочь») и добавил, что было бы неплохо, если бы я считал это предложением о сотрудничестве.

«Я знаю, как вы бы это интерпретировали», — сказал он перед окончанием сессии, — «Вы бы сказали, что я поменялся ролями с шефом, и

теперь хочу побыть еще и вашим отцом... Но ведь я на самом деле всегда хотел оказаться на месте своего отца...». Конечно, я мог бы сосредоточиться на том, каким образом идентификация с функциями аналитика способствует изоляции аффектов пациента, или на том, как использование им аналитического языка связано с его вторичным нарциссизмом, или исследовать сепарационные чувства, однако я не стал этого делать. Я согласился с решением пациента созвониться о встрече в сентябре («если я надумаю продолжить»), подумав, что потребность пациента в большей автономии на 3-ем году анализа стоит считать позитивной. М. позвонил мне 3 сентября и сказал, что хочет продолжить анализ, но после 15 числа. 14 сентября М. перезвонил и сообщил, что его фирма только что провела активную рекламную кампанию, ожидается большое количество звонков, и поэтому ближайшие 2-3 недели у него вряд ли будет время, чтобы посещать меня. За время прошедшее с 14 сентября 1997 г. по июль 1999 М. звонил еще 2 раза. Один раз это было поздравление с Рождеством, а также сообщение об успешной деятельности его «репетиторской конторы». Был задан и еще один вопрос, доставивший удовлетворение и моему (контролируемому) нарциссизму: «Может ли он дать мои координаты кое-кому из своих знакомых?»

Существуют различные взгляды на то, каким образом и когда должен быть завершен анализ. Данный анализ представляется мне завершенным в силу следующего:

1. Одним из важнейших критериев успешности анализа является уровень защит. Защиты низшего порядка (примитивная идеализация, отрицание, проективная идентификация как эго-синтонная проекция), характерные для пациента в начале лечения, перестали быть типичными для него способами адаптации к реальности. Существенно снизилась интенсивность обсессивных защит, таких как изоляция аффекта, интеллектуализация, морализация, рационализация и реактивное образование. Отдельно стоит сказать об истероидных защитах. Соматизация проявилась в момент наиболее интенсивной проработки эдиповых чувств пациента, и ослаблялась по мере переживания им инсайтов на фоне осознания трансферентных фантазий. Отыгрывание прошло три стадии: от компульсивного «воссоздания прошлого» через истерические «acting out» до форм, которые скорее могут быть названы успешной сублимацией.

2. Депрессивная симптоматика купировалась полностью. Угнетенное, тоскливое настроение, заторможенность и скованность сменились живым интересом к актуальной деятельности.

3. Установление связи чувств и фантазий в отношении отца, шефа и аналитика, конкретных форм реализации агрессивных импульсов в рамках садистических фантазий, проработка кастрационной тревоги способствовали дезактуализации навязчивых фантазий о причинении вреда сыну.

4. Возросшая способность выражать эмоции была следствием ослабления обсессивных защит и характеризовала безусловные позитивные сдвиги.

5. Исчезновение депрессии у пациента напрямую связано с преодолением им в ходе анализа трудностей в выражении агрессии.

6. Большая зрелость объектных отношений пациента сопровождалась интеграцией частичных влечений в зрелую сексуальность (компульсивное повторение инфантильного паттерна трансформировалось в эпизодически приятные, но необязательные элементы сексуальной игры).

7. Повышение ответственности за качество сексуальных отношений может рассматриваться как результат успешной проработки идентификации с отцом.

Таким образом, завершенность анализа в данном случае оценивалась не с точки зрения процессуальных моделей, а с позиции достигнутых изменений:

1) преобладание защит высшего порядка над примитивными защитными процессами;

2) построение более зрелых объектных отношений, характеризующихся, в частности, интеграцией частичных влечений в зрелую сексуальность;

3) существенное ослабление сопутствующей симптоматики на фоне успешных сублимаций;

4) адаптированность аффективной сферы (появилась способность к свободному выражению аффекта на фоне возросшей толерантности «супер-Эго»);

5) повышение способности к самоанализу, т. е. к установлению связи трансферентных фантазий, актуальных объектных отношений и инфантильного опыта;

6) снижение тревоги и повышение способности к получению удовольствия;

7) постепенное снижение инвестиций либидо в фигуру аналитика на фоне упомянутых изменений.

Психоаналитический вестник, 1999, № 8

Бессознательное использование мужчиной тела женщины

А.Н.Копылов

В главах книги Диноры Пайнс, посвященных беременности и материнству, рассматривается взаимодействие между фантазией и реальностью в течении беременности, возможности использования женщиной беременности и материнства для разрешения собственных бессознательных конфликтов и достижения зрелости (1). Представляется, что для мужчины этот этап в жизни женщины также является важным. Клиническая практика показывает, что мужское бессознательное также не безразлично к происходящим в теле женщины изменениям. На этом этапе происходит оживление прошлого опыта и бессознательных конфликтов, а их разрешение в течение этого периода может дать мужчине возможность стать более зрелым, повысить самоуважение.

Динамика происходящих в женщине процессов — развитие беременности и роды — приводит мужчину в новое качество, новый статус — отца ребенка. Тем самым достигается цель брака и выполняется репродуктивная функция. Этот переход требует эмоциональных и психических затрат и ведет к зрелой маскулинности. Оживляются и могут разрешаться те конфликты и проблемы, которые остались неразрешенными в предыдущих фазах развития, актуализируются родительско-детские отношения, Эдипов комплекс.

С этой точки зрения рассмотрим случай пациента, мужчины 29 лет, который пришел на терапию с жалобами на приступы тревоги по поводу здоровья своей жены и будущего ребенка, страх сойти с ума, потерять контроль. Как впоследствии выяснилось, это произошло во время последнего триместра беременности его жены. Пациент, родившийся переносным у матери, беременности которой несколько раз заканчивались выкидышами на 7-8-м месяце, рос тревожным, впечатлительным мальчиком, до 7 лет спал вместе с матерью. Родители были разведены, но жили вместе. В семье часто были скандалы. Мать обвиняла отца в неверности, выслеживала его, заставляла с женщинами. По характеру жесткая, волевая, она играла ведущую роль в семье. Отец практического участия в семейных делах не принимал. Мать всегда критиковала его и, сравнивая сына с отцом, говорила: "Вы — лентяи, ничего не умеете, не можете делать. Ты — такой же, как твой отец". Она требовала соблюдать правила, которые сама же устанавливала и сама наказывала за их нарушение.

Защитные механизмы пациента формировались по типу идентификации с агрессором — он был критичен ко всем, все хотел исправить, быть во всем правым. Но были импульсы, которые он не мог контролировать. На одной из сессий возникло раннее детское переживание, связанное с гиперстимуляцией сексуального характера, которое было для него неконтролируемым, пугающим, неуправляемым — "сумасшествием", как он определил его впоследствии.

В семье он никогда ни в чем не нуждался, все желания удовлетворялись при выполнении условий матери. На момент обращения к психотерапевту пациент жил в семье жены в непривычно стесненных условиях, был вынужден работать для получения квартиры под началом деспотичного руководителя, с которым имел конфликтные отношения. Страхи пациента усилились в последний триместр беременности его жены, т.е. к тому сроку, когда у его матери были выкидыши. У него усилилась тревога за будущего ребенка, за здоровье жены. Его преследовали кошмарные сновидения, в которых он видел куски мяса и кровь. Беременность жены оживила его собственные бессознательные конфликты, заставила его встать перед реальностью отцовства. С одной стороны, она — выражение его мужской сексуальности и силы; с другой — существует проблема идентификации с отцом, т.к. его отец не был "хорошим отцом", он увлекался женщинами, был в этом "сумасшедшим". Бессознательно для пациента быть "отцом" — это быть сексуально развязным, неконтролируемым, безответственным, не способным осуществлять поддержку семьи. Кроме того, для него "стать отцом" значило потерять расположение матери. Амбивалентная установка к беременности и родам состоит в том, что он должен нести за это ответственность; быть отцом сразу двум: будущему ребенку и жене, т.к. она станет беспомощной вместе с ребенком; оживляется Эдипов конфликт, появляется конкурент — ребенок, теперь не будет возможности одновременно быть и мужем, и ребенком, т.к. всю любовь забирает ребенок.

Бессознательно пациент имеет фантазию разрешения этой ситуации, которой пользовался отец, — уйти от решения проблемы, избежать ответственности. "Сойти с ума" — это значит избежать ответственности. Материал сновидений также показывает, каким образом бессознательно могло быть достигнуто разрешение конфликтной ситуации — через потерю ребенка.

Второй случай. Пациент 23 лет обратился по поводу импотенции и с помощью терапии смог устанавливать интимные отношения с женщинами. В процессе анализа были выявлены полная зависимость пациента от матери и интенсивные кастрационные страхи. Деспотичная мать полностью контролировала его жизнь. Отец не играл важной роли в семье, был на вторых ролях, не мог служить авторитетом для своего сына. Ситуации интимной близости для пациента были сопряжены с тревогой по поводу заражения венерической болезнью или страха беременности подруги. Интимные отношения были наполнены для него виной и страхом. Несмотря на это, он, как правило, не пользовался презервативами. Беременность партнерши была для него наказанием за интимную связь и становилась причиной разрыва отношений.

Он рассматривал интимные отношения как выполнение желания матери "быть как все". Мать всегда вторгалась в его интимную жизнь. Он постоянно ощущал пристальное внимание к своему пенису со стороны матери. Пенис являлся для него объектом тревог и страхов.

Взаимоотношения отца с матерью представлялись зависимыми, мать доминировала и их интимные отношения ассоциировались с наказанием. У пациента была фантазия о том, что за стеной в моменты, когда он слышит вздохи и стоны, происходит поедание пениса, и отец идет за матерью в спальню для лишиться пениса. Интимные отношения были для пациента лишь формальным подтверждением мужского образа (требования матери и друзей). Бессознательно же он стремился получить от женщины наказание из-за чувства вины за пенис. Амбивалентная установка пациента заключается в том, что иметь сексуальные отношения с женщиной для него — это значит лишиться пениса, с другой стороны, это — подтверждение его мужской идентификации. Ипохондричность, зуд, неприятные ощущения в пенисе делают этот орган "больным", противопоставляют его остальному телу и выводят проблемы на психосоматический уровень. Таким образом, находится компромисс между противоположными тенденциями: иметь пенис и быть мужчиной и избегать его признания женщиной, получать от нее наказание.

Данный материал позволяет предположить, что ситуация беременности значима не только для женщины, но и для мужчины, и фокус терапии на этом этапе развития может дать большое количество материала для анализа объектных отношений и Эдипова комплекса. Проработка конфликтов, возникающих на этом этапе, позволяет мужчине достичь зрелой маскулинности и повысить свою самооценку и самоуважение.

Литература

1. Pines D. // A woman's unconscious use of her body (59-133).

Психоаналитический вестник, 1996, № 5

**Свобода, страх, зависимость:
психоаналитическое исследование взаимообусловленности
свободы и страха с позиций индивидуального развития личности**

С.С.Санадзе

Вопрос о свободе в той или иной форме, в большей или меньшей степени, но встает как личная проблема перед каждым человеком. Множество подходов, множество определений и при этом, самые противоречивые выводы, говорят о многосложности и неоднозначности проблемы свободы. Тема свободы рассматривалась и последователями психоаналитической традиции, при этом от настойчивого отрицания её основателем психоанализа, до придания ей важнейшей роли в жизни человека и социума основателем неопрейдизма Эриком Фроммом.

В этой статье мной предпринята попытка рассмотреть свободу личности, как психологический феномен с психоаналитической точки зрения.

Следуя за известным социологом Питиримом Сорокиным, попробуем определить понятие "свобода":

"Вообще, можно сказать, что человек свободен тогда, когда он может делать то, что ему нравится, может не делать того, что он не хочет делать, и не вынужден терпеть то, чего он не желает терпеть". В этом определении мы видим не только механическое состояние индивида, но и его внутреннее психологическое состояние, описываемое словами "что ему нравится", "хотелось бы", "предпочитает" или "желает". Только лишь наблюдая за поступками человека и не учитывая его душевное состояние, мы не можем вынести никакого суждения о том, свободен он или нет.

Сорокин приводит своеобразную формулу свободы: "Свобода = Совокупность имеющихся возможностей для удовлетворения потребностей / совокупность потребностей".

Таким образом, существуют две разновидности свободы и два пути сохранить ее или даже увеличить. Во - первых, индивид может снижать свои потребности, пока они не сравняются или не станут меньше, чем имеющиеся у него возможности их удовлетворения; во - вторых, он может увеличивать имеющуюся у него совокупность средств для удовлетворения своих потребностей." (5, с. 564).

Понятно, что свобода - это некая характеристика состояния человека. Это как раз то, что мы находим у П. Сорокина. Но так же понятно, что свобода - это еще и некое переживание, ощущение. "Вопрос о свободе коренится в наших самых непосредственных переживаниях. С какой страстью в самочувствии собственного свободного определения кидаемся мы в мир". (3, с. 4).

Рассмотрим состояние человека, которое объективно можно назвать самым зависимым, а значит, самым несвободным. Это состояние нахождения в утробе матери. Плод во всем зависим от матери, причем, зависим напрямую, физически: дышит мать - дышит плод, питается мать - питается плод, только через органы выделения матери выводятся все продукты жизнедеятельности плода и т.д. С объективной точки зрения это состояние и есть состояние максимальной несвободы.

Противоположным состоянию несвободы является состояние свободы, так же, как противоположным состоянию плода является состояние жизни человека после рождения. Особенно резкий контраст в состояниях, конечно же, будет между состоянием плода и состоянием новорожденного. К тому же, они разделены небольшим промежутком времени, а сам процесс рождения, как независимый от плода и далеко не самый приятный по воздействию на него, еще больше разделяет эти два состояния человека с точки зрения свободы. Значит, можно принять, что нахождение в утробе матери это несвобода, а состояние новорожденности - это состояние свободы. Младенец получает возможность самостоятельно дышать и потребность в дыхании (чего был лишен, будучи плодом). После периода гипоксии и гиперкапнии он производит самостоятельный вздох - как триумф освобождения. Он получает возможность самостоятельного акта питания и потребность в нем, значительно увеличивается возможность движений, не стесненных стенками матки и т.д.

С данным этапом в жизни человека Фрейд связывал состояние страха. Он утверждал, что аффект страха закладывается при акте рождения, вследствие целого ряда неприятных впечатлений и соматических ощущений. Основной их причиной является нарушение обновления крови у плода. Это состояние является прообразом воздействия смертельной опасности и ощущения страха. Объективная опасность для жизни не имеет психического содержания у новорожденного. Так же, как и плод в материнском чреве, новорожденный еще не может осознать своего состояния, поэтому о чувствах его в том и другом случае не может идти и речи.

В отношении реакции страха у новорожденного речь идет о некоем почти физиологическом механизме отвода энергии раздражений, о каких-то объективных процессах утилизации энергии раздражения, лежащих в основе эмоций, но без наличия осознающего эти процессы субъекта. Если же реакцию страха у новорожденного рассматривать в психическом аспекте, то можно сказать, что закладывается основа будущего чувства страха в виде определенной организации бессознательного, которую, памятуя С. Грофа, можно назвать бессознательной матрицей страха. Сошлюсь на Фрейда: "Оно не может, подобно Я, испытывать страха, так как Оно не представляет собой организации и не может судить о ситуации опасности. Но очень часто случается, что в Оно подготавливаются и совершаются процессы, которые дают Я повод к развитию страха." (9, с. 291).

То же самое можно утверждать и относительно чувства свободы, которого у новорожденного еще нет, как такового. Возникновение и

удовлетворение целого ряда потребностей сопровождается приятными ощущениями. Эти ощущения - есть результат снятия ряда напряжений. Они не осознаются, т.к. еще нет сознания, но сохраняются в виде определенной организации бессознательного.

Предположим, что аффект свободы развивается с той же закономерностью, что и страх, т.к. их основа закладывается в результате одного и того же события- рождения. В стадию же появления у младенца "Я", страх и эмоция свободы проявляются, как таковые, при активации своих матриц.

Согласно теории объектных отношений, в стадию начала диалога, примерно в двухмесячном возрасте происходит заметный сдвиг в поведении младенца.

Объективно, его свобода возрастает, точнее, возрастают его возможности (начинать игру, регулировать и заканчивать) хотя бы потому, что он уже может играть физически. При этом эти возросшие возможности удовлетворяют его какие-то внутренние потребности в начале игры, ее окончании и т.д. Но Эго еще не достаточно сформировано для осознания этой свободы. При этом мы пока не видим увеличения оснований для формирования страха, т.к. после родов принципиально роль матери и ее функции в отношении младенца не изменились. Она так же продолжает удовлетворять все потребности младенца, как и сразу же после его рождения. Его потребности не настолько еще усложнились, чтобы не могли быть элементарно выполнены нормальной, здоровой матерью. Принципиальные изменения в аспекте свободы происходят в стадию сепарации-индивидуации, когда интернализированный образ матери превращается в Эго младенца. Он делает первые пробные попытки разорвать тесную физическую близость с матерью и его интерес сдвигается от действия к эффекту воздействия. Мы видим, что мир младенца расширился за пределы матери. Начинает активизироваться его матрица свободы в попытках разорвать тесную физическую близость с матерью и в понимании того, что он может произвести своими действиями какие-то изменения в своем мире. При этом матрица страха скорее всего не активируется, т.к. не происходит отрыва от матери, нет потери объекта - возникают переходные объекты (игрушка, одеяло, подушка и т.д.), которые для младенца заменяют мать. Максимально быстрая активация матрицы свободы происходит в подфазу практики (по Малер) когда ребенок овладевает прямохождением. Ребенок обретает способность уходить от матери и возвращаться к ней, исследует все более расширяющийся мир и знакомится с переживанием физической разлуки и с её психологическими последствиями. Он ощущает себя всемогущим магом, который управляет этим миром. Как водопад, на него обрушивается понимание огромных возможностей, огромных в сравнении с его потребностями, и с тем, что он имел чуть раньше, когда не умел ходить. Его потребности немедленно удовлетворяются матерью или им самим, они не настолько многочисленны и сложны, чтобы не могли быть удовлетворены. При этом, для младенца безразлично, кто конкретно удовлетворяет его

потребность, он сам или его мать или кто-нибудь другой - все подчиняется его могуществу, а значит все это делает он. Это состояние ощущения наибольшей свободы, которая еще не ограничивается пониманием невозможности того или иного действия, которая не ограничивает самую себя сопутствующим страхом (во всяком случае, страхом, соразмерным со степенью свободы).

Активация матрицы страха происходит в подфазу воссоединения. Эта подфаза возникает в период от шестнадцати до восемнадцати месяцев. Малер пришла к заключению, что развитие познавательных способностей приводит ребенка не только к осознанию нарождающихся умений, но и к осознанию своей незначительности и психологической отделенности от матери. Второе порождает чувство одиночества и беспомощности.

Учитывая вышеизложенное, мы понимаем, что ребенок начинает испытывать страх, тот самый страх, матрица которого была заложена в бессознательное актом рождения и связана с отделением от матери. Это период появления страха не как некоей потенции, а как психической реальности. И появление этого страха связано с теми же процессами, что и появление чувства свободы. Как физическое отделение от матери при рождении заложило матрицы свободы и страха, так и нарастание физической, а затем и психической отделенности, независимости от матери, в процессе развития ребенка, способствовало активации этих матриц. Эта взаимосвязь динамики формирования эмоции свободы и страха на всю последующую жизнь человека делает их спутниками. В то же время, некоторая сдвинутость по времени формирования матриц страха и свободы и более отчетливое различие по времени активации этих матриц, делает все же различными эти родственные эмоции.

При дальнейшем развитии ребенка мы видим, что нарастание потребностей в результате усложнения активности ребенка приводит к снижению свободы.

В дальнейшем диалектика способностей и потребностей приводит к взаимообусловленному росту того и другого. Но, при этом никогда уже человек не будет чувствовать себя таким свободным, как в подфазу практики. Итак, мы определили, что эмоция свободы в своей основе связана с эмоцией страха. Обобщив, можно утверждать, что любая свобода сопровождается бессознательным страхом, который, при определенных условиях, может становиться вполне осознанным. Если свобода осознаваема, то страх бессознателен и наоборот.

Увеличение свободы приводит к появлению и усилению эмоции свободы, что, соответственно, вызывает появление и нарастание страха. Там где свобода, там всегда есть страх.

Становится понятным механизм "бегства от свободы", о котором писал Э. Фромм. Бессознательный страх, зарождающийся вместе с ощущением свободы, проявляет себя в виде чувства одиночества, изоляции, ничтожности, слабости, бессилия. Фромм утверждает, что именно от них бежит человек, убегая от свободы, а порождаются они социальными

процессами. Но все эти чувства есть производные страха, зарождающегося вместе с эмоцией свободы в душе каждого конкретного человека. От этого страха убегает человек в бегстве от свободы. Социум же определяет только способ бегства. Если страх - спутник свободы, то легко подменить одно другим.

Если мы в формулу свободы по П. Сорокину "Свобода= совокупность всех возможностей / совокупность всех потребностей" вместо "свобода" подставим "страх", то получим:

"Страх = совокупность всех возможностей / совокупность всех потребностей".

Отсюда следует, что для уменьшения страха необходимо либо уменьшить совокупность всех возможностей, либо увеличить совокупность всех потребностей.

Первое личностью в обществе достигается посредством изменения характера межличностных отношений таким образом, чтобы они становились более жесткими. Это может быть тоталитарный режим во всем обществе, как следствие тоталитарного правления в государстве, так и тоталитарный режим в некоей группе людей - тоталитарная секта, преступная группировка, какой-то один человек (своеобразный гуру, "любимые" женщина или мужчина) и т.д.

Второе достигается личностью за счет образования чрезмерных, неудовлетворимых потребностей, как то: потребность в алкоголе, потребность в наркотиках, потребность в пище, потребность в сексе и т.д. Речь не идет о том, что алкоголь, секс и пища равнозначны, речь о том, что неважно, в чем будет эта сверхпотребность, лишь бы она была. Все эти процессы бессознательны и обладают различной степенью выраженности. Чаще всего это некая предрасположенность, склонность людей, которая реализуется в зависимости от объективных обстоятельств, от предложения, от традиций и т. д. Если имеется традиция употребления алкоголя и реализовать эту потребность вполне возможно, то получится алкоголик или бытовой пьяница (в зависимости от наличия или отсутствия генетической предрасположенности к алкоголизму). Если же имеется массовое предложение наркотиков, целенаправленное формирование моды на их употребление, да еще и желание подростка быть как все, то велика вероятность того, что подросток все же попробует это зелье. Дальше же сработают физическая и психическая зависимости. Если же имеется широкий доступ в тоталитарные секты или тоталитарный метод правления в государстве, то мы получаем новоиспеченного члена "Аум сенерикё" и т.п., или готового "строителя коммунизма". Все эти люди характеризуются зависимым поведением, характер же зависимости определяется, как мы видим, другими причинами, нежели те, что связаны со свободой и страхом. Возникает естественный вопрос: "Почему не все люди имеют это зависимое поведение?" Ответ стоит искать в механизме зарождения эмоций свободы и страха.

В стадию сепарации - индивидуации ребенок, отдаляясь от матери, чувствует свободу и одновременно испытывает страх. Этот страх заставляет его возвращаться к матери, возвращаться в состояние зависимости. Проигрывая уходы и возвращения, ребенок научается самостоятельно справляться со страхом. Он, тем самым, как бы подчиняет ситуацию себе. Страх исчезает. Конечно, он появляется вновь при следующем отдалении от матери, но это уже новый страх, а не сочетание прежнего и нового. При этом нарабатывается индивидуальное соотношение свободы - зависимости. Этот опыт в дальнейшем должен усложняться и приобретать другие формы, которые в будущем проявляются во всех сферах жизни человека. В ряде случаев ребенок не имеет возможности вернуться к матери, получить от нее поддержку и почувствовать в ней опору, которая есть и будет всегда. Такое может быть, когда его отправляют в этом возрасте в детский сад, он лишается матери или обоих родителей, родители не уделяют ему достаточного внимания и т.д. В этих ситуациях страх ребенка, связанный с его свободой накапливается, ребенок не получает изначального опыта борьбы со страхом. При этом его способность справляться со страхом так и не развивается, увеличение свободы будет связано со страхом, а способ справляться со страхом остается на том примитивном, доэдипальном уровне, т.е. посредством уменьшения своей свободы и, соответственно, зависимого поведения (о чем уже говорилось ранее).

Стоит предположить, что имеются условия развития ребенка, при которых почти не формируется отличия свободы и страха. Это происходит тогда, когда матрица свободы и страха активизируется одновременно, когда ребенок в подфазу практики не может реализовывать свои потенциальные возможности. Он уже может что-то делать сам, а ему еще такую возможность не дают. Подобное несоответствие может возникать, когда родители не в состоянии контролировать хлопотную ситуацию с начинающим более активно двигаться ребенком, и предпочитают относиться к нему так же, как ранее: запеленали, уложили в коляску и лежи, не мешай папе с мамой. Позже родители, конечно же, будут вынуждены смириться с расширением активности малыша. Он получит большую возможность, но всемогущество подфазы практики будет пропущено. Ребенок сразу же перейдет к подфазе воссоединения, когда активизируется матрица страха, а матрица свободы, соответственно вместе с ней.

Как мы видим, и в случае, когда ребенок не научается адекватно бороться со страхом и, в случае, когда страх и свобода для него не разделяются - причина одна и та же: недостаточная роль значимого объекта. Рассмотрим социальные аспекты вышеуказанных нарушений при их массовом характере.

Многие катаклизмы, потрясающие общество, приводят к тому, что взрослые люди теряют социальные ориентиры, ощущают себя одинокими, брошенными, слабыми, вынуждены тратить все силы на физическое выживание, находятся в депрессии. Все эти чувства связаны с разрушением или значительным изменением социальных отношений, в которых они

существовали, а значит, с увеличением свободы. Эти взрослые люди-родители сами испытывают бессознательный страх, связанный с увеличением их свободы. В этом случае родители не в состоянии быть для ребенка опорой, символом незыблемости и уверенности. Если это приходится на детскую стадию сепарации-индивидуации, то такие дети вырастают со склонностью к зависимому поведению. Проигравшая в первой мировой войне и находящаяся в депрессии Германия породила к началу тридцатых годов целое поколение со склонностью к зависимому поведению, поколение, которое без внутреннего сопротивления приняло фашизм. Это же произошло и в России, когда та же война, а затем катастрофа семнадцатого года и гражданская война привели к образованию еще большего количества людей со склонностью к зависимому поведению. Когда они достигли активного, дееспособного возраста, то определили лицо всей страны. Из всех зависимостей им в большей степени был предложен тоталитаризм, и они его выбрали. Они выбрали рабство, убегая от своего бессознательного страха связанного со свободой.

Угрожающий рост подростковой наркомании в России в настоящее время обусловлен не столько предложением наркотиков, сколько готовностью подростков к их употреблению. Подростки - "дети перестройки", которая разрушила сложившиеся социальные отношения в обществе и отношения к миру у их родителей. Такие родители, неуверенные, напуганные и мятущиеся, не могли быть в полной мере гарантом стабильности и надежности для ребенка, обеспечить достаточной зависимости ребенка от взрослого. Их дети не смогли своевременно проиграть зависимость от родителя. Они отыгрывают ее сейчас и охотно используют то, что им предлагается, справляясь со своим бессознательным страхом.

Список литературы:

1. Анохин П.К. "Очерки по физиологии функциональных систем". М. "Медицина" 1975 г.
2. Бердяев Н.А. "Философия свободного духа". Издательство "Республика" 1994 г. : глава 4 . Свобода духа.
3. Виндельбанд В. "О свободе воли". Минск: Харвест; Москва: АСТ. 2000 г.
4. Сартр Жан Поль. "Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии" М. Издательство "Республика" . 2000 г.
5. Сорокин П. Глава 29 "Флуктуация идеациональной и чувственной свободы"// В кн. "Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений". Издательство Русского Христианского гуманитарного Института. С-Петербург. 2000 г.
6. Сорокин П. Глава 26 "Семейные, договорные и принудительные отношения и системы взаимодействия (группы)"// В кн. "Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений". Издательство Русского Христианского гуманитарного Института. С-Петербург. 2000 г.
7. Тайсон Ф., Тайсон Р.Л. "Психоаналитические теории развития". Изд-во "Деловая книга" Екатеринбург, 1998 г.

8. Фрейд З. \ Двадцать пятая лекция \ "Введение в психоанализ. Лекции". Москва "НАУКА" 1991.
9. Фрейд З. "Страх" из сборника "Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу". Минск "ПОПУРРИ" 1999 г.
10. Фромм Э. "Бегство от свободы" из сборника "Догмат о Христе". М.: Олимп, ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1998 г.
11. Шопенгауэр А. "О свободе воли" \ "Две основные проблемы этики" \ в кн. "Афоризмы и максимы". М. ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков. Изд-во "Фолио" 1998 г. (Серия "Антология мысли").
12. Энгельс Ф. "Антидюринг". М. Издательство политической литературы 1988 г. Отдел 1: Философия; Гл. 11: Мораль и право. Свобода и необходимость.
13. Юнг К.Г. "Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика". Киев: СИНТО 1995 г

Отражение и отыгрывание негативных чувств на символическом уровне в раннем детстве

А.В. Безруких, О.М. Пилявина

Тревога Эго присутствует постоянно на протяжении всего развития в детские годы. Ее напряжения между внутренними структурами. Тревога может быть представлена по фазам развития, тогда страхи и тревоги распространяются по инстинктивным фазам и связанными с ними внешними и внутренними опасностями, против которых они направлены. Также тревога может быть представлена в динамическом аспекте, посредством защит, которые держат страхи и тревоги под контролем, а также структурных факторов, определяющих успех и неудачу этих сдерживающих механизмов.

Тревога в структурных конфликтах вызывает защитные механизмы Эго и компромиссные образования страхов. При любых эмоциональных Расстройствах мы уходим в "безлюдную страну, находящуюся между реальностью и фантазией" как предполагала А. Фрейд. Ребенок страстно верит в реальность пугающего символа, вопреки всему тому, что говорит интеллект, (фигура ведьмы, как образ плохой матери - ребенок любит мать, боится ее и боится за нее).

Существует три источника построения объекта пугающего символического образа.

Во-первых, расщепление отрицаемых частей: "Я не ненавижу маму (папу), я люблю маму".

Во-вторых, проекция вытесненных "аффективных импульсов": "Я не хочу обижать маму, мама хочет обидеть меня".

В-третьих, смещение истинного объекта пугающего символа: "Не мама хочет на меня напасть, а паук, медуза, корова (бык) и т.п.

Дети имеют чувственный телесный опыт и эмоциональные отношения, им интересны загадки человеческого существования - "Как я появился? В чем разница между мальчиками и девочками?" Эти вопросы интерпретируются ими в соответствии с их собственными теориями и телесными ощущениями. Они влюбляются и испытывают ревность, у них бывают неясные желания и странные идеи, которые они скрывают от родителей. Отрицая детскую сексуальность и фантазирование, мы оставляем их наедине со своими проблемами и не можем облегчить тревогу, находящуюся в центре детской сексуальной жизни.

Для ребенка семья становится своеобразной психодрамой, где смешиваются любовь и ненависть, ревность и зависимость, страх и тоска. Амбивалентность достигает своего пика. Повсюду ребенка подстерегает опасность. Если он идет к одному родителю, то может расстроить другого, если он обособляется от одного родителя, тот не будет его больше любить. Если ребенок чувствует злость, то боится возмездия, если он чувствует любовь, то в своем воображении он представляет как его отвергают.

Родители, которые его любят и защищают, могут также на него напасть, покинуть, умереть, упасть духом, ругать, пытаться контролировать и т.д. Тревожащий и пугающий символ или ситуация является смесью тревожных импульсов как равнодействующая различных психических механизмов. Здесь может присутствовать страх быть съеденным, относящийся к "оральным" конфликтам и часто изображаемый и упоминаемый в сказках. Тревога по поводу плевания и дефекации (другая "роковая" идея, с которой сталкивается почти каждый родитель). Страх потери матери (сепарационная тревога), волнение по поводу того, откуда берутся сиблинги, и, наконец, доминирующая тревога кастрации. А. Фрейд замечает: "Страхи и тревоги... сливаются для ребенка в поглощающий символ, изображающий угрозу, оставшуюся от доэдиповой стадии, ровно как и страхи, доминирующие на стадии фаллического эдипова конфликта".

А. Фрейд писала, что дети бегут от объекта своего страха, но при этом попадают под его очарование и непреодолимо тянутся к нему. На этом принципе основаны многие детские стихи, считалки, игры и обряды. Так опасение распада, дефрагментации или гибели легко проследить на примере "Шалтая-Болтая". Он упал и разлетелся на такое количество кусочков, что "вся королевская конница, вся королевская рать" не могли его собрать. У страха неспособности восстановить Шалтая можно найти ряд источников. Здесь мы отмечаем боязнь дезинтеграции (первичный страх).

З.Фрейд дифференцировал два основных типа страха, более примитивный, первичный страх относится к травматическому опыту полного уничтожения, который может привести к гибели субъекта, в результате чего появляется большая напряженность. Этот автоматический страх защищен и возникающим позднее сигнальным страхом, который служит предупреждением о потенциальной возможности появления автоматического страха, т.е. боязни гибели. Именно защитным функциям сигнального страха, облаченным в символические образы и действия служат сказки, игры, считалки и образы. Его роль заключена в объединении внутреннего и внешнего уровня восприятия личности, посредством переходного объекта, т.е. символа.

Фрейд пишет: "Сигнальный страх не является непосредственной конфликтной инстинктивной напряженностью, но есть сигнал ожидаемой инстинктивной напряженности, возникающей в Эго". Фрейд полагал, что нечто подобное связано всеохватывающим опытом появления индивида на свет.

Обе формы страха, сигнальный и автоматический рассматриваются как производные от "психической беспомощности младенца, которая является спутником биологической беспомощности". Автоматический или первичный страх обозначает спонтанный тип реакции, связанной с описанием подлинного уничтожения, и является результатом сильного потрясения. Функция сигнального страха призвана "стимулировать" Эго к принятию защитных мер предосторожности с тем, чтобы первичный (автоматический) страх никогда не возникал. С помощью сигнального страха мы учимся

различать предупреждающие знаки или сигналы, воспринятые в результате плохого, не радостного или травматического опыта, с тем, чтобы стараться избежать повторения подобного опыта. Так страх кастрации на эдиповом уровне (как отделение от матери) отражен в детской считалке: "Раз, два, три, четыре, пять вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает прямо в зайчика стреляет. Пиф, паф, ое-ей, погибает зайчик мой. Принесли его домой, оказался он живой".

Рассмотрим символические образы данной считалки:

- выстрел охотника как фантазии на тему агрессии отца;
- гибель зайчика как свершение кастрационного акта;
- "принесли его домой" как возвращение в чрево матери.

Фрейд определял потерю объекта любви как один из наиболее существенных страхов. Его акцент на центральной роли боязни кастрации или потери целостности тела (особенно пениса у маленьких мальчиков) можно рассматривать как вариант страха разлуки или потери.

Потеря пениса не только означает потерю источника удовольствия, но также имеет нарциссическую значимость для ребенка. Пенис становится средством (в фантазии, а затем и в последующей сексуальной жизни) восстановления в символической форме утраченного первичного союза с материнским началом.

Предсказуемость уменьшает тревогу, страх и беспокойство, так как она подразумевает уменьшение неуверенности и беспомощности, которые являются основными факторами появления этих чувств. В доказательство этого утверждения можно привести ряд проявлений того как дети любят чтобы им читали и рассказывали сказки, которые их вначале очень пугали, любят смотреть и слушать "страшные" истории, триллеры и ужасы. Им нравится играть в игры где они стараются избежать ситуаций когда они могут столкнуться с "пугающим" объектом, проигрывая данную ситуацию много раз, они убеждают себя в том, что они не беспомощны и могут с триумфом предсказать появление такого объекта. Сам символический ритуал игры это способ привязки более общего страха и беспокойства к определенной игровой ситуации, к игровому пространству, которая в этом случае становится более управляемой. При этом уменьшается беспомощность, лежащую в основе страха и беспокойства. Например, различные "прятки", "пятнашки" где страх и очарование объединены воедино, вызывая бурные чувства страха и восторга. Желание спрятаться - сепарироваться и желание быть найденным, припасаемым, поглощённым. В подобных играх отражены тревога и страх потери объекта привязанности и их эмоциональная регуляция.

Фрейд полагал, что нереализованное либидо становится "проклятьем", подобно ядовитому веществу, превращается в страх, тревогу и беспокойство.

Участие в сексуальных играх призваны снять эти блокиаторы и избавиться от страха и тревоги. К таким играм можно отнести игру-действие "По кочкам, по кочкам, по гладеньким дорожкам, в ямку бух!" Здесь на символическом уровне отражены этапы рождения ребенка и ритмичные

сексуальные переживания с резким толчком-падением в конце игры "Прыжки через скакалку", "лазание по канату", "перетягивание каната" все эти игры на символическом уровне отражают пупочную связь с первичным объектом и восстанавливают первые эротические игры младенца с пуповиной.

Наступающая разрядка в конце игры сокращает накопление инстинктивной напряженности, восстанавливает равновесие и приносит радость. Это явление наблюдается как среди участников массовых игр, так и среди наблюдающих болельщиков, следящих за ходом игры. Здесь можно отследить нарастающее ожидание победы или поражения в рамках стандартной конфликтной ситуации, когда триумф соседствует с унижением. В ходе игры неуверенность и напряженность порождают страх и тревогу. Крики участников и окружающих представляют собой социально-приемлемый метод высвобождения накопленной энергии. Благополучное завершение игры ведет к спаду страха, тревоги и напряжения, выражающейся в криках, воплях и телодвижениях. Этот всплеск радости ощутим и чем-то напоминает оргазм. Важно также и то, что вся эта гамма чувств ощущается сразу большим количеством участников, что весьма полезно для преодоления негативных чувств. Ведь, в данном случае они переживаются всеми, а таким образом с ними легче справиться. Кроме того, в игровом пространстве, происходит интеграция двух видов энергии- либидо и мартидо, а также хороших и плохих объектов. Например, в детском стихе-действе "сорока-ворона" на символическом уровне сорока-ворона представлена как "хорошая и плохая" мать. Она имеет "хороших и плохих" детей, которых воспитывает, поощряет и наказывает.

Психоаналитики утверждают, что плод в утробе матери представляет собой величайший интерес для ребенка. Фантазия о внутриутробном существовании агрессивное желание вынуть плод из тела матери, тело как первый объект философских вопросов ребенка были описаны Фрейдом и Кляйн. По мнению Кляйн, страх наказания за фантазии о нападении на мать может превратить все тело во "вместилище ужасов". Если я хочу напасть на вас изнутри и вывернуть все содержимое наизнанку, то вы можете хотеть сделать со мной то же самое (проективная идентификация). Отсюда появляется детский страх перед грабителями и взломщиками. В своей фантазии ребенок внедряется в тело матери для того, чтобы нанести ему ущерб или выкрасть его содержимое. Импульс у ребенка превращается в страх перед взломщиками, которые могут придти в дом за ним. Подобные идеи могут возрождаться в подростковом возрасте, можно найти возвращение вытесняемого среди часто встречающихся тем в фильмах ужасов. Маленькие дети и подростки смотрят фильмы ужасов, чтобы испугавшись, вновь обрести контроль над своими страхами. Такие навязчивые страхи всплывают в снах и наполняют детские игры. Игра позволяет ребенку выразить и тем самым локализовать свой страх, сделать его приемлемым ("разбойники", "Робин Гуд").

Детский страх грабителей и воров-домушников отличается от боязни реальных грабителей. Теория Кляйн помогает понять смысл этих беспокойств, когда ребенок в своих фантазиях вторгается в тело матери - свой первый дом, чтобы причинить ему ущерб или совершить там кражу, отсюда и страхи возмездия - грабители, залезающие в окно, чтобы зарезать или утащить ребенка. Такие навязчивые виды поведения порождают страхи, когда ребенок вытряхивает все содержимое маминой сумочки или залезает между родителями в их кровать, когда они ласкают друг друга. Это отражено в детской песенке "Баю баюшки баю, не ложися на краю, придет серенький волчок и укусит за бочок". Материнское тело является вместилищем ужасов, становится также нашим первым домом и нашим первым источником безопасности. Подсознательное припоминание внутриутробного существования создает ощущение сверхъестественности, т.к. оно является частью нашего предшествующего опыта, завлекая нас в желанное и опасное место, полное ужасных удовольствий и изысканного мучения. Часто в фильмах ужаса материнская утроба символизирует нечто вроде гроба или тематики замуровывания. Так изображается ужас и очарование внутриутробной жизни. Воображение маленького ребенка может привести к идее появления младенца из ануса (по представлению Фрейда и других психоаналитиков). Такое воображение, строящаяся по образцу их собственного телесного опыта, отложившись в бессознательном может привести на символическом уровне к страху перед колодцами - как страх быть запертым в прямой кишке - воплощающей все "плохое и отвратительное". Часто дети во время игр любят лазать по узким проходам, туннелям и т.п.

Символический образ обладает одновременно интрапсихическими и межличностными функциями. Выполняя интрапсихические функции, символы являются средством выражения ярких чувств; временно снимают проблему амбивалентности; выражают тревогу в понятной форме и дают возможность контролировать ее; стабилизируют и легитимизируют бурную фантазию. Символам присущ прогрессивный аспект. В них содержится образное представление тех явлений, которые человек должен преодолеть для того, чтобы стать более зрелым.

Велика роль формирования символа на шизоидно-параноидной стадии развития, но не менее значима его роль и на эдиповой стадии, в тот период, когда едва возникшее Супер-Эго начинает проявлять себя. Свободное выражение либидинальных и агрессивных желаний становится не приемлемым, ребенок начинает опасаться последствий своих эмоциональных проявлений. Символ может вести себя как беспристрастное независимое Супер-Эго, регулирующее хаотические и фрагментарные эдиповы импульсы ребенка, угрожая наказанием. Так же, как игрушка может служить средством отыгрывания темных эмоций и запретных желаний или используется в процессе игры для воспроизведения травмирующей ситуации, так символический образ (или ситуация в игровом пространстве) одновременно выражает эмоцию и сдерживает ее. Например, в считалке "Вышел немец из

тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе голить" символизм связывает внутренний мир ребенка с внешним, соединяя поток подавленных желаний и идей с родительским фактором.

Так обряд прыгання через огонь, лазанья на шест несут в себе символизацию инициации, а также позволяет отыгрывать эдипово-фалические аспекты развития.

В свою очередь озорные соревновательные игры "футбол", "волейбол" отражают интеграцию полярных эмоций, фалическое соревнование и отыгрывают фантазии борьбы, обладания, подчинения материнского чрева (мяч). Подобные игры с соревновательным эффектом и элементами агрессии предоставляют своего рода страховку: родители не превращаются в чудовищ; амбивалентные чувства не разрывают ребенка на части; реальный мир снова становится безопасным. Здесь возникает конфликт между силами, которые помогают развитию и силами, замедляющими его развитие. Игровую символизацию можно рассматривать как результат противоборства между этими конкурирующими тенденциями. Игровое пространство не допускает реальность слишком близко, давая возможность ребенку взрослеть со свойственной ему скоростью.

В заключении можно предположить, что отыгрывание чувства вины, страха, разлуки с объектом и тревоги в раннем детстве осуществляется через игровое пространство посредством игр, считалок, обрядов, стихов, сказок, фильмов и т.п. где символы в качестве переходного объекта или игровой ситуации служат развитию ребенка. Гибкое, развитое игровое пространство способствует творчеству, успешной сепарации-индивидуации и интеграции частей объекта. Нарушение игрового пространства ведет к нарушению развития ребенка и нарушению символизации. При нарушениях символизации ребенок не способен включиться в игровую ситуацию. Даже вынужденный в ней участвовать он ощущает себя неловким, неуклюжим и изолированным, часто не понимая и не принимая содержание игры. Отсюда уровень тревоги и страха еще больше повышается. Ему трудно взаимодействовать с ровесниками, что говорит в пользу нарушения объектных отношений. Эмоциональный мир такого ребенка сужен и заморожен. Аутичность при сохранности интеллекта часто позволяет такому ребенку использовать защиты второго порядка, объясняя себе и другим, что ему просто не хочется, не интересно играть в такие "детские" игры.

Развитие символизации способствует правильному развитию индивида, помогает справиться с тревогой, взять под контроль беспокойство и страхи. Это развитие объединяет внешнее и внутреннее пространство (реальный и фантазийный мир) ребенка.

Чем раньше и глубже нарушен процесс символизации, тем ярче просматриваются тяжелые личностные расстройства, а невозможность контроля над страхом выливается во всевозможные его виды. Приступы паники наблюдаются, когда индивид не в силах обуздать страх и чувствует, что его захлестывают неосознанные, безымянные эмоции, которые часто ведут к психическим расстройствам.

С сайта Байкальской психоаналитической ассоциации

Контрпереносное отыгрывание или принцип бумеранга

О. С. Сахновская

Молодая женщина, терапия с которой длилась около 6 лет и была весьма удовлетворительной, как на ее, так и на мой взгляд, за два месяца до окончания лечения рассказала о некоей тайне, хранимой ею на протяжении нескольких лет. Эта тайна касалась меня и заключалась в следующем: примерно через год после начала аналитической работы она ехала в одном со мной автобусе и наблюдала скандал, разразившийся между несколькими пассажирами, в числе которых была и я, и контролером. Я мгновенно вспомнила эту ситуацию, т.к. она была крайне неприятной: контролер, чрезмерно агрессивный и психопатичный тип даже для этой специфической профессии, умело доводил людей до иступления. Она сказала, что не могла рассказать об этом раньше, т.к. я бы разозлилась на нее за то, что она видела меня в совершенно другой роли, чем я предстаю перед ней в кабинете. Хотя и сейчас опасения остались, она понимает, что, унося эту тайну с собой, она снизит ценность проделанной нами работы.

Это прозвучало диссонансом. В этой терапии было много трудностей, но хороший рабочий альянс и доверие все же преобладали. Да и сам рассказ совершенно не соответствовал не только моему восприятию той ситуации, но и обычной практике взаимодействия с автобусными контролерами.

Она запомнила мои слова «вы ведете себя как ненормальный». Так говорила ее мама, когда она вырывалась из отведенных ей границ. Так могла сказать ей я, и это значило бы, что она больше не может приходить, а я не та, за которую себя выдаю. Я сразу заняла место агрессора - контролера. Ее место - место жертвы (привычная для нее расстановка сил). Этот эпизод стал достоянием ее внутренней реальности, жгучей тайной, угрожавшей уничтожить достигнутые нами результаты. Психотическая капсула, хранимая многие годы, должна была быть выброшена в аналитическое пространство, обезврежена. Она решается сказать об этом. Могло быть иначе. Пытаясь исследовать, что оказалось причиной такого расщепления, я натолкнулась на один эпизод, который, впрочем, никогда и не исчезал из моей памяти.

Но давайте, начнем с начала. Она (в дальнейшем К.) обратилась с просьбой помочь разрешить ряд проблем, возникающих при общении с мужем и ребенком. Ее ревность выливалась в тяжелые конфликты, она чувствовала себя плохой матерью своему семилетнему сыну и не умела строить отношений втроем. Ей тогда было 24 года, в первый раз она вышла замуж в 16 лет, сын с 2 лет жил с ее родителями, а она со своим новым мужем. К. имела среднее специальное образование и училась в институте.

Мы договорились об аналитической терапии 2-3 раза в неделю. Она начала старательно рассказывать историю своей жизни.

Создавалось впечатление, что она была несчастливым ребенком. Страдала от кошмаров, боялась оставаться одна, но еще сильнее боялась сказать об этом. В снах за ней гнались чудовища, спастись от которых было невозможно: опасность бежала вместе с ней самой, внутри нее. Ее часто ругали, иногда били. Во всех неприятностях своего детства К. была склонна обвинять маму. Она, единственный ребенок в семье, чувствовала себя там совершенно бесправной, «мебелью, которую можно переставлять или не замечать». К. знала, как просто заслужить наказание, но невозможно – похвалу. Начинания перечеркивались маминой критикой. Выражение любых чувств с ее стороны встречал недоумевающий взгляд. Она не помнила себя резвящимся ребенком. С детства и на протяжении многих лет К. страдала гипертонией. Ее внутреннее напряжение, невозможность выразить себя выливалось в болезнь. Что бы выжить она должна была быть хорошей девочкой и была ею.

Первые несколько сессий прошли в эмоциональном вакууме. Она представлялась мне человеком в водолажном костюме – идеально облегающем, но и идеально изолирующим. Через некоторое время, однако, К. рассказала историю об умершем щенке. Она была маленькой, одинокой девочкой и он был очень дорогим для нее существом, но она почти не плакала, когда он погиб – мама сочла бы ее слезы неуместными. Она как будто проверяла меня: позволю ли я выражать жалость, испытывать боль. Мое понимание тех ее детских переживаний немного разморозило ее. Она смогла оплакать утрату щенка, а затем, и некоторые свои детские обиды. К. вспомнила, как у нее, не имевшей возможности выразить чувства, пошла горлом кровь.

Но изменения пугали ее. Ей казалось, что ни она сама, ни я, ни ее окружение не примут ее такой. К. опаздывала и ожидала увидеть в кабинете на кушетке вместо себя, очень плохой, другого пациента - идеальную девочку, которую любят родители и я. Она представляла, что обратная сторона таблички «свободно», висящей на моем кабинете – «занято», как в уборной поезда и, что в ее недрах столько ужасающего, что стоит лишь вынуть пробку, как все вокруг будет убито. К. очень желала и страшилась доверия ко мне. Тестировала мои чувства к ней. Она казалась себя вампиром, которому могут дать меньше, чем имеют. Обнаружилось, что в основе ее конфликтов с мужем лежит не ревность к другим женщинам, а зависть к нему самому: она завидовала его финансовой свободе, он казался ей скарредным и дающим другим больше, чем ей. К. хотела владеть им безраздельно.

Атмосфера на сессиях заметно изменилась, К. стала более открытой, эмоциональной, но, дойдя до некой черты, она остановилась. Ее потребность заслужить любовь и страх оказаться недостойной любви заставляли ее как будто уплотнять свою оболочку. Эта оболочка оставляла ее желания и не принимаемые мамой чувства внутри нее, а возможные нападения - снаружи.

Она становилась все плотнее, а мои усилия что-то изменить были тщетны, и лишь усиливали сопротивление. Я стала чувствовать себя беспомощной, неуспешной. Пыталась уловить свои чувства и угадать ее. Росло раздражение. Мы как будто вернулись к началу. Она рассказала, что как-то потребовала купить игрушку и устроила истерику в магазине. Ей страстно хотелось получить у мамы доказательства любви. Она повествовала о все более и более сильных чувствах, но ощущение отгороженности, как от меня, так и от собственных переживаний усиливалось. Она страшилась той массы чувств, которая бушевала внутри нее. Их нельзя было выпустить наружу. И у нее и у меня появились головные боли. Это был путь, который привел ее к гипертонии.

Эта граница стала непреодолимой. У меня возникло устойчивое ощущение, что все усилия тщетны. У нее усиливался страх стать зависимой от меня, привыкнуть. «Вы мне никто и я Вам никто» – это звучало как заклинание. Опоздания перешли в пропуски. Возникали образы отрешенности, неизбежного одиночества. Я иногда воспринималась кричащей. На сессиях царил все тот же эмоциональный вакуум. «Готова подойти ближе, но не знаю, как» - говорила К. «Мне представляется картина: психоаналитический кабинет, буйно помешанный клиент выливает все на аналитика. Он припадочный. Всю ярость я выливаю на близких, а здесь боюсь – мне скажут - все финиш. Решилась попросить книги для экзамена по философии. Если у Вас есть такие-то... Долго не решалась – просят только у близкого. Их не всякий любит давать. Это личная, почти интимная вещь. Я не думаю, что это возможно, но это было бы Вашим доверием ко мне, шагом вперед, которого так не хватает».

Эта ситуация показалась мне похожей на рассказ о щенке. К. помогала себе и мне преодолеть безвоздушное пространство. Казалось, что, не дав эти книги, я его увеличу. После некоторого обсуждения книги были ей отданы. Она держала их у себя некоторое время, забывая принести. Ее отношение к маме изменилось, она плакала, говорила более открыто, чувствовала поддержку с моей стороны. Через некоторое время книги были возвращены. «Отпала нужда в них. Стало менее важно ваше мнение. Могу больше справляться сама. Теперь могу отдать часть боли и не бояться, что Вы скажите, что нужно говорить, а что нет. И книг не надо в залог». Вскоре в ее рассказах появился образ бабушки, к которой она убегала из дома в поисках заботы и тепла.

Со временем, К. стала более открыта в выражении своих негативных чувств ко мне. Она рассказала, что раньше это было невозможно, т.к. переносные чувства перекрывали ощущение реальности (например, ей могло казаться, что я громко кричу на нее за что-то, вызывающее самоосуждение, и смысл моих слов тонул в ее страхе). Как-то К. не пришла на сессию, оставшись дома с мужем и представляя меня одинокой, ожидающей ее. Она рассказала, как было хорошо, когда я была в отпуске, какие хорошие отношения у нее были с мужем. Отец всегда выбирал мать, хотя, как думала К. в детстве, она была бы ему лучшей женой. Иногда мама уезжала и тогда

наступала прекрасная, свободная жизнь. Они жарили мясо и, даже сильно переперчив, съедали его с огромным удовольствием. Она могла быть очень хорошей без мамы. К. проследила изменения образа матери в сновидениях на протяжении терапии. Обычно кто-то ужасный гнался за ней, и это могло повредить и ей и окружающим, т.к. преследователь одновременно был и ею. Затем образ разделился, и она перестала представлять угрозу для окружающих, но спасения не было, и она просыпалась. Постепенно чудовище стало уменьшаться и как-то предстало в виде дикой кошки в моей одежде, которой можно было противостоять и не быть убитой. Часто он видела сны, в которых прозрачная жидкость или слизь находящиеся у нее во рту или горле мешали ей дышать и говорить. Смысл этих снов не был нам понятен.

Терапия двигалась вперед. Были решены многие проблемы. Примерно в то же время она перестала бояться своей зависимости от меня. Зависимости, которая в детстве причиняла ей столько боли. Она сама не узнавала себя, получившую новую профессию, ставшую успешной и уверенной в ней, живущую вместе с сыном и получающую удовольствие от своего материнства, более спокойную и уравновешенную в отношениях с мужем и родителями, имеющую друзей, свои интересы. Наиболее постоянным признаком переноса было ее ощущение, что она приходит в кабинет не для себя, а для меня. Она вынуждена подчиняться (опоздания и пропуски, продолжавшиеся почти на протяжении всего времени были компромиссом). Но, наконец, и это ощущения осталось в прошлом, и она почувствовала, что проживает свою, ею самой обустроенную жизнь, течение которой ей приятно, направление во многом зависит от ее собственной воли, а препятствия, которые могут ей встретиться, преодолимы. Мы договорились об окончании через несколько месяцев и, вскоре была рассказана тайна.

Как уже, наверное, стало понятно, первая ассоциация, которая возникла у меня, при размышлении о тайне, касалась эпизода с книгами. Страх, что на самом деле я считаю ее ненормальной из-за тех чувств, которых она боится, и которые могут взорвать ее или мир вокруг; страх преследования и спутанность границ (кто кого преследует и кто пострадает) - все эти представления, бывшие такими яркими до передачи книг и исчезнувшие во время терапии, возникли вновь в этой тайне, как «затерянный мир». Чем же явилась эта ситуация с книгами для терапии. Что заставило меня дать их, что было приобретено и что потеряно благодаря ей. Что побудило меня считать, что дать книги – хорошее и единственно правильное решение. В основном я уже говорила об этом. Безысходность, тупиковость ситуации, нежелание переносить свою беспомощность; страх, что пациентка сочтет бесполезной такую терапию – все это толкало к действию. В целом, можно сказать, что я испытывала внутреннее напряжение, от которого в силу разнообразных причин (отсутствия уверенности, опыта и достаточной возможности интроспекции своего контрпереноса) я избавилась, воспользовавшись случаем. «Действие – это отыгрывание того, что не может

быть вспомнено или чрезмерно аффективно заряжено, что бы быть допущено в сознание» - говорит Фрейд.

Давайте рассмотрим книжную ситуацию с разных сторон. С точки зрения пациентки, я совершила неожиданный поступок: я повела себя так, как по ее опыту (или по ее представлению) мама не должна себя с ней вести, но так как она хотела бы (на первый взгляд), что бы себя с ней вели. Это изумляет ее и приносит свои плоды. Я как будто становлюсь другой, дающей мамой, она приобретает иной опыт отношений.

На протяжении всех лет совместной работы меня не покидал некоторый дискомфорт в отношении этой ситуации, который можно охарактеризовать как угрозу со стороны с-эго. Я вспомнила, как синтонно восприняла тогда, то, что иностранный супервизор скривился, услышав мой рассказ. Однако смысл пометки по поводу котрпереноса, сделанной на той супервизии - «что-то мешает вступить в борьбу по поводу книг», был мне не ясен. Начался период рефлексии. Чего же я не смогла понять, почувствовать, заметить. Медленно, как старая переводная картинка стало приходить понимание.

Я вспомнила ее историю об истерике в магазине, рассказанную незадолго до просьбы о книгах. Рассказ о желании получить любовь и невозможности сделать это иначе, из-за тотального недоверия. Теперь история с книгами стала казаться мне в чем-то похожей. И здесь и там присутствовали злость, желание выйти за рамки и контроль: если не так, то никак; не уступлю и не буду доверять. Ведь мама не купила игрушку - не любила.

Далее ассоциации привели меня к известному случаю П.Кейсмента - пациентки, перенесшей в младенчестве операцию, просившей держать ее за руку, чего не сделала ее мама, упавшая в операционной в обморок. Я хорошо помнила этот случай, но к своему удивлению, в этой ситуации не могла сказать определенно, держал ли он в действительности пациентку за руку или нет. Это говорило о какой-то эмоциональной спутанности. Размышляя о том, чем явилось бы его согласи держать пациентку за руку, Кейсмент пишет: «1) Я действительно предлагал бы себя в качестве лучшей матери, продолжавшей держать миссис Б. За руку, в отличие от матери реальной, не сумевшей выдержать все то, что произошло; 2) мое предложение частично было бы продиктовано боязнью потерять пациентку; 3) если я буду держать пациентку за руку, это почти определенно не поможет ей пережить первоначальную травму вновь, на что она надеялась.... Наоборот, это было бы равносильно утрате ключевого фактора травмы и могло лишь укрепить восприятие данного обстоятельства, как чего-то совершенно ужасного, что бы быть хорошо запомненным или пережитым» (1).

Если мать не может вынести чувств ребенка, он ощущает их смертельно опасными. Терапевт имеет возможность впустить их в свой внутренний мир, позволить им соединиться со своими, понять и потом вернуть пациенту в переносимой форме. Становясь иной, лучшей мамой, я, прежде всего, перестаю быть терапевтом, который помогает принять

прошлое, и подтверждаю его непереносимость. Передавая ей книги я показываю, что не могу дотронуться до своих и ее чувств, связанных с невозможностью получить искомую любовь пережить отчаяние и злость и ненависть ребенка, который хочет игрушку так, что чувствует, что от этого зависит его жизнь. Но именно это я и должна была дать ей пережить. Я же реагирую лишь на верхушку айсберга – разрешенное взаимодействие. Становлюсь хорошей мамой, расщепляя образ (появляется идеализированная бабушка). Думаю, что именно этот момент стал той песчинкой, на которой затем выкристаллизовалась тайна, Я стала персонажем ее сценария. Здесь начинаются терапевтические утраты.

Теперь, по прошествии нескольких лет, приобретя большой опыт, освободившись от корттрпереносных чувств, я смогла представить иной ход событий. Напряжение в аналитическом пространстве, ставшее непереносимым для меня (но, возможно, вполне переносимое для нее), могло бы быть осмысленно мною, как ее невозможность получить помощь от матери, ее злость, ревность, желание контроля. Я не смогла почувствовать и понять из материала сессий, того, что она зла на меня, готова взорвать кабинет, но боится своих чувств и моей мести. Я тоже боялась их. «Иногда именно интенсивность чувств и выступает основным коммуникативным фактором. И тогда психотерапевты, реагирующие адекватно на такую коммуникацию, обнаруживают переживание в себе чувств, сходных по интенсивности» (Кейсмент).

Моя реакция не была адекватной - я отнесла их к возможным последствиям того, что я не смогу ей помочь чувствовать себя в безопасности и испытывать доверие. Мы как будто на бессознательном уровне договорились игнорировать все, что может нарушить общение хорошей девочки и доброй мамы, хотя на уровне слов тема агрессии муссировалась бесконечно.

В результате получился почти точный слепок с ее способа взаимодействия с мамой. Она злиться, я не понимаю ее и не принимаю ее чувств, и мы обе избегаем этого уровня общения. Книги проделали брешь в аналитическом пространстве, снизили напряжение и выпустили наружу часть важного материала, утратив его для анализа. Так и она убегала к бабушке, не решая проблем взаимоотношений с мамой. Там у бабушки было добро, а у мамы зло. Я, не принявшая ее злости, таю опасность, могу наказать. Этот образ питается ее невыраженными чувствами (отсюда спутанность: в ком источник опасности во снах, кто жертва, а кто преследователь и т.д.) Впечатления от сцены в автобусе падают на благодатную почву, где внутренний хаос удобрен беспорядком в анализе. Монстры из ночных кошмаров, хищные звери, ясно угадывающиеся в моем образе из автобуса, поселяются за стенами кабинета.

Распознавание неправильных представлений фактически стало решающей задачей анализа, с тех пор как Фрейд открыл перенос. Отношения с аналитиком, возникающие в ситуации «здесь и сейчас», представление, сформированное об аналитике, и постепенный его анализ, позволяет

пациенту корректировать образы; например, пациент реагирует на аналитика, как если бы он был объектом из его прошлого и постепенно приходит к осознанию этого. В этом процессе корректируются не только неправильные представления текущих взаимоотношений, но и пересматривается прошлое, меняется его психическая реальность – теория о нем самом и о других (Сегал, Эйчеговен). Он не идеальная мама из фантазии, а живой человек, который не боится чувств пациента и может помочь ему в том, что бы справиться с ситуацией, а не удовлетворить желание. Мы помогаем иному обращению с ситуацией и оплакиванию невозможности непосредственного исполнения желаний.

Моя пациентка понимала, что аналитические отношения не предполагают обмена книгами, и испытывала по этому поводу некоторое смущение. Она говорила, что книгами обмениваются при очень близких отношениях. Пациентка, описанная Хоффманом, ожидая звонка своего терапевта, о котором долго просила, другому врачу, восклицала: «Это безумие, я могла попросить об этом друга, я могла попросить об этом кого угодно» (4). Все это означает, что такого рода взаимодействия, избавляющие терапевтов от переживаний под благовидным предлогом эмпатии, делают нас инцестуозными фигурами, не позволяющими исследовать эдипальные конфликты. Не замечать Эдипов комплекс и подменять его положительным объектом – значит не вскрыть более глубокие слои, которые могут при возбуждении более поверхностного уровня вызывать психотические переживания.

Шоннеси (2) говорит, что эдипальный материал может быть «невидимы» не вследствие его отсутствия, а потому, что он столь важен, что пациент прибегает к психическим способам его сокрытия. Аналитик является внешним объектом для размышляющего сознания пациента. Важно не то, что аналитик говорит объективную истину, а то, что отличие ракурса, предлагаемого аналитиком, дает возможность пациенту пересмотреть и, возможно, изменить свой собственный взгляд. Мы делаем два шага: настройка и эмпатия к внутреннему миру анализанда, и после этого создаем новую разделяемую реальность, в которой аналитик участвует со своим «другим» взглядом, показывая, что отношения могут быть иными, нежели те, что выписаны в его сценарии. Я же осталась в плоскости отношений пациентки с ее значимыми объектами, на сцене, где роли давно определены и лишь до времени меняются их знаки. От любви до ненависти один шаг или меньше.

Вооружившись этими соображениями, я просмотрела записи сессий. Без удивления, я обнаружила массу материала, предваряющего просьбу о книгах, говорящего об эдипальном соперничестве, о злости и зависти о недоверии женщинам, страхе сближения с ними и способах избегать таких отношений или контролировать их, скрытого для меня тогда. Наконец стала прочитываться самая неясная тема - тема жидкости, или слизи мешавших дышать и говорить. Она основывалась на эдипальных фантазиях, замешанных на оральности. Но это я заткнула ей рот, не дав выкрикнуть свои

чувства, оставив захлебываться в фантазиях. Не случайно перед рассказом о тайне он видел сон, в котором ее сыну снимают брекет систему. Больше не нужно ходить к врачу и платить – его рот, несколько лет сомкнутый в тисках стал свободен. Теперь, когда она стала принимать сына, почувствовала себя принятой матерью, а значит, и сама смогла быть ею, она – выздоровевший ребенок, который уже может свободно говорить, кусать, лечить себя, не завися от врача, которому нужно было платить за возможность говорить и за возможность молчать. Теперь, уже не скованная страхом, она, находит возможным показать в аналитическом пространстве отщепленный материал, сохраняющийся в фантазийном мире и позволить мне вывести ее наружу к себе же нынешней и интегрировать образы себя и меня.

Итак, к каким выводам можно прийти в результате этих размышлений. Аналитические отношения приводят к тому, что пациент воздействует на чувства терапевта, вызывая к жизни его собственные конфликты. Нежелание или невозможность их переживать заставляет терапевта прибегать к различным способам снижения напряженности взаимодействия, в аналитическом пространстве. Ими могут быть активное использование генетических интерпретаций, контрпереносное отыгрывание и т.д. Последнее, будучи проанализировано может быть ценнейшим материалом терапии: через собственные конфликты мы приходим к пониманию конфликтов пациента (Smith). Но оставаясь вне аналитического поля, оно становится частью реального взаимодействия пациента и аналитика, их историей, продолжающей отношения с внутренними объектами и, живя параллельной жизнью, исчезает из свободных ассоциаций, теряя возможность быть проанализированными. Под эмпатией может скрываться беспомощность самого терапевта, (помноженная на контрперенос, вызываемый ожившими в терапии персонажами внутреннего мира пациента), которую, исходя из своих интересов, он проецирует на пациента, не углубляя понимания, а сужая сообразно собственным возможностям восприятия. При этом оставляемый и удерживаемый за рамками анализа, мир чувств пациента, полный агрессии, сексуальных фантазий и другого вытесненного материала возвращается к нему бумерангом.

Литература:

1. Кейсмент П. Обучаясь у пациента. 1985г.
2. Шонесси Эдипов комплекс. М. Nota Bene, 2002 г.
3. Этчегоен Г. Эмпатия. Ж. Практической психологии и психоанализа. №12.
4. Hoffman, цит. по Стаффекс А. Материалы 9-ой ЛШ IPA, 2002г.
5. Segal H. Phantasy and reality. Int. J. Psycho-Anal. 1994, 75, 395-401.
6. Smith H. Countertransference, conflictual listening. J. Amer. Psychoanal. As. V.48\1, 2000.

Перенос: эволюция представлений и возможные нейрофизиологические механизмы

Т.В.Алейникова

«Трансфер (перенос) в психоанализе означает процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений, установившихся с этими объектами (прежде всего — в рамках аналитических отношений). При этом детские прообразы переживаются вновь с ощущением их особой актуальности» (Лапланш, Понталис, 1967).

В человеческой жизни перенос — явление универсальное. Он зависит от прошлого опыта и оказывает постоянное влияние на жизнь в настоящий период, так что матрица «здесь и теперь» несет в себе четкий отпечаток матрицы «там и тогда». Кроме того, немаловажным фактором являются собственные (генетические: психо- и нейрофизиологические, а следовательно, и психобиохимические) особенности личности. И конечно на характер переноса накладывает отпечаток формирующаяся аналитическая ситуация, сам аналитик, его внешний вид, пол, возраст, стиль поведения и, естественно, сопровождающее анализ сопротивление пациента.

З.Фрейд различал позитивный и негативный перенос и обращал внимание на сопутствующее переносу проявление сопротивления воспоминаниям при приближении ассоциаций к бессознательным конфликтам.

Позитивный перенос, даже если он сильный, находится в рамках рабочего альянса, в то время как негативный перенос, являя собой сопротивление, способен свести к нулю возможности аналитика действовать в терапевтическом направлении. Анализ негативного переноса способен разрушить его и восстановить рабочий альянс. Особый случай представляет собой позитивный эротизированный перенос, часто затрудняющий сохранение психоаналитической ситуации.

Если пациент переносит на аналитика бессознательные желания, вытесненные в отношениях с другими значимыми для него людьми, то обычно возникает сильное трансферентное сопротивление, приводящее к нарушению дальнейшей коммуникации с аналитиком. При этом особый смысл придается сопротивлению осознанию переноса. Это сопротивление осознанию переноса говорит в пользу универсальности, значимости переноса. Характер же развития переноса зависит от ряда условий, связанных с психофизиологическими особенностями личности, с доминирующими мотивациями, выработанными установками и т.д. Так, позитивный перенос может превратиться в трансферентную любовь и эротизированный перенос, а может в конце концов стать негативным переносом.

Если сначала, по представлениям Фрейда, перенос (равно как и контрперенос) рассматривался в рамках психоаналитических отношений между пациентом и аналитиком, то впоследствии в более поздних

исследованиях представления о границах переноса существенно расширились и практически с позиций переноса оказалось возможным рассматривать все события, возникающие в реальной жизни человека, в его сновидениях, фантазиях, а также в межличностных отношениях.

Вопрос в том, почему срабатывает тот или иной вид переноса у разных людей, а в ряде случаев у одного и того же человека. Связаны ли эти процессы с какими-либо психо- и нейрофизиологическими механизмами? Можно попробовать рассмотреть вопросы переноса с позиций психо- и нейрофизиологии (а также нейрохимии).

Итак, с психоаналитических позиций перенос рассматривается как распространение бессознательных желаний на иные объекты, то-есть в этом случае мы имеем дело с процессом иррадиации возбуждения из области доминирующей мотивации на другие зоны мозга, вовлеченные в данном случае в деятельность. Выбором доминирующей и субдоминантной мотивации занимаются в основном гипоталамус и миндалина (Симонов, 1981, 1987). Положительный либо отрицательный знак переноса, естественно, связан с доминированием положительного либо отрицательного эмоционального состояния, что в свою очередь может зависеть от запуска аналитиком (либо ситуацией) этого состояния по механизму условного рефлекса (в терминах НЛП — от того или иного «якоря»).

Естественно, если нет прочного «застревания» в доминирующей эмоции, изменение эмоционального фона возможно при замене «якоря», и тогда негативный перенос может легко превратиться в позитивный (и наоборот). Доминирование нейронных конструкций мозга, связанных с сексуальной мотивацией (гиппокамп и другие структуры архипалеокортекса) ведет к превращению переноса в эротизированный, а связанных с агрессией (амигдалы, пириформная кора) — в агрессивный.

В основе сформировавшейся патологической эмоциональной доминанты (например, «плохая грудь» — «плохая мать», по М. Кляйн, 1919) могут лежать функциональные кольцевые нейронные конструкции, обеспечивающие возможности для реверберации нервных импульсов по этим нейронным кольцам, что должно привести к фиксации и эмоциональному «застреванию» пациента в его проблеме, а на этом фоне — к отрицательному переносу на аналитика. Для устранения такого переноса (а равно и «застревания» в проблеме) кольцевые ритмы должны быть разрушены. Этому способствует работа с эмпатией, а также использование современной фармакохимии (конечно только при рекомендации и под контролем врача), неизвестной во времена формирования психоаналитического метода (например, сигнопама, разрушающего такие функциональные нейронные циклы). Психоаналитическая работа на фоне такой мягкой медикаментозной психокоррекции оказывается гораздо более плодотворной.

При исследовании различных видов переноса не лишнее понимать интимную сторону процесса — какие медиаторные механизмы лежат в основе того или иного переноса и, соответственно, в каких структурах мозга и на какой нейрофизиологической и нейрохимической базе разыгрывается

тот или иной психологический сценарий. Так, негативный перенос может осуществляться как на высоком холиновом (депрессивном), так и на высоком адреналовом (агрессивном) фоне. В то же время небольшой сдвиг в сторону холинового баланса (состояние покоя, комфорта, расслабления) либо адреналового (бодрость, оптимизм) создает базу для позитивного переноса. При этом преобладание среди катехоламинов дофамина обеспечивает положительный эмоциональный фон, а норадреналина и адреналина — отрицательный. В эмоциональном пространстве «радость — восторг» к действию дофамина, видимо, присоединяются ацетилхолин и опиаты. В «эмоциональной игре», кроме медиаторов, принимают участие также эндорфины и гормоны, такие как тестостерон и кортизол. А трансферентная любовь и эротизированный перенос, естественно, не обходятся без стимуляции гипофизарно-гонадной и гипофизарно-надпочечной систем.

Что касается типологических особенностей личности и межполушарных отношений, то, естественно, отрицательный перенос преобладает при правополушарном доминировании (обеспечивающем отрицательный эмоциональный фон), а положительный — при левополушарном (на положительном эмоциональном фоне). Положительный перенос также обычно имеет место у сангвника (доминирующая эмоция — радость, по Симонову) и у спокойного флегматика, но возможен и у холерика, и у меланхолика (при средних концентрациях катехоламинов в первом и ацетилхолина во втором случае). При высоких же концентрациях данных медиаторов (в соответствующих сочетаниях с гормонами) позитивный перенос превратится в негативный (возможно, через стадию трансферентной любви и эротизированный перенос). При понимании глубинных физиолого-биохимических механизмов аналитик получает в руки дополнительный ключ для рационального управления психологическим состоянием клиента.

И хотя вопрос, поставленный Ч. Шеррингтоном в 1947 г. в предисловии к очередному изданию его монографии 1906 г., как осуществляется связь физиологического и психического, остается нерешенным: «Он остался там же, где Аристотель оставил его более 2000 лет тому назад... Какое право мы имеем увязывать опыт разума с физиологическим? Никакого научного права...», тем не менее мы полагаем, что сегодня вполне уместно говорить о базовых механизмах мозга, лежащих в основе психических функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кляйн М. (M. Klein). Развитие одного ребенка (1919). — М.: «Психологическая и психоаналитическая библиотека» под ред. И.Д. Ермакова, в. XIII, 1921. — 86 с.
2. Лапланш Ж., Понталис Ж.Б. (J. Laplanche, J.-B. Pontalis). Словарь по психоанализу (1967). — М.: «Высшая школа», 1996. — 623 с.
3. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. — М.: «Наука», 1981. — 216 с.
4. Симонов П.В. Мотивированный мозг. — М.: «Наука», 1987. — 272 с.
5. Томэ Х., Кэхеле Х. (H. Thoma, H. Kechele). Современный психоанализ (1985, 1988). — М.: «Яхтсмен», 1996, — 576 с. (I т.), 776 с. (II т.).

6. Фрейд З. (Freud S.). Введение в психоанализ. Лекции. (1915-1933). — М.: «Наука», 1991. — 456 с.
7. Шеррингтон Ч. (Ch.Sherrington). Интегративная деятельность нервной системы (1906). — Л.: «Наука», 1969. — 392 с.

Валеология, 2003, N2, с.22-24

Рождение светила

С.С.Степанов

Начала, заложенные в детстве человека,
похожи на вырезанные на коре молодого дерева буквы,
растущие вместе с ним,
составляющие неотъемлемую часть его.

В. Гюго

Ежегодно в начале мая психоаналитическое сообщество более или менее пышно (в зависимости от округлости даты) отмечает день рождения того, кто на долгие годы обеспечил это сообщество смыслом существования и куском сдобного хлеба.

6 мая исполняется 146 лет со дня рождения Зигмунда Фрейда — психиатра, который научил добрую половину человечества втайне стыдиться любви к родителям и находить сексуальный подтекст в банальных оговорках. В XX веке учение Фрейда превратилось в один из столпов западной культуры. Правда, далеко не все перед этим учением благоговеют. Кое-кто даже утверждает, что оно относится к сфере не столько науки, сколько мифологии, что свои суждения о природе человека Фрейд по большей части выдумал.

Наверное, это преувеличение.

Трудно согласиться с тем, что теория Фрейда универсальна, то есть справедлива для всех и каждого. Но не подлежит сомнению, что встречаются люди, вполне отвечающие фрейдистским представлениям. По крайней мере, имя одного такого человека известно совершенно точно. Это Зигмунд Фрейд. Свою теорию психосексуального развития личности он отнюдь не выдумал, а в полном смысле слова выстрадал. Наверное, погорячился лишь в том, что распространил ее и на нас с вами. И это вполне соответствует открытому им феномену проекции: коли окружающие не лучше меня, а то и хуже, то мне — чего стыдиться?

Попробуем разобраться, так ли это. Ибо если справедливо, что индивидуальный жизненный опыт накладывает неизгладимый отпечаток на все мировоззрение человека, то понять это мировоззрение можно лишь с опорой на этот опыт.

Что же пережил тот мальчик, который, повзрослев, сочинил на основе мифа об Эдипе миф об эдиповом комплексе?

БЕЗ ДОВЕРИЯ К БИОГРАФАМ

О детстве Фрейда достоверно известно немного — не больше, чем о детстве любого другого человека. Ведь это только если случится человеку

стать знаменитым, сразу найдется толпа друзей дома и сотни три бывших одноклассников, которые насочиняют о его детстве ворох слащавых небылиц. Потом официальный биограф, отобранный по критерию безупречной лояльности, отфильтрует эти басни и отлакирует сухой остаток. Таким биографом после смерти Фрейда выступил один из его верных соратников Эрнст Джонс, с чьих слов в основном и известен жизненный путь основателя психоанализа. Однако при всем обилии фактов ценность такой парадной биографии невелика — слишком уж очевидно стремление автора приукрасить канонизированный образ.

К тому же и сам мистер Джонс — слишком противоречивая, мягко скажем, фигура, чтобы с почтением относиться к его словам. Небезынтересный факт: Джонс, некоторое время работавший в детской больнице, был оттуда с позором уволен после многочисленных обвинений в сексуальных контактах с детьми. Бежав от ареста в Канаду, он принялся практиковать там, но вскоре вынужден был откупаться от своей пациентки, дабы она не предала огласке тот факт, что он ее совратил. Что ни говори, а доверия к его славословиям это не прибавляет — в трезвый взгляд и кристальную честность совратителя и педофила верится с трудом. Так что, восстанавливая более или менее объективную картину ранних лет жизни Фрейда, приходится опираться на иные источники, в частности — обнаруженные в самое недавнее время.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Затрудняет дело то, что сам человек о первых годах своей жизни не помнит почти ничего. Разумеется, отсутствует в памяти и сам акт появления на свет. (Попытки его «припомнить» под действием «кислоты» или надыхавшись до асфиксии и помрачения рассудка ничего, кроме иронии, у здравомыслящего человека не вызывают.)

«Детская амнезия» — явление, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения, — это исчезновение воспоминаний практически обо всем, что происходило с человеком до 5—6 лет. Очень немногие взрослые могут вспомнить хотя бы столько моментов из раннего детства, сколько хватило бы на полчаса реальной жизни. Фрейда очень интересовала эта «странная загадка», и он пытался преодолеть собственную амнезию в надежде, что это поможет ему лучше разобраться в себе и вообще понять человеческую природу (в спорности вопроса — насколько второе выводимо из первого — он, похоже, не отдавал себе отчета).

Самым многообещающим источником представлялись сны — если их должным образом истолковать. Сомнения в истинности фрейдистского толкования сновидений появились много позже — когда полученные «результаты» уже обрели характер догмы.

Каковы же были те реальные факты, которые определили становление личности будущего ученого и его научного мировоззрения? Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в полседьмого вечера на втором

этаже скромного домика на Шлоссергассе, 117, во Фрайберге, в Моравии (ныне г. Пршибор, Чехия). Семья, в которой он появился на свет, словно специально была создана как иллюстрация к психоаналитической доктрине. Его отец, Якоб Фрейд, был уже немолод (ему было за сорок) и имел двух взрослых сыновей от первого брака. Его первая жена умерла. По некоторым сведениям, достоверность которых спорна, Якоб вскоре женился второй раз на некоей Ребекке, но этот брак продлился недолго, и о судьбе Ребекки не известно ничего. Джонс в своей биографии о ней даже не упоминает, называя второй женой Якоба Фрейда Амалию Натансон. Вторая или третья, именно Амалия стала матерью Зигмунда. Она была более чем вдвое моложе своего мужа и души не чаяла в своем первенце, «золотом Зиги». Взаимную нежную привязанность мать и сын пронесли через всю жизнь (Амалия Фрейд умерла в 1930 году в возрасте 95 лет). Они еще могли себе это позволить, ведь о существовании эдипова комплекса еще долго никто не догадывался!

ЛЮБОВЬ, РАСКАЯНИЕ, ГНЕВ

Самыми ранними воспоминаниями первенца Амалии были искры, летающие над узкой лестницей в доме кузнеца Заджика, где квартировала семья. Восемь месяцев спустя после рождения Зигмунда Амалия снова забеременела, и в октябре 1857 года у нее родился второй сын, Юлиус. Зигмунд ревновал мать к нему, и смерть Юлиуса полгода спустя вызвала в нем раскаяние, которое постоянно проявлялось впоследствии в его снах. В этом отношении детство Фрейда было необычным: он утверждал, будто помнит о нем больше, чем большинство людей. Возможно ли это? Доказать справедливость этого утверждения невозможно, как и большинства догматов психоанализа. Так или иначе, в письме своему другу, доктору В. Флиссу от 1897 года Фрейд признает наличие злобных желаний в отношении своего соперника Юлиуса и добавляет, что исполнение этих желаний в связи с его смертью возбудило упреки в собственный адрес — склонность, которая не покидала его с тех пор. В том же письме он рассказывает, как между двумя и двумя с половиной годами было разбужено его либидо по отношению к матери, когда он однажды застал ее обнаженной. Детская сексуальность занимает центральное место в теории Фрейда, и поэтому исследователи стремятся найти ее следы в его собственной биографии. Весьма вероятно, что он видел, как его родители занимаются сексом в их тесном жилище. Фрейд, впрочем, никогда не упоминал об этом, но как психоаналитик очень интересовался «первичной сценой» — фантазией, которую младенец выстраивает вокруг занятий взрослых в постели.

По крайней мере именно этот сюжет всплыл в ходе психоанализа Сергея Панкеева (Человека с Волками). Интересна реакция на это самого Панкеева. Этот русский плебей жуировал за границей на деньги своих родителей-помещиков и от праздности и пресыщенности терзался душевной

смутой. Психоанализ Фрейда якобы вернул ему душевное равновесие. Дожил Панкеев до преклонных лет, но всю жизнь уклонялся от обсуждения этого эпизода своей биографии. Лишь в старости он дал интервью, которое разрешил опубликовать только после своей смерти. Вероятно, сказалась признательность психоаналитическому сообществу, которое сделало из него культовую фигуру и почти в буквальном смысле долгие годы его подкармливало, после того как он был разорен революцией.

Так вот, домыслы Фрейда сам Панкеев всегда считал совершенно безосновательными — хотя бы по той причине, что в доме его родителей (точнее — в многокомнатном особняке, так непохожем на каморку семьи Фрейд) детская находилась в изрядном удалении от родительской спальни, и вряд ли полуторогодовалый мальчик решился бы проделать этот путь среди ночи. Не говоря уже о том, что, по признанию Панкеева, никакого душевного облегчения такой анализ ему не принес.

В биографии, написанной Джонсом, непосредственно фигурирует эпизод подглядывания маленького Зигмунда за родителями. Упоминается также, какой гнев это вызвало у Якоба. Легко понять, насколько был напуган малыш гневом отца, который только что совершал нечто непонятное и, по всей вероятности, насильственное над его любимой матерью. Так что впоследствии выдумывать пресловутый эдипов комплекс ему не было никакой нужды. Уж по крайней мере в данном случае для возникновения этого комплекса имелись все основания.

НИЧЕГО СЕБЕ — СЕМЕЙКА!

В возрасте двух лет Зигмунд все еще мочился в постель, и строгий отец, а не снисходительная мать, ругал его за это. Именно из подобных переживаний в нем зародилось убеждение в том, что обычно отец представляет в глазах сына принципы отказа, ограничения, принуждения и авторитета; отец олицетворял принцип реальности, в то время как мать — принцип удовольствия. Джонс тем не менее настаивает, что Якоб Фрейд был «добрым, любящим и терпимым человеком».

А вот менее лояльные исследователи приходят к совсем иным выводам. П. де Врийс, голландский психолог, проанализировав около 300 писем Фрейда к Флиссу, пришла к выводу, что маленький Зигмунд весьма вероятно подвергся сексуальным посягательствам со стороны отца. После смерти отца в 1896 году Фрейд начал свой самоанализ. Он объяснял его необходимость тем, что сам себе диагностировал «невротическую истерию», по причине которой часто страдал «истерическими головными болями».

В чем же виделась ему психогенная природа этой боли? В письме Флиссу от 8 февраля 1897 года Фрейд описывает аналогичные симптомы у одной пациентки. Ощущение давления в висках и темени он связывал со «сценами, где с целью действий во рту фиксируется голова». Характерно, что следующий абзац письма посвящен отцу, умершему несколько недель назад.

В письме читаем буквально следующее: «К сожалению, мой отец был одним из извращенцев и стал причиной истерии моего брата и некоторых младших сестер».

Незадолго до этого, в письме от 11 января 1897 года, Фрейд четко сформулировал, что он понимает под словом «извращенец» — отец, который совершает сексуальные действия над своими детьми.

Разумеется, ревностные фрейдисты такую трактовку воспримут в штыки. Оно и понятно. Стоит аналитику усомниться в непорочности отца-основателя, и под вопросом оказываются не только долгие годы учебы (и затраченные на нее немалые средства), не только право «лечить» других (и получать за это солидное вознаграждение), но также важнейшие убеждения относительно себя самого, ядро личности психоаналитика. Вот только что это за ядро?..

Здоровым людям, выросшим в полноценных семьях, остается только пожалеть маленького невротика из Фрейбурга в 146-ю годовщину его рождения.

Интернет

Закат патриарха (Фрагмент)

С.С.Степанов

Цвейг познакомил Фрейда с Дали в 1938 году. В результате этой встречи и появился портрет, который Цвейг так и не показал Фрейду. Он счел слишком явными приметы приближающейся смерти

23 сентября 1939 года ушел из жизни Зигмунд Фрейд. Просто сказать «умер» было бы, наверное, неправильно, ибо это был осознанный уход, фактически — самоубийство. Танатос возобладал над Эросом.

Долгие годы основатель психоанализа страдал тяжелой болезнью, возникшей вследствие пагубной привычки — курения, от которой он не находил сил отказаться. Фрейд пристрастился к курению еще в детстве, в шести- или семилетнем возрасте, а в зрелые годы выкуривал ежедневно по два десятка сигар, не находя в этом ничего дурного. Более того, в полном соответствии с открытым им механизмом психологической защиты, он даже стремился рационализировать свою пагубную страсть. Своему племяннику он говорил: «Мой мальчик, курение — одна из самых больших и самых дешевых радостей жизни. Если ты в будущем решишь не курить, мне будет тебя искренне жаль».

Правда, если следовать логике психоанализа, пристрастие к курению представляет собой форму оральной навязчивости. Возможно, смутное осознание этого факта Фрейдом привело к тому, что в разработке своей периодизации психосексуального развития он довольно мало внимания уделил именно оральной фазе, а в ответ на мягкую иронию коллег, усмотревших в любимых им длинных и толстых сигарах фаллический символ, безапелляционно отрезал: «Иногда сигара — это просто сигара».

В 1923 году у него во рту появилась опухоль, вызванная курением. Неутешительный диагноз — рак — Фрейд воспринял стоически. Началась многолетняя борьба с болезнью, изнурительная череда хирургических операций (всего Фрейд перенес их тридцать девять).

В 1929 году верная последовательница Фрейда Мария Бонапарт рекомендовала ему терапевта Макса Шура, который с этого времени стал его личным врачом и находился при нем практически неотлучно. Опыт общения со своим именитым пациентом и историю его болезни Шур описал в биографической книге «Зигмунд Фрейд. Жизнь и смерть», ставшей важным

источником по истории заключительного этапа развития классического психоанализа и биографии его создателя.

Чтобы облегчить страдания больного, Шур прибег к сильному обезболивающему — морфию, к которому Фрейд быстро пристрастился и уже не мог без него обходиться то ли из-за постоянных мучительных болей, то ли из-за усиливающейся наркотической зависимости. У него ухудшилась артикуляция, боль терзала его неотступно. Однако, по рассказам очевидцев, Фрейд постоянно улыбался. Верные фрейдисты расценивают это как свидетельство железной воли. Далеко не столь восторженный биограф Ричард Осборн лаконично заключает: «Это была наркомания».

Фрейд взял с Шура обещание: когда положение станет совсем безнадежным, а страдания нестерпимыми, тот доступными ему средствами положит этому конец. В конце сентября 1939 года Фрейд объявил своему личному врачу, что такой день настал. Скрепя сердце Шур ввел пациенту запредельную дозу морфия. Фрейд погрузился в наркотический сон, из которого уже не вышел. Три дня спустя состоялись похороны. С надгробными речами выступили Эрнст Джонс и Стефан Цвейг, отметившие исключительную роль Фрейда в истории мировой науки и культуры.

После смерти отец-основатель был фактически канонизирован психоаналитиками, а его отлакированная Джонсом биография превратилась в своего рода житие. Эту несколько кощунственную параллель можно и продолжить.

Полное собрание сочинений Фрейда выступило догматом универсального учения, не подлежащим ни критике, ни сомнению. Теория Фрейда была объявлена его последователями безупречной и совершенной. Тем самым, однако, они невольно загнали себя в ловушку: вся их практическая деятельность и теоретические изыскания оказались ограничены строгим канонам, отступления от которого приравнивались к ереси.

Наверное, поэтому собственные труды психоаналитиков традиционной ориентации в основном вторичны и далеко не столь популярны, как классические работы Фрейда. Тут невольно вспоминается историческая аналогия: предводитель арабских завоевателей мотивировал свой приказ сжечь богатейшее книжное собрание Александрийской библиотеки такими словами: «Если эти книги соответствуют Корану — они излишни, если противоречат — они вредны».

Парадокс, однако, состоит в том, что на протяжении четырех десятилетий, которые Фрейд посвятил развитию своего учения, психоанализ вовсе не представлял собою раз и навсегда застывший монолит, а претерпевал весьма динамичные перемены.

В ранних трудах Фрейда — «Психопатология обыденной жизни», а также «Толкование сновидений» (которое автор считал своей лучшей психоаналитической работой) — еще и речи нет о таких конструкциях, как, например, эдипов комплекс, без которого фрейдистское учение невозможно представить.

Трехступенчатая структура психики была обозначена Фрейдом в работе «Я и Оно», которая увидела свет лишь в 1921 году.

К позднейшим новациям Фрейда относится и противопоставление деструктивного Танатоса жизнелюбивому Эросу. Все эти перемены происходили под влиянием клинической практики, в немалой степени — личного жизненного опыта самого Фрейда, а также, безусловно, под влиянием объективных перемен в общественной жизни и умонастроении людей. Сытый венский буржуа рубежа веков, ветеран мировой войны и эмигрант, спасающийся от нацистского террора, терзались совсем разными комплексами, и это не могло не сказаться как на клинической практике, так и на теоретических постулатах психоанализа.

Представим себе, как мог бы преобразиться психоанализ, если бы его основатель прожил еще лет тридцать и увидел Нюрнбергский процесс, Хиросиму, Берлинскую стену, Пражскую весну. Как отнесся бы он к психоделическим изысканиям Тимоти Лири, к экспансии восточного оккультизма и сексуальной революции детей-цветов? Разумеется, верные последователи Фрейда все эти события и явления старались истолковать, исходя из классических постулатов. Однако не приходится сомневаться, что сам классик, проживи он подольше, нашел бы более интересные объяснения. За годы, прошедшие после кончины Фрейда, мир неузнаваемо изменился. Эти перемены, похоже, ощущал и сам патриарх психоанализа.

В Библиотеке Конгресса США — в спецхране, как сказали бы у нас, — ждут исследователей неопубликованные записки и письма Фрейда, доступ к которым по настоянию родственников закрыт до третьего тысячелетия.

Чем вызвана такая секретность?

Не тем ли, что позднейшие размышления Фрейда, не успевшие оформиться в печатные труды, содержат переоценку «незыблемых» постулатов?

Школьный психолог, 2000, №34

Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве

Н.Н.Алексеев

Введение

С прогрессом компьютеров и объединяющих их сетей, в первую очередь это касается Интернета, можно говорить о появлении нового вида человеческой деятельности. В информационных изданиях термин "киберпространство" широко используется для обозначения всех аспектов работы человека с компьютером и Интернетом. Этот термин довольно точно отражает возможность восприятия компьютеров и их сетей как особого психологического "пространства". Людям, активно работающим с компьютерами, пишущим электронные письма, играющим в игры, общающимся одновременно с людьми на разных континентах, трудно не представлять все это как особое "пространство", куда они попадают при помощи своего компьютера. Создатели интерактивных сервисов для пользователей вносят свою лепту в создание этого образа, называя отдельные части своих продуктов "мирами", "комнатами" и "территориями".

Эти факторы и вовлеченность в путешествие по Интернету с одного сайта на другой приводит к тому, что люди начинают воспринимать компьютеры как продолжение своей личности в "пространстве", отражающем их вкусы и интересы. В терминах психоанализа, компьютеры и киберпространство можно рассматривать как тип "промежуточного пространства" (transitional space), расширяющего внутренний психический мир человека. Это состояние может настолько захватывать, что временами происходит растворение собственного "Я" и отождествление, к примеру, с личностью персонажа игры, проходящей на экране.

Когда киберпространство воспринимается как продолжение разума - промежуточное пространство между "Я" и другими - это широко открытая дверь для различного рода фантазий и реакций переноса, которые могут быть спроецированы на это пространство.

Анонимность

Анонимность - это важный аспект понимания киберпространства. С самых ранних стадий формирования структуры этого пространства, само существование анонимности и постоянная борьба за его поддержание, не может не обратить на себя внимание. Это касается различных сторон поведения в киберпространстве: от проведения массовых опросов до интерактивного общения групп людей. В ситуациях общения никто не может сказать с уверенностью, с какого континента говорит с тобой собеседник, ни даже гарантировать, что пол человека, с которым ты вел интимные разговоры

последние месяцы, действительно соответствует тем данным, которые он сам о себе указал.

Анонимность при общении с компьютером может помочь психологам и социологам при проведении опросов и интервью. Социологи Kiesler и Sproull в 1986 году показали психологическую эффективность использования компьютера как анонимного интервьюера. При опросе студентов с помощью компьютера количество ответов об употреблении наркотиков выросло на 14% по сравнению с проведением данного опроса стандартными средствами на бумаге. Waterton и Duffy (1984) при проведении опроса об алкоголизме в Шотландии отметили, что людям проще признаваться об этом компьютеру, чем живому человеку. При этом опрашиваемые прекрасно понимали, что все сказанное ими будет распечатано и передано на обработку людям. Тем не менее, люди легче доверяют компьютеру самые интимные подробности своей жизни. Этот феномен использовался Binik и др. для создания программы психологической помощи семейным парам "Sexpert". Пара с проблемами в отношениях или в сексуальной жизни просматривала видеолекцию на экране компьютера и вступала в общение с программой. Поскольку люди были изолированы от социального давления и оценок других, они серьезно обсуждали свои проблемы, опираясь на комментарии "Sexpert". "Открывшись перед другим человеком можно нанести себе сильную моральную травму, если не оправдаются возложенные на него ожидания. Компьютер - это совсем другое дело" - говорили пациенты.

Анонимность также может использоваться как инструмент безнаказанного проявления сексуальных домогательств или агрессии по отношению к другим людям. Это может проявляться в форме рассылки электронных писем с оскорблениями или угрозами от чужого имени, либо публичном оскорблении кого-либо в конференции или в интерактивном общении. Повтор этих действий может приводить к формированию стереотипа поведения и в реальной жизни, что негативно сказывается на социальной адаптации личности.

Часто люди делают в киберпространстве вещи, которые по своим моральным качествам кажутся им не совсем приемлемыми в реальной жизни. Например, посещение серверов или конференций, содержащих порнографию; или представление себя лицом другого пола в интерактивном обсуждении. В подобном случае человек хочет гарантированной анонимности. Становится понятно, почему любые попытки разработчиков программ включить информацию, позволяющую хотя бы косвенно идентифицировать пользователя, находят резкое негативное отношение со стороны этих пользователей под лозунгом нарушения частной жизни. Эта анонимность может иметь негативные стороны, когда подобные сервера посещают дети. Единственным контролем, существующим на данный момент, является непроверяемое требование подтвердить свое совершеннолетие, что является просто формальностью для защиты от обвинений официальных властей. В последнее время в США было несколько судебных процессов возмущенных родителей против распространителей

порнографии в Интернете. Сенат США и ряд законодательных органов других стран принял законы, ограничивающие бесконтрольный доступ к информации порнографического содержания в Интернете.

Регрессия

"Люди, общаясь в Интернете, регрессируют. Это очевидно" - так начинает свою статью о регрессе в Интернете английский филолог Norman Holland. И дальше развивает свою мысль, показывая три основных признака регрессивного поведения в киберпространстве:

flame (болтливость)

сексуальная озабоченность

ничем не обоснованная чрезмерная щедрость и открытость

Он прослеживает появление этих регрессий из реакций переноса на компьютер - бессознательные фантазии о силе, доминировании, сексе, нарциссическом любовании и родительской любви. Основой регрессии является тенденция людей к смешиванию понятий человека и машины. В киберпространстве люди бессознательно воспринимают машины как живых людей (это же отмечали и психологи в середине 90-х см. Forman и Pufall или Frude) и, в то же время, общаются и с людьми, как с чем-то меньшим, чем человек - в результате снятия запретов на сексуальное и агрессивное поведение.

С первым аргументом трудно не согласится тому, кто хотя бы раз читал бессмысленные разговоры в письмах, отправляемых группам пользователей, растянутые на многие месяцы и вовлекающие в свой круг все новых и новых людей. Киберпространство соединяет в себе высочайшие достижения человеческого интеллекта и наиболее примитивные инстинкты человеческой личности. Человек всегда искал новые способы самовыражения и общения с другими людьми, и в киберпространстве он нашел одну из таких возможностей, где можно быть тем, кем хочется, и проявлять свои эмоции без контроля со стороны внешнего наблюдателя.

Для понимания сексуальной стороны киберпространства необходимо проследить динамику отношений человека к компьютерам. До широкого распространения компьютеров у человека были лишь продолжения его тела - машина, лодка, пистолет. С появлением персональных компьютеров человек получил и продолжение своего разума. И здесь люди продолжили играть в старую игру "Мой больше чем твой" - мой жесткий диск больше, мой процессор быстрее или новее, и.т.д. В психоаналитических терминах - это фаллические фантазии, и не удивительно, что мужчины и женщины воспринимают компьютеры по-разному. Женщины, в отличие от мужчин, как правило воспринимают компьютеры просто как инструмент, подобно пылесосу или микроволновой печи.

Ситуация меняется при дополнении компьютера возможностью связи с другими компьютерами, соединенными в сеть. Здесь на первый план выходит непосредственное взаимодействие с личностями, обитающими в

киберпространстве, что переключает отношение человек/компьютер на отношение человек/другие люди. В силу снижения контроля над поведением и анонимности, мужчины и женщины могут реализовать практические любые свои фантазии, вплоть до представления себя личностью противоположного пола, в общении с другими людьми на серверах общего пользования.

При обосновании третьего пункта Holland допускает, что, не все могут отнести его к регрессии. В качестве доказательства он приводит пример бескорыстного обмена плодами многомесячных раздумий и трудов между людьми, ничего не знающими друг о друге, как это происходит при публикации в Интернете. Еще один пример взят им из San Francisco Chronicle, где рассказывалось об одном юристе, переезжавшем из Бостона в Вашингтон и потерявшем все свои книги во время пожара в товарном вагоне. Он поместил список погибших книг в Интернете с просьбой помочь, и потом в течение полугода получал книги по почте, отосланные совершенно незнакомыми людьми. Желание помочь людям, страдающим наркоманией и алкоголизмом, в сочетании с анонимностью последних, является причиной открытости во время общения в конференциях, посвященных этим вопросам, что в некоторой степени заменяет службу психологической помощи по телефону и подобные службы.

Идентификация

Одной из уникальных особенностей киберпространства является возможность поэкспериментировать с самоотождествлением. Во многих ситуациях - комнатах общения, ролевых играх - человек может выбрать любое имя, манеру поведения и даже пол. Люди, с которыми он будет вступать во взаимоотношения, будут воспринимать его через слова и действия, совершаемые в соответствии с выбранным типом. Это наблюдение может иметь практическое приложение при психотерапии людей, постоянно обитающих в киберпространстве, поскольку это открывает терапевту широкие возможности для анализа мотиваций и ориентации этой личности. В ролевых играх особенно интересной является возможность выбора персонажа, зачастую базирующегося на основных архетипах. Человек примеряет на себя возможные личности, и пробует насколько комфортно он себя чувствует в этой роли с другими людьми.

В текстовых интерактивных системах общения до того как вы начали общаться с человеком, единственным ориентиром, могущим немного рассказать о собеседнике, служит выбранный им для себя псевдоним. В исследовательской работе о выборе псевдонимов, проведенной Phillips, были выделены две основные категории выбора:

Внутренняя мотивация – выбор, лежащий в плоскости языка (ритм, добавление приставки или суффикса, имитация детской речи, слова из иностранного языка и др.)

Внешняя мотивация – выбор, лежащий за пределами языка (физические качества человека, личные события, поведенческие или культурные стереотипы и др.)

Более наглядно предпочтения личности проявляются в появившихся в последнее время комнатах общения с возможностью графического представления общающихся. Существует несколько типов подобного представления - от схематически обозначенного типажа (грустный, добрый и др.), до хорошо проработанных профессиональными художниками персонажей комиксов, где посетитель может выбрать наиболее близкий к нему типаж из нескольких десятков вариантов. Все это помогает человеку реализовывать свои фантазии без опасности быть разоблаченным. Как заметила Sherry Turkle, люди предпочитают общение в виртуальных комнатах общению в реальной жизни, поскольку это "комбинация реального общения, анонимности (или, в некоторых случаях, иллюзии анонимности) и возможности примерить на себя роль как очень близкую так и очень далекую от своего "Я".

Примером идентификации с родителем может служить забота о "виртуальных животных". Само понятие и прототипы появились в киберпространстве задолго до ставших популярными среди японцев электронных "томагочей", требующих кормления и ухода. Вершиной этих проектов стало появление в 1995 году коммерческой игры "Creatures". Используя в своей основе нейронные сети она позволяет вам выращивать виртуальных существ от момента их вылупления из яйца, до их смерти. Каждое существо обладает мозгом из нескольких сотен тысяч нейронов, способным к обучению, уникальным набором хромосом и иммунной системой. Вы выращиваете в инкубаторе существо, обучаете его базовым понятиям, ориентации в его мире и охраняете от злых существ. Доводите, если со всем этим успешно справились, до состояния половой зрелости, когда ваши заботы о нем сводятся к минимуму, и скрещиваете с особью противоположного пола, чтобы получить новую комбинацию генов. Параллельно вы заботитесь о нескольких существах разного возраста. После смерти вы хороните их на импровизированном кладбище. Первоначально вам требуется несколько часов игрового времени, чтобы вырастить и проконтролировать первые несколько поколений. Позже достаточно оставить на несколько часов или дней игру на компьютере, чтобы проследить судьбу далеких потомков первых созданий, поскольку они сами научаются передавать навыки и знания своим детям.

Смена пола

John Suler в своей статье о смене пола мужчинами в киберпространстве, приводит пример с Брэдом и Натали. "Брэд впервые встретил Натали в виртуальной комнате общения. Он был старшекурсником университета на восточном побережье, она училась на младшем курсе в западной части США. Они узнали очень многое друг о друге, переписываясь

по электронной почте. Спустя время, он почувствовал, что этот человек ему очень близок. Возможно, думал он, я влюблен в нее. Когда после настойчивых требований, ему удалось уговорить ее дать свой телефон, открывшаяся истина стала для него полной неожиданностью. Натали оказалась мужчиной 50 лет". Это, безусловно, не единичный случай, и любой, кто посещал подобные комнаты общения или вел активную переписку с незнакомыми людьми, наверняка сталкивался с проблемой Брэда.

Сложившееся мнение говорит о том, что смена пола в киберпространстве привлекает чаще мужчин, чем женщин. Существует несколько вариантов объяснения подобного феномена:

В силу давления культурных стереотипов, мужчинам бывает труднее признать в себе то, что в обществе называют "женскими" свойствами. Эти мужчины уверены в анонимности своего нахождения в киберпространстве, что позволяет им проявить свою "женскую" сторону личности, которую в реальной жизни они вынуждены скрывать.

Адаптация в киберпространстве в женской роли может проходить легче, чем в мужской за счет большего внимания со стороны мужской половины участников обсуждений. Изменивший пол может даже почувствовать, что он может влиять на участников обсуждения, используя специфические "женские" средства.

Некоторые мужчины используют возможность побыть в женской роли для исследования отношений мужчина/женщина и пробуют себя в общении с другими мужчинами, пытаясь разобраться в чувствах женщины. Они надеются подобным способом улучшить свои отношения с женщинами.

В некоторых интерактивных играх выгоднее выступать в роли женщины для получения психологических преимуществ при встрече с другими участниками игры.

Выступая под маской женщины, мужчины, ищущие интимности и романтики у других мужчин, могут проявлять свои сознательные или бессознательные гомосексуальные чувства.

Безусловно, желание и попытки переменить пол далеко не новое явление, но проявление этого в киберпространстве имеет уникальные и широкие возможности. Главная из них, это та простота, с которой человек может сменить свой пол. Это является наиболее привлекательным для экспериментов, которые могут быть прекращены в любой момент и также безопасно возобновлены. Поэтому все больше людей предпочитают менять пол там, а не в реальной жизни. Это также предоставляет исследователям беспрецедентную возможность изучить, как и почему люди меняют пол.

Реакции переноса

Поскольку общение с компьютером, в отличие от книг, кино или телевидения, есть процесс двусторонний, не удивительно, что именно он стал первым предметом, на который человек проявил реакции переноса. В силу

антропоморфизма, компьютеры воспринимаются им не просто как "думающие машины" (thinking machine), но "думающие" как человек. В реакциях переноса можно рассмотреть несколько типичных моделей, в качестве объекта которых выступает компьютер. Примеры взяты из статьи доктора психологии John Suler о реакциях переноса на компьютер.

Компьютер как родитель

Эта базовая и наиболее распространенная реакция не могла обойти стороной и компьютер. Далее следует несколько примеров из статьи.

Мать Леонарда была женщиной, устанавливающей множество правил поведения в детстве, причем эти правила постоянно изменялись, что заставляло его чувствовать фрустрацию и беспомощность, поскольку все его попытки хорошо выглядеть в глазах матери проваливались. Став взрослым, Леонард использовал свой компьютер в соответствии с той же моделью. Он боялся работать за компьютером и не знал, как ему угодить. Когда он пытался что-либо делать, ему казалось, что компьютеру это не нравится и поэтому тот выдает сообщения об ошибках и "зависает" во время работы. Это повторялось снова и снова, и Леонард чувствовал себя фрустрированным и беспомощным, в точности, как с матерью.

Отец Дженни был болезненным человеком, нуждающимся в постоянном уходе. Она любила его и заботилась о нем, предоставляя все, в чем он нуждался. Став взрослой, она воспринимала свой компьютер как нечто очень хрупкое и ранимое. Она была очень озабочена тем, как она использует свой компьютер в работе, поскольку не хотела нанести ему вред. Она относилась очень добросовестно к постоянному использованию средств диагностики состояния компьютера и запуску антивирусных программ. Она была убеждена, что здоровье и хорошее самочувствие компьютера в ее руках. Можно сказать, что она чрезмерно ограждала свой компьютер.

Леонард и Дженни это только два примера. Этот тип переноса может принимать различные формы и, возможно, не составило бы большого труда подобрать примеры ко всем другим известным видам переноса.

Компьютер как ребенок

При этом типе переноса, в голове человека происходит смена ролей, играемых родителем и ребенком. Наиболее яркий и патологический случай, когда ребенок, подвергавшийся жестокому обращению в детстве со стороны родителя, став взрослым, сам жестоко обращается со своим ребенком. Происходит "превращения пассивного в активное". Будучи ребенком такой человек чувствовал беспомощность и тревогу, потому что им манипулировали и пренебрегали, во взрослой жизни такой человек сам становится тем, кто может командовать и иметь для этого необходимую силу.

Поэтому неудивительно, что некоторые люди обращаются со своими компьютерами так же жестоко, как в детстве с ними обращались родители. Единственное препятствие на пути этих разрушительных действий - цена, так как компьютеры стоят дорого. К тому же, большинство людей плохо переносят нарушения в работе своего компьютера, особенно когда это продолжается в течение длительного времени. Также тот, кого в детстве подавляли и чрезмерно контролировали, как будто он был не человеческим существом, а вещью для использования, аналогично отнесется и к своему персональному компьютеру, став взрослым. Гнев и неприкрытое раздражение на компьютер, когда он делает не то, что хотелось бы, может быть симптомом данного типа переноса. Эта реакция аналогична разочарованному, обманутому в своих надеждах родителю.

Отношение к компьютеру может быть окрашено в тона любви, почти как к собственному ребенку. Вы выполняете его желания, воспитываете его, помогаете ему развиваться и вырасти (добавляя электронные компоненты и программное обеспечение). Вы оказываетесь вовлеченными в его старания и достижения и даже чувствуете гордость за те вещи, которые он может делать. С восхищением и удивлением вы участвуете в создании новой личности со своими способностями и чертами характера. Это ваше отражение, ваши способности и черты характера, но вы также понимаете, что это и нечто большее, чем вы делали для формирования качеств, которые теперь есть у вашего "ребенка". И, в отличие от реального ребенка, этот заменитель на транзисторах никогда не будет независимым и не покинет вас. Для некоторых людей это может быть очень привлекательным фактором.

Компьютер как родитель с желанными качествами

Многие люди хотят, сознательно или бессознательно, чтобы их родители были в чем-то другими. Это желание может формировать отношение к компьютеру как к обладающему этими желательными характеристиками предмету. Вот еще два примера из статьи Suler.

Мать Сэма была психически нездорова, ее поведение и эмоции были непредсказуемы. Она могла быть заботливой и любящей, а через пять минут грубой, злой и капризной. Невозможность предсказать, что его ждет в следующий раз, привели к тому, что Сэм вырос гипервозбудимым, параноидным ребенком. Он вынужден был всегда быть наготове, пытаясь по тонким намекам определить, чего ожидать от матери. Он пытался предугадать ее следующее состояние, но часто ему это не удавалось. Чувствуя себя беспомощным и раздраженным, он воспринимал жизнь как непредсказуемую и полную опасностей.

Став взрослым, Сэм чувствовал себя комфортно только с компьютерами. Они обладали качествами, которые так нужны были ему в матери - предсказуемость, надежность, и отсутствие неожиданных эмоциональных взрывов. Если бы он стал пытаться применять свои навыки в разгадывании намеков к компьютеру, он бы тратил все свое время на эти

попытки догадаться о том, как себя поведет компьютер в следующую минуту. К счастью для него, этого не произошло, и эти проблемы остались только в отношениях с матерью. Он находит удовольствие в доминировании над покорным компьютером.

Отношение Лоры к своему компьютеру совсем другое. Для нее это мирное добрососедство. Компьютер всегда здесь, ждет тебя, готов уделить свое внимание и немедленно откликнется. Он позволяет ей проявлять свои чувства, внимание и творческие способности. Он берет и сопровождает ее в путешествиях по киберпространству, когда ей этого хочется. Она видит в нем очень отзывчивого, сочувствующего товарища, признающего ценность и индивидуальность ее личности. Он даже помогает ее развивать. В отличие от родителей, которые слишком заняты, чтобы проявлять заинтересованность жизнью дочери.

Вы как родитель с желанными качествами

В этом, последнем типе переноса, снова происходит смена ролей - только в этом случае пользователь выступает как родитель с желаемыми качествами, а компьютер как ребенок. Часто люди тянутся к теплым отношениям, которые отсутствуют у них с родителями, что, в сущности, является желанием изменить на противоположные некоторые черты характера родителей. Иногда это может заходить очень далеко. Если ваши родители были очень строги, вы, возможно, будете очень либеральными со своими детьми. Если ваши родители совсем не интересовались вашей жизнью, вы, возможно, будете навязчиво интересоваться жизнью своих детей.

Аналогично это может проявляться и с компьютером. Пользователи стремятся быть "хорошими" со своими компьютерами, поскольку родители не были "хорошими" с ними. Иногда это может принимать причудливые формы. Один пользователь очень беспокоился о безопасности и здоровье своего компьютера. Другой - так волновался по поводу вирусов и возможных повреждений компьютера, что отказывался работать в Интернете, с подозрением относился к установке нового программного обеспечения и не позволял другим работать за его компьютером.

Интерактивное общение с другими людьми

Все описанные реакции переноса объясняют, как человек взаимодействует с другими людьми в киберпространстве. Общение путем создания текстовых сообщений в электронной почте, в интерактивных комнатах общения и конференциях происходит в очень сложном пространстве. Мы не можем видеть или слышать собеседников. Они только туманные фигуры, экран, на который мы можем спроецировать любые наши реакции переноса.

Поскольку мы воспринимаем других людей в киберпространстве через их компьютеры, возможно, что реакции переноса на этих людей могут взаимодействовать с реакциями переноса на компьютер. Реакция переноса может усиливать или, напротив, мешать восприятию других людей в киберпространстве. К примеру, если человек воспринимает компьютер как пассивную вещь, которой можно манипулировать (как родители манипулировали им), он может распространить это восприятие и на людей, с которыми он общается в киберпространстве, считая их достаточно слабыми для того, чтобы их контролировать. Если им случится высказать что-либо, что может быть воспринято как показатель слабости, или их стиль поведения немного пассивен, это может быть многократно усилено в голове у такого человека как подтверждение его представлений. Соответственно его реакции на этих людей будут неадекватны реальному положению вещей. Если же люди ведут себя уверенно и независимо, это может вызвать у него реакцию обиды и злости, поскольку он чувствует себя обманутым в своих ожиданиях. Здоровые отношения с другими людьми в киберпространстве это те, где мы понимаем, что наше восприятие других людей не всегда объективное. Другие люди - это другие люди, а не продолжение наших убеждений или призраки в нашем компьютере.

Подростки в киберпространстве

Подъезды и детские площадки, являющиеся местом постоянных встреч подростков, в современном мире находятся не за пределами квартиры, а внутри нее. Для этого достаточно, чтобы дома стоял компьютер, подключенный к Интернету, что позволяет посещать места встреч в киберпространстве. Для многих подростков эти места не менее важны, чем реальные "туссовки".

Чем живут современные подростки? На этот вопрос можно ответить, выявив основополагающие желания и мотивы. Психологи и родители заняты этим много лет и добились определенных успехов. Будет не лишним повторить простые и хорошо известные аспекты взросления, чтобы лучше понять, почему подростки проводят свое время в таком странном и необычном месте, как киберпространство.

Идентификация. Подростки пытаются определить себя со своим местом в окружающем мире. Они задают себе "общемировые" вопросы: Кто Я? Зачем я живу? Это вопросы, ответы на которые очень трудно дать ... и некоторые могут быть найдены в киберпространстве.

Интимность и принадлежность. В процессе взросления человек знакомится с различными аспектами интимных отношений, в особенности с противоположным полом. Он ищет друзей и компании, где он мог бы испытать чувство принадлежности группе. Все эти отношения являются важной частью идентификации личности. Киберпространство предоставляет ему неисчислимое количество людей и групп, объединяющих своих членов по интересам, ценностям, склонностям.

Сепарация от родителей и семьи. Поиски подростками своего места в жизни и выстраивание отношений с другими людьми идут рука об руку с желанием отделиться от родителей. Подросток хочет быть независимым и делать то, что он хочет. Но в то же время он не хочет полностью отделяться от родителей. И тут Интернет предоставляет уникальную возможность. Хочешь знакомиться с новыми людьми, делать захватывающие вещи, открывать мир? Хочешь остаться дома с родителями? Интернет позволяет тебе это делать одновременно.

Избавление от фрустрации. Подростковый возраст – это сложный и фрустрирующий период жизни, проходящий под давлением школы, семьи и друзей. Что делать подростку со своими переживаниями, особенно когда они усилены гормональной перестройкой организма? Ему нужно избавиться от фрустраций и он может попытаться это сделать в анонимном, свободном от ответственности киберпространстве.

Средний пользователь в киберпространстве становится моложе с каждым годом, поскольку доступ к нему с домашнего компьютера становится все более распространенным. Это может привести к тому, что проблемы с подростками, практически живущими второй жизнью в киберпространстве, завтра окажутся в поле зрения многих специалистов, занимающихся проблемами подросткового возраста.

Зависимость от киберпространства

Как показали последние исследования, некоторые люди проводят в киберпространстве столько времени, что это идет в ущерб их личной и/или профессиональной жизни. Проблема зависимости от киберпространства (в англоязычной литературе ее часто называют Internet Addiction Disorder (IAD)) является, на сегодняшний день, наиболее важной из всех психологических аспектов взаимодействия человека и компьютера. Когда говорят о данной зависимости, в нее включают широкий круг различных типов поведения и проблем с контролем импульсов. Признанный авторитет в этой области Kimberly Young из Питсбургского университета выделяет пять основных категорий этой зависимости:

Киберсексуальная. Зависимость от интерактивных комнат общения для "взрослых" или от киберпорнографии.

Киберотношения. Зависимость от дружеских отношений, завязанных в комнатах общения, интерактивных играх и конференциях, которая заменяет реальных друзей и семью.

Чрезмерная сетевая вовлеченность. Включает в себя вовлечение в азартные сетевые игры, зависимость от интерактивных аукционов и навязчивое состояние торговли через сеть.

Информационная перегрузка. Чрезмерная вовлеченность в посещение вебсайтов и поиск по базам данных.

Компьютерная зависимость. Навязчивые состояния в компьютерных играх или в программировании, в основном среди детей и подростков.

Киберсексуальная зависимость

Для понимания, что делает киберсекс зависимостью, Young предлагает ACE-модель, аббревиатуру для ACCESSIBILITY (доступность), CONTROL (контроль) и EXCITEMENT (возбуждение), которые являются тремя базовыми причинами этой зависимости.

ДОСТУПНОСТЬ. Доступность порнографических серверов и комнат общения на сексуальные темы является важной частью проблемы. Согласно отчету компании по исследованию рынка Relevant Knowledge, 9.6 миллионов пользователей (15% всех вебпользователей) посещали хотя бы один из 10 наиболее популярных сексуальных сайтов за апрель 1998 года. К этому времени было около 70 000 сексориентированных вебсайтов, имеющих весомую часть в секс-индустрии и приносящую около 4 миллиардов долларов дохода. Доступность этих секс-материалов может легко повлечь за собой возникновение паттернов, используемых для сексуального удовлетворения.

КОНТРОЛЬ. Киберсекс предлагает анонимную обстановку, которая позволяет отказаться от повседневных паттернов сексуального общения и попробовать проявить свои скрытые или подавляемые фантазии без страха быть наказанными. В любое время дня и ночи пользователь в киберпространстве может отыскать желаемого киберпартнера и попробовать реализовать с ним любые фантазии, которые он только может вообразить. Для того, кто хотя бы раз подумал о возможности группового секса, гомосексуальной связи, садомазохизме - киберсекс это конфиденциальный, безопасный и анонимный путь попробовать себя в этих фантазиях. Когда любознательный пользователь знает, что за ним никто не наблюдает, он может безопасно заглянуть в интерактивную "Комнату садомазохизма", "Комнату фетишизма" или "Комнату бисексуализма". Нецензурируемое сексуальное разнообразие киберпространства дает любознательным людям возможность получить удовольствие и исследовать свои скрытые или подавляемые фантазии. Оно вызывает чувство контроля над содержанием, тоном и природой сексуальных экспериментов. Женщина может в любую минуту сменить киберлюбовника, если он ее чем-то не устраивает. Мужчина может выйти из киберпространства, как только получит удовлетворение, не тратя время на прощание, или женщина может зайти под другим именем и начать новый параллельный киберсексуальный акт с другим партнером.

ВОЗБУЖДЕНИЕ. Возбуждение связано с возможностью свободно исследовать человеческую сексуальность в киберпространстве. Насыщенное, сексуальное общение в киберпространстве может вызвать тот же эффект, что и чтение эротических романов. Как было доказано исследованиями, большая часть физической привлекательности и человеческой сексуальности, это фантазии и работа воображения. Секс - больше функция состояния нашей психики, чем состояния гениталий. Интерактивность киберсекса позволяет людям чувствовать, что другие замечают их сексуальность. Например, непривлекательная в реальной жизни женщина вдруг чувствует, что ее

желают многие киберпартнеры, или неуверенный мужчина превращается в горячего киберлюбовника и заводилу комнаты сексуального общения. Исполнение скрытых желаний в процессе киберсекса может служить сильной наживкой для повторения этих действий и в будущем. Возможность выйти за рамки и попробовать реализовать свои фантазии, превращает киберсекс в захватывающее действие.

Пол имеет значительное влияние на восприятие мужчинами и женщинами киберсекса. Женщины предпочитают киберсекс, потому что он скрывает их физическую внешность и предоставляет им безопасный способ сконцентрироваться на своей сексуальности. Мужчины предпочитают киберсекс, потому что он позволяет избежать тревоги, которая может лежать в основе проблем с преждевременной эякуляцией или импотенцией, а также скрывает внешние недостатки, из-за которых они чувствуют себя неуверенно в сексе - выпадение волос, размер пениса или излишний вес.

Чрезмерная сетевая вовлеченность

Этот довольно новый, но активно расширяющийся в последние годы тип зависимости в киберпространстве за счет роста популярности виртуальных казино, аукционов и брокерских контор, работающих в режиме реального времени. В соответствии с АСЕ-моделью для объяснения этого типа зависимости доктор Young предлагает следующие аргументы:

ДОСТУПНОСТЬ. До появления Интернета, для того чтобы провести время за азартными играми, необходимо было ехать в Лас-Вегас или ближайшее казино, или покупать лотерейные билеты в местах их продажи. Для игры на бирже нужно было позвонить или прийти к своему брокеру и получить от него совет о текущем состоянии акций на бирже. Хождение за покупками означало поездку по различным магазинам в поисках нужной вещи и прочие неудобства. С появлением Интернета мы теперь имеем мгновенный доступ к сотням сайтов виртуальных казино, веб-страниц с самой последней биржевой информацией и к сетевым магазинам, где можно найти практически любую вещь доступную в обычной продаже. Такая доступность делает Интернет очень привлекательным для азартных игр и покупок в любое время дня и ночи.

КОНТРОЛЬ. Контроль буквально обозначает личный контроль над своими действиями в киберпространстве. Это особенно применимо к доверию электронным торгам. Раньше люди доверяли своему брокеру, как вложить их деньги, рассчитаться за товар и проследить за банковскими счетами. Сегодня возможность самому делать инвестиции может, потенциально, вытеснить необходимость в брокере для проведения всех этих действий.

ВОЗБУЖДЕНИЕ. Возбуждение представляется как достижение эмоционального пика, ассоциируемого с победой. В азартных играх кто-то срывает ставки, выигрывает деньги и это является сильным стимулом к продолжению участия в подобных играх. В торговле - вы следите за рынком

ценных бумаг, чтобы увидеть свой выигрыш за сегодняшний день. В аукционах возможность победить соперников, сделав наибольшую ставку, может опьянять не меньше, чем победа в спортивном соревновании за желаемый приз. Во всех случаях возбуждающее окружение, насыщенное действием, может стать сильным стимулом для повторения подобного поведения и в будущем.

Активные исследования IAD получили сейчас поддержку и у компаний, непосредственно занимающихся коммерческой деятельностью в Интернете. Компания Addiction National Discount Brokers, - известная брокерская и финансовая фирма, работающая в сфере Интернета, заключила соглашение с компанией Center for On-Line, по исследованию и помощи с IAD, доктора Young в марте 1999 года, о предоставлении своим клиентам последней информации об IAD.

Психотерапия и киберпространство

Бурное развитие новых технологий и вовлечение в них все большего количества людей, требуют от психотерапевтов изменить традиционные способы проведения терапии и использовать новые развивающиеся технологии для оказания психологической помощи пациентам. Использование компьютеров для проведения тестирования и последующей обработки результатов уже стало привычным инструментом для терапевтов всего мира. Компьютер помогает значительно сократить время между заполнением анкет и получением результатов, исключить работу по распечатыванию и распространению бланков, использовать цветную графику и анимацию при проведении тестирования. Сегодня компьютер используется и в смешанной обработке - когда заполненные вручную стандартные бланки, сканируются и распознаются при помощи специального программного обеспечения.

Распространение Интернета, обладающего специфическими свойствами (легким доступом к нему из любой точки мира и анонимностью реципиента) привело к тому, что все большее количество психотерапевтов открывает в нем киберклиники: консультационной и психологической помощи, включая индивидуальную и групповую терапии. Используя в своей работе электронную почту, комнаты общения, вебсайты и новые аудио-видео технологии, терапевты приближают возможность сделать психологическую помощь более доступной, чем традиционные методы, основанные на встрече с пациентом в офисе или клинике.

Кибертерапия (online therapy) - очень широкое понятие, охватывающее различные типы психотерапевтического вмешательства с использованием Интернета. Не следует думать, что любой тип традиционной терапии может быть перенесен и использован в киберклиниках. Трудно представить, что кто-то решится проводить классический психоанализ по электронной почте. Такой способ по видимому скорее подходит для оказания

психологической поддержки в кризисной ситуации или терапии посредством информации и обучения.

Несмотря на ограниченные возможности современной кибертерапии и отсутствие юридического статуса у подобной деятельности, она развивается и имеет все шансы стать полноправным членом в ряду психотерапевтических услуг.

Заключение

В данной работе были рассмотрены основные моменты общения людей с компьютерами и друг с другом в киберпространстве, включая сетевую зависимость, перенос и идентификацию. Из представленного обзора можно увидеть, что, несмотря на необычность способов общения людей в Интернете, психологические проблемы и способы их решения мало отличаются от проблем повседневной жизни.

Киберпространство предоставляет дополнительные возможности в реализации некоторых аспектов личности, более простым для нее способом, чем может предоставить человеку повседневная жизнь. Смена пола в сетевых играх и общении один из примеров подобной возможности. Следует ожидать, что в связи с быстрым развитием технологий, в самом скором времени психологам (и в первую очередь занимающихся проблемами подросткового возраста) придется уделять больше внимания специфическим вопросам, связанным с поведением человека в киберпространстве. Проведение тестирования, обработка материалов и проведение терапевтических сессий с людьми, удаленными от терапевта на тысячи километров – это уже не возможность, а реальность, которая имеет большие возможности развития.

Словарь терминов

Веб, WWW, Web, World Wide Web - термин для обозначения особого представления информации на компьютерах объединенных посредством Интернета в единую сеть.

Вебсайт, вебсервер, web site, web server - отдельный компьютер это сети.

Интернет, Internet - транспортная сеть, связывающая компьютеры разных стран в единую структуру, с возможностью доступа от одного компьютера к любому другому в этой сети.

Вебстраница, web page, WWW page - основная единица представления данных на вебсайтах.

Комнаты интерактивного общения – сервис, работающий на компьютере в Интернете, позволяющий общаться одновременно нескольким людям в отдельных "комнатах" по интересам.

Литература

- Holland, Norman N. The Internet Regression. (Psychoanalytic Studies e-journal, 1996)
- Rheingold, Howard. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier (HarperPerennial, USA, 1993)
- Rubin, S. People who need people meet in cyberspace. (San Francisco Chronicle, p. E7., 1994, April 13)
- Wright, R. Journey through cyberspace. (Ottawa Citizen, p. B4., 1993, Sept 18)
- Forman, G., and Pufall, P. B. Constructivism in the computer age: A reconstructive epilogue. (G. Forman and P. B. Pufall, Eds., Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum, 1998)
- Frude, N. The intimate machine: Close encounters with computers and robots. (New York: New American Library, 1983)
- Kiesler, S., and Sproull, L. Response effects in the electronic survey. (Public Opinion Quarterly, 50, 1986)
- Binik, Y. M., Westbury, C. F., and Servan-Schreiber, D. Case histories and shorter communications. (Behavioral Research Therapy, 27(3), 303-306, 1989)
- Waterton, J. J., and Duffy, J. C. A comparison of computer interviewing techniques and traditional methods in the collection of self-report alcohol consumption data in a field study. (International Statistical Review, 52, 173-82, 1984)
- Phillips, Betty S. Nicknames and sex roles stereotypes. (In Sex roles. 33(V/VI), 1990)
- Turkle, Sherry. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. (New York: Simon and Schuster, 1995)
- Suler, John. Do Boys Just Wanna Have Fun? (Rider University, 1997)
- Suler, John. Mom, Dad, Computer. Transference Reactions to Computers (Rider University, 1998)
- Young, Kimberly. Caught in the Net : How to Recognize the Signs of Internet Addiction-And a Winning Strategy for Recovery (John Wiley & Sons, 1998)
- King, S. A. Is the Internet Addictive, or Are Addicts Using the Internet? (Article on World Wide Web, 1996)
- Gibson, D., Wermuth, L., Sorensen, J. L., Menicucci, L. & Bernal, G. Approval Need in Self-Reports of Addicts and Family Members. (The International Journal of the Addictions 22(9), 1987)
- Huang, M. P. & Alessi, N. E. The Internet and the Future of Psychiatry. (American Journal of Psychiatry, 153:7, 1996)
- Thombs, D. L. Introduction to Addictive Behaviors. (New York :The Guilford Press, 1994)
- Thompson, S. Internet Connectivity: Addiction and Dependency Study, Honors Thesis in Media Studies (Pennsylvania State University, December 6, 1996)
- Egger, O. & Rauterberg, M. Internet Behaviour and Addiction. Semester thesis (Swiss Federal Institute of Technology, Zurich, 1996)